

РЕЧЕ

1985

19

Вече

Независимый русский альманах

19

Пятый год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

**© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1985
München**

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Заявление Н. В. ОСИПОВА	5
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	
И. А. Ильин – Мировые причины русской революции. Большевицкое правосознание	7
УМАЛЧИВАЕМОЕ	
Игумен Геннадий (Эйкалович) – Беседа об антисемитизме.	23
Трибуна «Вече»	
Н. Кусаков – С птичьего полета	43
О. Поляков – О белых и серых	61
К. Можаяев – В поисках правды	75
СОВЕТСКАЯ АРМИЯ	
Т. Савченко – Солдаты	81
Ю. Ветохин – Тихоокеанское Высшее Военно-Морское Училище	119
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Ф. Кирхгоф – В Ставке Верховного Главногокомандующего	133
ЗАРУБЕЖЬЕ РУССКОЯЗЫЧНОЕ	
Т. Сергеев – Ограбление	159
РУССКАЯ КУЛЬТУРА	
Н. Нефедов – Русский дореволюционный фильм и Вера Холодная	173
ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ	
И. Дугас – Загадка реки Каялы	185
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	215

Заявление В. Н. Осипова

27 ноября 1982 г., на исходе очередного, 8-летнего, срока заключения, я был этапирован в Тарусу Калужской области и поставлен под гласный административный надзор. Сначала – на год, потом адмнадзор стали продлевать каждые 6 месяцев. И конца не видно. Надзор – это та же ссылка, особо строгого вида, с той, однако, существенной разницей, что к ссылке приговаривает суд на конкретный срок, а надзор объявляет опекающий милиционер по своему усмотрению год за годом. Мне, например, не то, что выехать, – шагу не ступить за черту и без того крошечной Тарусы, комендантский час с 8 вечера до 7 утра, регистрироваться в милиции еженедельно, давать отпечатки пальцев и т. д. Словом, наказание без суда и следствия лет на десять. Формально адмнадзор продлевают за нарушения. Фактически мне удлиняют его при отсутствии нарушений. Основание азбучное: „не раскаялся, не осудил свое преступное прошлое“, „не встал на путь исправления“. И еще: „отказывается от воспитательных бесед с сотрудниками милиции“. Говорят, карают не за убеждения, а за действия. Меня сейчас карают надзором за одни мысли.

В мае 1984 г., т. е. на 18-м месяце надзора, моя бессудная ссылка усугубилась непременно́м компонентом неволи – террором. С этого времени я стал получать анонимные письма, полные бесстыдной клеветы, ненависти и угроз. Группа неизвестных сначала шантажировала меня, требуя выкупа, а потом перешла к делу. Поздним

вечером 1 сентября 1984 г. в окно моей комнаты с треском влетел камень, пробив стекла обеих рам и едва не угодив мне в висок. Камень был завернут в записку, чтобы я не думал на случайных хулиганов, а знал четко: целят в меня и мою семью. По странному совпадению, как водится, фонари на улице в тот вечер погасли. Покушавшиеся с легкостью пантер сели в автомобиль и укатили. Обычно мой дом находится под бдительным оком наблюдателей, оперативно сигнализирующих обо всем. Но здесь вдруг – проглядели, прошляпили. Взвзвешиваясь было за расследование начальник Тарусского РОВД Гришаков 14 сентября официально уведомил меня, что в случившемся „не находит состава преступления“. Дошла ли резолюция Гришакова до мафии, я не знаю, но 6 ноября 1984 г., две пантеры швырнули, смеясь, комок твердой грязи в окно детской и поехали. Наконец, вечером 21 ноября 1984 г. здоровый булыжник пробил стекла в московской квартире моей матери: не забывай! Попробуй выехать из-под надзора – уокошим. Последнее предупреждение почта доставила мне 13 января 1985 г. Грозят участью священника Попелюшки.

Таким образом, вот уже девять месяцев группа неизвестных безнаказно бьет окна, размножает и распространяет по стране клеветнические анонимки и угрожает расправой мне, моей жене и моим детям.

Я не боюсь смерти. Но если меня уничтожат, я хочу, чтобы все знали:

У МЕНЯ НЕТ ЛИЧНЫХ ВРАГОВ.

Меня могут убить только за убеждения.

14 января 1985 года

Владимир Осипов

249810 Калужская область, город Таруса,
проспект Пушкина, 37

И. А. Ильин

Мировые причины русской революции

Большевицкое правосознание*

1) В моих предыдущих лекциях я попытался указать на две основные причины русской революции, имеющие внешний, мировой характер, и лишь вследствие этого и в связи с этим – и внутренний, чисто русский: это, во-первых, **кризис, переживаемый христианством**, и, во-вторых, **кризис правосознания**, стоящий в тесной связи с первым, но обуславливаемый и вызываемый хозяйственной и общекультурной эволюцией человечества.

Рассудочная дехристианизация, во-первых, и, во-вторых, **индустриализация** со всеми ее психическими, моральными и политическими последствиями – вот схема (краткая и условная) этих факторов. Я выразил это так: духовная

* Эта – третья – лекция проф. И. А. Ильина из цикла лекций, читанных им в Берлине в 1928 г., является продолжением его предыдущей лекции „Кризис правосознания“ (см. «Вече» № 18). В тексте Ильина подзаголовок вообще нет, он добавлен, исходя из содержания лекции. Во второй половине своего выступления проф. Ильин использовал текст своей немецкой статьи „Der Bolschewismus und die Krise des modernen Rechtsbewusstseins“, напечатанной в сборнике „Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus“. Сборник этот вышел под редакцией Вальтера Ротшильда в 1926 г. Русского текста статьи Ильина в его архиве нет и, видимо, никогда не было. Проф. Ильин был автором и оратором двуязычным; переход с одного языка на другой и использование немецкого текста для русской лекции для него не представляли особых затруднений.

Печатается впервые. Публикация Н.Полторацкого. Courtesy of Michigan State University Libraries' Special Collections. Copyright © 1985 by Nikolai P. Poltoratzky.

выносливость, духовная прозорливость, духовная власть, духовное умение и весь духовный уклад современного человечества – оказываются не на высоте для разрешения тех новых и сложных задач, которые ставятся перед ним, –

а) естествознанием, с его открытиями и новой техникой,

б) новым способом производства, механическим и капиталистическим,

в) соответствующим ему новым классовым расчленением общества, обостренно напрягающим центробежные силы в нем,

г) ростом населения и мировой конкуренцией,

д) громоздкой, сложной, распыляющей и обезволивающей государственную власть организацией политической жизни и власти.

Человек (говорил я вам) овладевает внешним миром и утрачивает власть над внутренним (и в личном отношении и в общественном). Дух скудеет, инстинкт развязывается. Материальные возможности, требующие руководства и организации, растут и соблазнительно развертываются; а духовные необходимости (силы, цели, законы, умения) шатаются, слабеют и утрачиваются. От материи и от инстинкта идет анархия, соблазн и посягательство; а в духе и в воле – воцаряется бесцельность, смущение, растерянность, слабость и безыдейность. Ни идеи, ни воли; сомнение в старых путях, неверие, неуверенность и отсюда прострация. Отсюда общественное распадение, распыление. Жизненная, инстинктивная, биологическая индивидуализация делает быстрые успехи; а духовная отстает, но отстает так, что ее прежнее прибежище и опора – **духовный коллектив** (церковь, сословие, цех, родина, армия, семья), подточенный и расшатанный, не дает уже прежней авторитетной скрепы. Человек становится как бы пропускным аппаратом для своего инстинкта, интереса, страсти и чужого влияющего внушения. Или еще иначе: волевое начало покидает крыло духа и прилепляется к крылу инстинкта; люди становятся

сильны, необузданы и сплочены в служении злым страстям – и слабы, беспомощны и дезорганизованы в служении высшим началам Бога, совести, культуры и родины.

Эта атмосфера назревала в мире медленно и децентрализованно за последние два-три века; ее предвидел Лейбниц, когда писал: „с прекращением страха Божия начинается разнуздание всех страстей и господство такого образа мышления, который затопит мир потоками крови“. К середине 19 века неметился тот социальный слой (сначала в Западной Европе), который мог бы стать носителем, идеологом и совершителем этого образа мыслей; класс, который чувствовал себя обойденным и лишенным и потому был как бы рожден для порицания, ибо от всей культуры видел одну лишь пядь (рожденный стать презрительным Терсифом для Ахиллеса), – пролетариат. Этот класс на протяжении 50 с лишним лет слагался, организовывался, закреплял свою чисто негативную и противоречащую человеческому естеству (социалистически-коммунистическую) идеологию, придал ей наукообразную форму марксизма, материализма и рассудочничества – и затем приступил, воспользовавшись **военным толчком**, к волевому центрированию (третий Интернационал) и к разрушению (революция и имущественный передел на крови), начав его именно с России. Почему – именно с России – об этом я надеюсь сказать вам кое-что в четвертой лекции.

Вот схема той мировой атмосферы, в которой возникла, сложилась и закрепилась русская революция наших дней.

2) В частности в моей второй лекции я попытался обрисовать вам тот кризис, который ныне переживает во всем мире **правосознание** – и ныне я хотел бы прежде всего закончить этот очерк.

Если вы помните, я указал вам на то, что человек (хочет или не хочет, знает или не знает) всегда живет в обращении к другим людям и к обществу **правосознанием**; что правосознание может иметь здоровое строение и нормальную силу, и наоборот – оно может быть извращен-

ным и слабым; и что извращенное и слабое правосознание всегда вело и будет вести к преступлению и предательству, к смуте и революции, к гражданским и международным войнам. Далее я указал вам на то, какой глубокий, благодатный и могучий вклад сделан был христианством в общечеловеческое правосознание нашей эры и как затем начался на Западе процесс секуляризации, столетиями разъедавший, расшатывавший и выветривавший этот благодатный вклад и фундамент. Гораций в своей знаменитой оде указывает на то, как камень разрушается от **одного** дождя. Здесь не дождь, а едкий рассудок источил драгоценное достояние и, когда капиталистический способ производства со всеми его политическими и культурными последствиями поставил перед человечеством проблему новой общественной структуры, – то все и полезло по швам. Движение этого правосознания на первых двух этапах – 19 век и великую войну 1914-1918 года – я охарактеризовал вам в первых двух лекциях. Позвольте остановиться на третьем этапе.

3) с) Революция явилась воплощением этого правосознания, оторвавшегося от правовых аксиом, от верной волевой мотивации, от вопроса об обосновании права и от его духовной санкции; правосознание, которое было неспособно отличать добро от зла, которое уверовало в силу и в захват и которое научилось опьяняться идеею вседозволенности. Это был **третий** этап кризиса; и он развертывается под знаком большевизма, который, следовательно, совершенно недопустимо мыслить как упавший с облаков.

„Большевизм“ – это верное слово для обозначения общего духа современной революции. Это есть необузданный радикализм; и потому всякий необузданный радикализм, тянущий налево, содержит в себе его зачатки; это есть максимализм политических и социальных притязаний; это есть желание сейчас же всё получить, всё, что может дать политическая и социальная власть, и притом совершенно не считаясь с духовно-инородными и высши-

ми ценностями. Строго говоря, „большевизм“ совсем не однозначен с коммунизмом. Большевизм не система, не был ею и никогда ею не станет; это не теория, не доктрина, не рассуждение. Это есть душевное состояние, стремление, страсть – если угодно, болезненное состояние правосознания. Заболеть этой политической болезнью могут самые различные группы, сословия и классы; строго говоря – возможен был бы и большевизм справа идущий и направо тянущий. По существу своему большевизм есть зависть, ненависть, жадность, нетерпеливость, прямолинейность, бесцеремонность, беспринципность и бессовестность; конечно, все это вырастает в атмосфере духовной грубости и расцветает как явление политического вырождения. Большевизм совсем не есть тем самым коммунизм; напротив, человек настроенный по-большевицки может относиться враждебно ко всякому социализму и коммунизму (например, большевицкие настроения среди мелкого крестьянства). Напротив, коммунизм есть выдуманная теория, доктрина. Коммунизм не смутен, а ясен; он не только настроение, он – **воля**; у него есть план, и он отлично знает, чего он хочет; да он и не замалчивает своих целей. Коммунизм есть утопическое учение о счастье, стремящееся элиминировать, исключить из человеческого существования два основных принципа человеческого существования – **принцип личности** (индивидуации) и **принцип разнообразия**, неравенства.

При этом вся жизнь низводится на низший и элементарный уровень материального, мускульной работы, на уровень того, что доступно всем и присуще всем. И вот, дух и способ действия современной революции состоит в том, чтобы наложить на большевизированное правосознание духовно запутавшихся и уставших от войны (или имеющих еще быть утомленными в будущих войнах) масс – штампель имущественного передела и коммунизма.

В общем и целом, на десятки лет и на века – эти старания конечно безнадежны; потому что два основных принципа человеческой жизни (**принцип личности** и **принцип**

неравенства) никогда не позволят исключить себя и выбросить за борт; а они оба содержат уже сами по себе реальный противовес для всех материалистических и коммунистических попыток. Однако над преодолением этих трудностей работает третья стихия современной революции (1. большевицкая, 2. коммунистическая) – 3. интернационалистическая.

Интернационалист совсем не ищет осчастливить человечество коммунизмом. Конечно, среди коммунистов есть такие наивные, честные и безнадежно глупые люди, которые вдохновляются **противоестественностью** и **уродством** этой утопии и свято верят в то, что **свальный грех**, всеобщее упрощение, количественное уравнивание и всеобщее снижение создадут людям счастье и справедливость; но вожди-то современной революции в это всё не верят ни сколько. Намерения, цели и судьбы коммунистов отнюдь не совпадают с намерениями, с целями и судьбами интернационалистов. Интернациональный революционер наших дней совсем не ищет счастья для других, для народов, для человечества. Он ищет для себя – завоевать мир, захватить мировую власть и мировое богатство; **для себя самого** он отнюдь не желает коммунизма, и отлично умеет уклоняться от жизненных идиотств этой перверзной утопии. Судьба коммунизма совсем не совпадает – и в конечном счете не совпадет – с судьбой интернациональных революционеров: коммунизм падет и будет признан невозможностью; но интернациональный революционер рассчитывает процвести и остаться при богатстве и при власти совершенно независимо от коммунизма и коммунистов. Интернациональные революционеры стремятся создать новую социальную элиту, которую нельзя было бы свергнуть; которая рассчитывает подняться вверх, используя всеобщее брожение, разложение, вымирание и казни – свергая наличный верхний слой, соблазняя массы обманом всеобщего равенства (заведомо для них самих невозможного) и созидая на почве всеобщего нищенства и унижения **новое неравенство**, – но конечно уже в их собственную пользу; это

была бы новая **безбожная какистократия**.*

И все, что современная революция делает и творит, есть зрелое проявление, сочетание и последствие этих трех факторов, работающих сообща и в сплетении: **большевизм масс, идея и теория коммунизма, и разветвленная и сплоченная организация интернациональных бандитов, пробирающихся в интернациональную элиту.** Первый фактор образует движущую силу, которую расшевеливает и использует третий фактор, при подготовительном содействии людей второго фактора. Второй же фактор сам по себе дает идейный щит и создает тот уровень „пристойности“, политического приличия, на котором объединяются и сорганизовываются различные оттенки социализма, эгалитаризма, радикализма и демократизма. Третий же фактор дает управляющую волю: он заставляет массы возносить себя наверх под флагом социализма и на щите радикального коммунизма – и люди этого фактора одни только уверенно знают, чего они уверенно хотят.

Способ этих всех групп переживать право и обходиться с ним и слагает то, что можно назвать большевицким правосознанием.

4) По-видимому, большевицкое правосознание образует последнюю и низшую ступень кризиса, и тут мы можем считать себя стоящими **на дне культуры** в полном смысле слова.

Революция никогда не была признаком политического здоровья. Напротив: назревание и приближение революции означает всегда, что здоровые пути правотворчества не находятся и не пролагаются в жизни государственного организма; а это означает, что правосознание ведущих слоев не умеет обходиться с мутящимся и разлагающимся правосознанием масс – не умеет его оформлять, воспитывать и целить; и если революционный взрыв происходит, то это всегда бывает эксцесс больного правосозна-

* Какистократия (от др. греч. какистос – наихудший) = правление наихудших. Н. П.

ния. И это относится к России: большевицкая революция проявила **очень** сильным и ядовитым проявителем тот негатив русского правосознания, который уже имелся в России исторически. Это не значит, что у нас нет и не было сильных и здоровых сторон правосознания – но они оказались явно слабее и бесплоднее больных его уклонов.

Большевицкое правосознание таково, что оно вообще отрицает право. Не только русское дореволюционное положительное право, некоторые отделы которого (например, судебные уставы) стояли в мировом отношении на чрезвычайной высоте. Большевицкое правосознание отменило русские законы, не зная их, не рассматривая их, *ab ovo* и *in toto*. Оно вообще считает все право по-марксистски – условной, относительной надстройкой над исторически данными производственными отношениями; для него это лишь рефлекс наличного классового господства. И так как упраздненное регулирование жизненных отношений должно быть как-нибудь и чем-нибудь замещено, то оно и замещается сначала **произвольным действием**, затем **произвольною нормою**.

Дозволенность **произвольного действия** нашла свое отражение в главном революционном лозунге: „Грабь награбленное“. При этом каждое имущество рассматривается как результат прежнего грабежа и как подлежащая изъятию добыча. Устанавливаются своеобразные привилегии для каждого завистливого неимущего („бедняков“, „самых бедных“), причем в форме „*vindicatio rei alienae*“ немедленно приводимые в исполнение по собственному желанию и решекнию. Таким образом подстрекается и развязывается *bellum omnium*, в котором каждый может участвовать по мере своего желания и своей бесцеремонности. Следует отметить, что в сознании бунтующей массы создается своеобразное представление о „дозволенности“ или „полномочности“: „теперь **наше** право“, „теперь существует право **народа**“ и т.п. Каждый, чувствующий себя обиженным, считает себя в праве нападать и совершать насилия. „Справедливость“ и „грабеж“

ощущаются как синонимы: „animus sibi habendi“ взрывается и охватывает „corpus“, не заботясь о „res havilis“, „titulus“ и „fides“.

За первым периодом произвольного действия следует второй период – **произвольной нормы**. Произвольная норма отличается от правовой нормы как по форме, так и по содержанию. Она определяется правомочным властителем, который сумел произвольно и насильственно захватить общественную власть; таким образом, источник власти противозаконен и законность вообще теряет свой смысл. Произвольная норма ни к чему не обязывает „законодателя“, а следовательно снимает с него обязанность наблюдать за ней и ей подчиняться; он может применить норму там, где это кажется ему целесообразным, однако по желанию он может не придерживаться ее; он может придерживаться и любой другой нормы, даже такой, которая не была введена; он может, без отмены первой нормы, устанавливать наряду с нею любую другую, ей противоречащую, с тем, чтобы и эту по своему собственному усмотрению не применять. Произвольный властитель может нарушать свои собственные приказы и запрещения, директивы и нормы; при этом он основывается на своем „революционном самосознании“ (sic) и торжественно заявляет, что „суть революции как раз в том и заключается – постоянно отбрасывать и нарушать любое право, включая даже и то, которое только что им самим было введено“ (sic).

Само собой разумеется, что такие „нормы“ не могут устанавливать вообще никаких определенных полномочий, обязательств и запрещений: разрешенное в любой момент может стать запрещенным; запрещенное может толковаться как приказанное, и внутренняя сходность ситуаций не гарантирует однородной их квалификации. Принцип правового равенства одинаковых сущностей бесцеремонно отбрасывается и растаптывается; происходит произвольное приуравнивание неравнозначных сущностей и произвольная дифференциация сущностей однозначных. Все становится возможным и не существует никаких

гарантий. Все „регулируется“, но по „правилам“, которые суть ничто иное, как отдельные, вызванные требованием момента, распоряжения. Жизнь становится бесформенной и хаотичной.

Большевицкая душа имеет одержимую, неистовую, буйную волю. Эта воля действует неумолимо и свирепо; но исходит из мутной пустоты. Большевизм чувствует себя призванным к властвованию и пытается имитировать государственную политику. Однако его цели и его средства в основе своей противогосударственны, и вся деятельность сводится к неудачам, опустошению и безумию. И только разрушение может ему удалиться.

Революция всегда правонарушительна и праворазрушительна. Она нарушает не только „данное“ позитивное, исторически сложившееся право в этой стране, но суть самого права; ибо к **сущности** права принадлежит – **способность обновляться и совершенствоваться собственными, заранее сложившимися правовыми путями** и, в частности, **с помощью** постоянно наблюдаемой полноценной **лояльности**.

Чем вернее и правильнее правосознание, тем „последовательней“ и более „творчески“, а не „ломающе“ и „уничтожающе“ происходит правовое развитие, и наоборот.

По сути своей право есть организованное согласие, могущее укрепляться из самого себя. Революция, наоборот, всегда разрушает согласие; она источник, причем сам себя сознающий источник, произвола. Поэтому революционное правосознание есть такое правосознание, которое само себя подкашивает и неистово ускоряет свое собственное уничтожение; это разваливающееся правосознание, восхваляющее собственную гибель, канонизированное и догматизированное, но стремящееся в этом своем бессилии сохранить все претензии на господство и запутывающееся в своих внутренних противоречиях.

Право есть порядок; правосознание – воля к порядку. Большевизм процветает только в условиях беспорядка; он есть воля к беспорядку; поэтому он постоянно стре-

мится к разложению правосознания и подрывает свое собственное существование. Право есть договор; правосознание – верность. Большевизм использует только нарушение договора; он проповедует „эволюционный нигилизм“ („Сегодня – хорошо, завтра – плохо“); он учит предательству и процветает только в предательстве; его основной элемент ложь. И так постоянно работает он над уничтожением всеобщего доверия и копает сам себе могилу.

Право есть организация; правосознание – воля к объединению. Чтобы сохранить господство, большевизм травит и разъединяет; в нем содержится воля к расчленению и к гражданской войне; ненависть и междоусобица – его основной элемент. Он превращается таким образом в непрекращающуюся гражданскую войну, в оставившееся и долго не прекращающееся кипение хаоса.

Право есть властвование; правосознание – свободная лояльность. Большевизм хочет властвовать, он подрывает и беспрерывно закапывает лояльность. Правосознание как подлинная и творческая сила отбрасывается; в распоряжении большевизма остаются только запугивание, насилие и террор, как санкция и опора его власти. Страх унижает человека; он учит его хитрости и лицемерию; страх длится так долго, пока его не переборет страх перед смертью; и до тех пор он превращает бытие в систему окольных, обманов и мошенничества.

Большевизм стремится все регламентировать и не может никому верить; он вносит в жизнь недоверие и страх, и из этого для него произрастает принудительная педантичность, бешенная работа маховика, с которого соскользнул приводной ремень. Однако норма произвола лишена формы универсальности, и каждое отдельное распоряжение появляется слишком поздно и имеет эфемерное значение. Как одержимый вращается маховик центрального государственного аппарата, и все шире распространяется в стране угрюмое отмирание органической жизни.

Большевизм с самого начала делает ставку на алчность и бесцеремонность; его призывы направлены к дезертирам, бездомным, алчным, к людям склонным к грабежу. И посмотрите, уголовный элемент, освобожденный во множестве из тюрем Временным правительством, с радостью откликнулся на призыв и был принят в бюрократический аппарат. Большевицкая революция получила законченный облик, она политизировала уголовные бесчинства и криминализировала свою политику; теоретический нигилизм признал свой дух в практическом грабителе, и преступный практик амальгамировал свое бесчинство с делом ведущих идеологов. Кризис правосознания раскрыл свои наихудшие парадоксальности.

Было бы, конечно, очень интересно описать точно все то, что должно было бы содержать такое правосознание для превращения его в серьезную, этически тонкую и политически грандиозную сущность государства. Государственная сущность большевизма кажется **политической** лишь при очень поверхностном и формальном рассмотрении; ибо в действительности и по содержанию все смещено и деградировано.

Государство есть правовое явление. Но если право как спокойствие, порядок, договор, организация и законная власть превращается в свою противоположность, то от государства остается только формальная имитация, мертвая схема, содержание его должно черпаться из духовно-деградированной пустоты и из катастрофической необходимости момента. Государство есть живой организм, целенаправленное существо; вести, отстраивать и сохранять государство может лишь воля, которая видит внутренний государственный смысл и сознательно ему служит. Тогда в руководящем, конструктивном и сохраняющем правосознании возникают живые и одновременно общедуховные и индивидуально-эмпирические полнота, глубина и сила, с помощью которых оно создает и доводит до конца свое дело. Большевицкое „правосознание“ было и остается абсолютно чуждым имманентной

государственной сущности руководимой им страны. С самого начала Россия была нужна большевикам как бочка со смолой, как стог сена или бумажный факел, чтобы поджечь мир и завоевать его; поверженное государство представляет для них лишь средство и не становится самоцелью. Как необходимое следствие – не возникает живой общности между „государственной властью“ и „государством“; руководящая воля остается антигосударственной, в истинном смысле антиполитической и спускается от высшей инстанции до низшей в эфемерную неопределенность, в нигилистическую пустоту. И как следствие из этого возникает необоснованный произвол, алчное самоуправство, беспрецедентное всеобщее революционное взяточничество.

Государство есть сложное единство, конкретная общность сословий и классов. Государство существует лишь постольку, поскольку оно отвечает всеобщим интересам сословий и классов („все-общим“ = одинаково „общим для всех“; для **каждого** – „моим“), может охранять и уважать их. Большевицкое государство определяет себя как классовое государство, как государство физически работающих бедняков, привелигированных немущих, желающих владеть всем; оно стремится привести в такое же первобытное состояние все другие классы или же уничтожить их. Но поскольку не существует и не может существовать экономика одного единственного класса, то останавливается все хозяйственное кровообращение государственного организма, и избранный класс пролетариата, который в течение многих лет открыто требовал „права на безделие“ или же „вечный досуг“, повергается в состояние распыления и обнищания. Диктатура пролетариата разоблачает себя и превращается в партийную диктатуру над уничтоженным пролетариатом.

Государство есть дело единого народа, живая общность интересов и возможностей, связанная на „национальном“ уровне солидарности; и в этом смысле жизнь государства может поддерживаться только „национальной“ властью.

Большевицкое государство не имеет никаких национальных намерений и целей, оно неспособно к национальному делу и ничего не смыслит в национальной верности. Оно сознательно учит национальному предательству и практикует его, – причем во всем: в войне и мире, в философии и экономике, в народном просвещении и финансовом деле. Оно осуществляет неслыханный политический парадокс: политический самоподкоп, расточительное наслаждение собственным обнищанием. Следствием этого для несчастной, задавленной страны является всеобщая деградация, обнищание и голодное вымирание...

Большевизм следует понимать как зрелый плод всеобщего кризиса правосознания. Пока кризис этот захватил Россию, однако он наблюдается во всем мире и повсюду находит достаточно горючего материала. Бездуховное, деморализованное и разложенное правосознание действует повсюду заражающе, поджигаяще; конечно, есть „больше“ и „меньше“, „теперь“ и „позднее“: но для познания явлений мировой истории необходимо установить диагноз типа и представить себе зрелый максимум в его возможных последствиях. Перед нашими глазами, однако, уже открылась бездна созревшего кризиса.

Для здорового правосознания описанное типичное душевное состояние может представляться вовсе не как правосознание: скорее это нагромождение антиправовых идиотизмов, попрание всех основных аксиом совести, логики и социальности; бессвязная болтовня, лепетание. Однако это безумие поднялось до власти, вызвало к жизни бесконечные, неопишуемые страдания и пролило потоки крови, и именно в качестве **функционирующего правосознания**. Для ученого исследователя, обладающего чувством ответственности, имеющего пятилетний, приобретенный непосредственно в борьбе, страданиях и опасностях опыт, становится обязанностью спокойно и объективно назвать предмет своим именем. Кризис налицо. Он выражается в бесновании, безумии и уничтожении. Опасность грозит всей человеческой духовной культуре. И,

вероятно, уже давно пора приложить теоретические и практические усилия для восстановления здоровых и священных глубин духовного правосознания.

**Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:**

**RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)**

Н. Н. Воейков

ЦЕРКОВЬ, РУСЬ и РИМ

Книга дает богатый исторический материал взаимоотношений, или, вернее говоря, столкновений Русской Православной Церкви с Римо-католической. Обзор исторических фактов, повлекших за собой разделение церквей, осуществившееся в XI веке.

История католичества. История Православия. Попутно же – увлекательное изложение истории России, Киевской и Московской Руси, Русской православной монархии.

Католические нашествия на Россию, их отголоски и в более поздней истории (XIX-го века).

Москва и Европа; Русская православная монархия – как фактор мирового равновесия.

Исторические анализы, параллели и прогнозы.

Издание Свято-Троицкого монастыря

Цена в мягкой обложке – 20.00 ам. долларов

В переплете – 25.00 ам. долларов

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Holy Trinity Monastery Bookstore
P. O. Box 36. Jordanville, N.Y. 13361 – 0036
USA

Игумен Геннадий (Эйкалович)

БЕСЕДА ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ *

— Темой сегодняшнего семинара, господа, будет проблема антисемитизма! Хотелось бы взглянуть под современным углом зрения на это старое и трагическое явление и рассмотреть его, по мере возможности, с позиции христианской этики. И, чтобы не ходить избитыми тропами, предлагаю ссылаться только на еврейских писателей; комментировать же их, конечно, каждый может так, как захочет. Иначе невозможно было бы втиснуть огромный материал, трактующий об этом, в рамки сравнительно краткой дискуссии. Итак, кто первый захочет высказаться на эту злободневную тему?

— Извольте! Начну с того, что отмечу не „злободневность“ этой темы, а её „злобозонность“, если дозволено будет так выразиться, ибо реальность, называемая „антисемитизмом“ стара как наш иудео-греко-римский зон, легший в основу нашей западноевропейской цивилизации, закат которой, судя по всем признакам, нам приходится наблюдать в настоящее время.

— Пусть будет так! М. б. методологически было бы правильным начать с дефиниции самого понятия?

— Я недавно встретил английский неологизм „антиджуэс-нэсс“, вероятно, это то же самое!

* Избранные места из брошюры игумена Геннадия (Эйкаловича) „Беседа об антисемитизме“, изд. «Глобус», Сан Франциско, 1981 г.

— По-русски это было бы „противоеврейство“, но у нас имеются выражения: „противоеврейские настроения“, „юдофобия“, сиречь „евреененавистничество“ – это все синонимы.

— Предлагаю заглянуть в словарь Даля... вот... как странно! У Даля этого слова нет! Ну, заглянем тогда в словарь Ожегова... вот, слушайте: „Антисемитизм – враждебное, ненавистническое отношение к евреям, искусственно создаваемое буржуазией в своих классовых интересах“

Вот так здорово! Значит, в бесклассовом коммунистическом СССР антисемитизм не существует! Ха, ха, ха! Ну, и уморили!

— Да, действительно! Это парадокс вроде того, как еврея А. Суконика за его статью „Мой консультант Болотин“ евреи же называли антисемитом!

— Или еще такой парадокс: арабы, ведь – семиты? Семиты! И в большинстве, в подавляющем большинстве они – антисемиты!!! Это ли не „контрадикцию ин адъекто“?

— А я предлагаю отложить построение дефиниции на позже, когда мы рассмотрим различные варианты антисемитизма и причин, вызывающих это явление.

Согласны! Только с чего же мы начнем?

— Я еврейским вопросом интересуюсь уже давно... Но вот, сравнительно недавно в русских журналах появились полемические статьи в связи с обвинением А. Солженицына в антисемитизме. Обвинения эти выдвинули такие еврейские публицисты, как М. Гробман и Л. Бенда. Читали ли вы их статьи? Если нет, то прочтите обязательно.¹⁾

— Я лично их не читал, но содержание их мне знакомо из статьи Р. Рутмана в «Новом Журнале».²⁾ Мне статья эта очень понравилась, я вполне разделяю точку зрения её автора.

— Знаю, знаю! Многим евреям эта статья не пришлась по вкусу, но... что поделать? На всякий чох не наздравствуешься, на всякий „ох!“ – не наахаешься! Но некоторые

еврейские писатели поддержали Рутмана прямо или косвенно; я имею в виду, например, М. Агурского, Г. Свирского, да и редакция журнала «Время и мы» высказалась в пользу этой точки зрения, хотя и в иной связи, правда...³⁾

— В какой именно?

— Да, собственно говоря, в той же, солженицынской, но по поводу уже другой статьи, Марка Пераха. Если Гробман поставил проблему грубовато, то Марк Перах подошел к ней очень тонко... он взял ткань солженицынского творчества под интеллектуально-психологический микроскоп, так сказать, и усмотрел в ней потенциальные или скрыто-интенциональные антисемитические узоры.

— Я тоже читал статью Пераха и у меня создалось впечатление, что это уже не психологическая тонкость, а просто психопатологическая подозрительность, нечто такое... столь рафинированное, что уже граничит с маниакальностью!

— Да, вот, если хотите, я прочту для тех, кто этой статьи не читал — соответствующие материалы у меня под рукой. Так вот, слушайте, что он пишет:

„Проще всего выяснить присутствие прямого, грубого, откровенного неприятия евреев и еврейства. Сложнее выявить антисемитизм замаскированный, утонченный, изощренный. Формы его многообразны. И, наконец, труднее всего разобраться в том случае, когда автор художественных произведений по убеждению как будто вовсе не антисемит и искренне уверен в своем объективном (а иногда и повышенно добродетельном) отношении к евреям и еврейству, но подсознательно, в системе образов, в отборе деталей, которые он извлекает из действительности, — выдает скрытые антисемитские эмоции.“⁴⁾

Хотя Перах и делает кое-где оговорки (на мой взгляд, плохо согласующиеся с его основной тенденцией), но тем не менее он дальше отмечает, что Солженицын в книге „Один день Ивана Денисовича“ не выделяет „в потоке эзков отдельного еврейского ручейка“, что, производя предвзятую „селекцию образов“, часто умалчивает об евреях вообще и, в частности, греша против закона литературной правдоподобности, не употребляет слова „жид“, тогда как на самом деле слово это бытует в лагерь-

ном жаргоне не только в качестве имени собственного, но и нарицательного. Таким образом Солженицын, по мнению Пераха, сознательно **обеляет** Ивана Денисовича, а вместе с ним и русский народ, перед лицом **возможного** упрека в антисемитизме.

— Но ведь Пераху должно быть известно, что в прошлые времена за слово „жид“ ссылали в лагеря или прибавляли сроку!

И больше того! На 8-ом Всероссийском Съезде Советов Молотов потребовал, чтобы антисемитизм карался смертью ⁵⁾... и следует упомянуть, что в первые пореволюционные годы антисемиты считались „врагами народа“ и иногда расстреливались органами ЧК без всякого суда.

— Кстати, мне кажется, что Рутман неправ, считая, что слово „жид“ является „исконно польско-русским погромным именем“. Ведь раньше и слова-то другого не было. „Еврей“ было введено сравнительно недавно и только в русском языке, по-польски же и по-украински существует только „жид“. В русском языке оно встречается уже на заре нашей письменности, в Несторовой летописи; в эпосном фольклоре существовало слово „жидовин“; да и ересь-то была „жидовствующих“, а не „еврействующих“.

— Да, „еврей“ — это слово интеллигентское. Простой народ всегда говорил „жид“. Но это же самое слово теперь в устах интеллигента действительно звучит нарочито грубо.

— Тот же Рутман утверждает, что в СССР и слово „еврей“ со временем стало несколько зазорным, приобрело некий „неблагородный оттенок“ и стало заменяться выражением: „из наших“, и что лишь после „Шестидневной войны“, всколыхнувшей патристические чувства, советские евреи, принявшие в свое время русские псевдонимы, припомнили, что „их природное имя — Меерович или Финкельштейн“.⁶⁾

— Ну, не все. Среди эмигрантов из СССР имеется сколько угодно евреев, не отказавшихся от русских „псевдонимов“ и за границей. У евреев мода на русскую псевдо-

нимию имела, между прочим, и практический характер этнической мимикрии.

— А разве среди самих русских, попавших волею судеб, скажем, в США, не замечается тяга к американизации, по тем или иным причинам, своих фамилий?

— Да, бывает и так, но я лично эту практику не одобряю, разве что в случае неприличных или смешных фамилий. Но я знаю много случаев и „рееврейзации“, так сказать, фамилий, особенно среди иммигрантов в Израиль. Так ведь было с Гольдой Меир. Это – исторически осмысленно и патриотично.

— Но вернемся к Пераху. Так вот, слово „жид“ он считает признаком антисемитизма, а отсутствие его у Солженицына – симптомом **скрытого** антисемитизма!

— Получается и так плохо, и так нехорошо. Такое отношение свидетельствует, несомненно, о национальной сверхчувствительности и сверхподозрительности. Но, у кого натерта мозоль, тот чувствует каждое, даже легкое прикосновение к ней и даже страдает от одной мысли о возможном прикосновении. /.../

— Вы сказали в начале нашей беседы, что антисемитизм – это явление почти двухтысячелетней давности. Не преувеличиваете ли вы?

— Нисколько! Могу сослаться на книгу Соломона Лурье, профессора древней истории в 1-м Высшем педагогическом институте, основанном в первые годы после революции. Книга эта, озаглавленная „Антисемитизм в древнем мире“, вышла в издательстве «Былое» в 1922 году. У меня нет оригинала, но я пользуюсь текстом, перепечатанным в книге Андррея Дикого, „Евреи в России и СССР“, вышедшей в Нью-Йорке в 1967 году. Соломон Лурье, еврей, серьезный ученый и ссылается он на солидные источники греко-римского происхождения, а также на ряд немецких авторов, принадлежавших к миру исторической науки прошлого и начала этого столетия.

— Как же объясняет явление антисемитизма Лурье?

— Сперва – некоторое теоретическое рассуждение, на

основании которого можно будет провести соответственную аналогию. Если вы проанализируете ряд родственных или схожих явлений, возникавших в разное время и в разных местах, и убедитесь, что некоторые элементы этих явлений выступают случайно, другие же всегда в них присутствуют, то вы логично можете заключить, что эти вторые являются существенными, эссенциальными, так сказать, а не акцидентальными, для данного явления элементами. И наличие их можно считать если не депричиной, то во всяком случае материальной причиной этого явления. Перенесем теперь эту констатацию в область антисемитизма и мы увидим. . . но, нет, лучше я процитирую самого Лурье:

„. . . объяснить античный антисемитизм какими-либо временными причинами или причинами, лежащими вне самих евреев, совершенно невозможно. Если везде, где только ни появляются евреи, тотчас вспыхивает и антисемитизм (Моммзен, Рим. Ист. V, 519) и если антисемитизм есть совершенно „своеобразное явление“, не имеющее никаких параллелей в отношении греков и римлян к другим национальным группам (Вилькен, „К алекс. антисемитизму“, 783), то, очевидно, следует искать причину антисемитизма в самих евреях. Это ясно для большинства ученых; но так как антисемитизм до сих пор остается злобой дня, боевым вопросом, то вполне естественно, что такое объяснение антисемитизма получает оценочный привкус; ученые не довольствуются констатированием того, что евреи в тех или иных отношениях разнятся от всего остального мира, но еще находят нужным объяснить антисемитизм тем, что евреи либо много хуже, либо много лучше своих соседей“.⁷⁾

— Евреи действительно обладают качествами, выделяющими их среди иных народов, ибо – в среднем – они ловчее, способнее, талантливее, напористее, упорнее и терпеливее других. Во многих это вызывает зависть, вражду. . .

— Ну, а что пишет об этом Лурье?

„Действительно, чуть ли не каждый исследователь выдвинул особое объяснение происхождения антисемитизма: одни видят причину антисемитизма в том, что евреи – выше окружающей их среды, это народ бескорыстных идеалистов и апостолов (М. Фридлиндер), другие, наоборот, в том, что евреи в нравственном отношении ниже окружающей их среды, они корыстолюбивы и кровожадны (Ф. Штегелин), это – народ ростовщиков (В. Зомбарт), для одних – все дело в том, что евреи проникнуты партикуляризмом, они отделяют себя китайской стеной от окружающих (Э. Шюрер), другие, наоборот, видят историческую ошибку евреев в том, что они слишком охотно проникались чуждой культурой (И. Фрейден-

таль), одни пытаются делить еврейство древности на два обособленных и враждующих между собой течения и считают, что только одно из этих течений – узко-националистическое – породило антисемитизм (А. Бертолет), другие, наоборот, видят в еврействе древности одну тесно сплоченную семью и объясняют антисемитизм именно этой сплоченностью (Т. Моммзен), одни видят причину антисемитизма в необыкновенном своеобразии и иррациональности еврейского национального характера, представляющего собой тесное соединение крайних противоположностей (Эд. Мейер), другие, наоборот, объясняют антисемитизм более или менее случайными причинами, временного характера – религиозными, экономическими, политическими и т. д. – и считают, что еврейского народа не существует, а есть только граждане различных национальностей, исповедующие иудейскую религию (Т. Рейнак)⁴.

— Да, это целый калейдоскоп мнений, часто взаимопротиворечивых. А что же об этом думает сам Лурье?

— Он утверждает, что „постоянной причиной, вызывающей антисемитизм (. . .), была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка и будучи разбросанным по всему миру, тем не менее (принимая живейшее участие в жизни новой родины и отнюдь ни от кого не обособляясь), оставался национально-государственным организмом“. Это выработало особый облик евреев, который Лурье характеризует следующим образом:

„Наконец, постоянная борьба с преследованиями выработала ряд своеобразных черт еврейского приспособления в борьбе за существование. Это, во-первых, тесная сплоченность и взаимопомощь в жизненной борьбе, во-вторых, необычайное упорство в достижении поставленной жизненной цели, сопровождающееся много большей тратой энергии, чем обыкновенно, так как еврею, кроме обычных препятствий, приходилось преодолевать еще специфическую враждебность к евреям, и, в-третьих, своеобразное отношение к местному закону и государственности. Это отношение явилось результатом „двойного подданства“ евреев, необходимости соблюдать часто взаимно противоречащие моральные требования еврейского и местного закона и, как мы видели выше, может быть охарактеризовано так:

1. Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь поскольку он не противоречит еще живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае соблюдать не следует.

2. Необходимо быть строго-лояльным по отношению к государству, благосклонно относящемуся к евреям. При борьбе двух государств или двух партий внутри государства надо симпатизировать и по возможности содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям“.

Это – интересная формулировка и с ней нельзя не согласиться. Еврейский народ обладает действительно большими способностями и навыком в области жизненного соревнования с другими. Он в любых условиях, сознательно или подсознательно, стремится возобладать такими профессиями, которые, с одной стороны, не грозят физической опасностью, с другой же, при минимальной сравнительно затрате энергии приносят максимальный результат. Иными словами, они стремятся овладеть высокопродуктивными профессиями. Еврея можно было бы назвать „хомо экономикус“ по преимуществу. Они очень успешно проникают в такие области, которые можно назвать жизненными артериями данного общества. Это – финансы, медицина, пресса, юриспруденция, высококвалифицированные ремесла, не говоря уже о коммерции и бизнесе вообще.

— Тот же Лурье подчеркивает, что когда в данном государстве приходит к власти партия, не практикующая юдофобской политики, тогда у евреев остается „столько свободной энергии, прежде тратившейся на борьбу со специально антиеврейскими препятствиями, что часто, продолжая по инерции борьбу с прежней напряженностью, они выдвигались более, чем, пожалуй, сами того желали“. Так было в Вавилоне, в Египте, в рассеянии средиземноморского бассейна, да и, пожалуй, в Европе и США, не говоря уже о послереволюционных годах в СССР, где они заняли, в среднем, около 80% мест в высшем административном аппарате. /.../

— В упомянутом номере «Время и мы» напечатана интересная статья еврейского социолога и футуролога Зеева Каца. Он утверждает, что согласно последним статистическим данным, от 80 до 90 процентов евреев в США имеет высшее образование, а в СССР около 70% еврейской молодежи заканчивает университеты и институты...

— Я помню, что некий Давид Бург писал в свое время, что главное поле – это умственная работа.⁸⁾

— Так вот, Зеев Кац пишет: „Получив свободу перед-

вижения, евреи в силу особых исторических, социальных и генетических причин сильно преуспели, я бы даже сказал слишком преуспели“. И в этом стихийном продвижении вперед и наверх в этнически чуждых странах он усматривает даже угрозу, опасность новой катастрофы или катастроф в результате этнической конкуренции.

„Возникает вопрос, – пишет Кац, – кому предстоит стать интеллектуальной элитой индустриального общества – евреям или населению, составляющему абсолютное этническое большинство в той или иной стране? Вряд ли это этническое большинство согласится на то (. . .), чтобы евреи оставались руководителями ведущих научных центров в тех странах, где по численности они составляют ничтожный или сравнительно ничтожный процент. А ведь именно так выглядит картина сегодня“.⁹⁾

— Да, положение серьезное и трудноразрешимое. Вспоминаются мне библейские слова: „В тот день я сделаю князей Иудиных – как жаровню с огнем между дровами и как пылающий факел среди снопов...“ (Зах. 12,6).

— Так было почти всегда с евреями, разве что автохтоны данной страны сумели оградить себя, т. е. ограничить экспансию евреев путем законодательства и регламентаций и общественной дискриминации. . .

— Но ведь это несправедливо, сами-то эти автохтоны, ущемляя в правах евреев в личном порядке, охотно пользовались плодами их просвещения и умения.

— Возможно, что выход будет найден в ассимиляции евреев? При практике двойного гражданства, как это ныне иногда случается. /.../

— Но... смешно же требовать от евреев, чтобы они, в виду возможной опасности, перестали учиться и преуспевать!

— Конечно... потому мы и согласны с тем, что еврейский вопрос трудно – если вообще – разрешим. Зеев Кац, например, будучи человеком нерелигиозным (насколько можно судить по его статье) считает, что призванием еврейского народа является созидание и развитие „новых концепций философских и социально-нравственных моделей“ и что теперь перед ним предстоит задача создать модель нового, постиндустриального общества, в

котором, возможно, будут решены проблемы, в нашем еще – индустриальном обществе – неразрешимые.

— А какая религиозная концепция может быть противопоставлена этой?

Ну, возьмите, например, такого мыслителя, как Мартин Бубер, он подходит к проблеме антисемитизма с другой стороны, религиозной и философской. В одной из своих статей он написал:

„До сих пор нашего существования хватало лишь на то, чтобы сотрясать троны идолов, но не на то, чтобы воздвигать трон Господень. Именно в силу этого наше существование среди народов столь таинственно. Мы претендуем на то, чтобы научить абсолюту, но в действительности мы лишь говорим „нет“ другим народам, или, пожалуй, мы сами являем собой такое отрицание и ничего больше. Вот почему мы стали кошмаром наций. Вот почему каждая нация одержима желанием отделаться от нас во времена, когда стремится возвести в абсолют себя самое – и не только внутренне (как это было с незапамятных времен), но и в практическом порядке“.¹⁰⁾

— Но вы мне не ответили на мой полувопрос относительно ассимиляции интеллектуальной еврейской элиты.

— Думаю, что евреи, как правило, представляют собой некий этнический коллоид, неудоборастворимый в гетерогенных стихиях. Ассимиляции, индивидуальные и чаще всего частичные, имели место в истории, но . . . редко!

— Да и редко они бывали удачными!

— Но если „геттоизация“ нехороша, а ассимиляция плоха, то где же выход?

— Жизнь сама дает ответ на этот, кажущийся неразрешимым вопрос.

— У Ю. Марголина имеются интересные строки, относящиеся к судьбе испанских ассимилянтов в средние века:

„Но все соединенные усилия этих и других представителей испанского еврейства не могли предотвратить надвигающееся несчастье. Не могли его предотвратить и усилия ренегатов и неофитов, искренних и неискренних, искавших в лоне церкви спасения для себя и своих последователей. В этом заключается самый разительный урок „испанского варианта“ еврейской трагедии. Здесь впервые начало выясняться, что причина неутомимой ненависти, какую средневековая Европа питала к еврейскому меньшинству, неизменного отталкивания от него, не заключалась ни в религиозном расхождении, ни в экономических или классовых отношениях. Еврей не становился приемлемее от того, что он крестился, не спа-

сало его занятие ремеслом или физическим трудом, или крайняя бедность. Причина была глубже, – но это выяснилось не сразу¹¹⁾

— Вы упомянули ренегатов, но ведь ренегатов евреи всегда извергали из своего общества?

— Да, к ним община питала „жгучую ненависть“ и предавала их проклятию. Зато и ренегаты, порой, жестоко мстили бывшим единоверцам и единоплеменникам. Так, например, племянник известного философа Филона, Тиберий Александр, принял государственную религию и был назначен римским императором на должность наместника Египта, а затем устроил жесточайший погром евреев в Александрии. По свидетельству историка Иосифа Флавия, также весьма жестокий погром был устроен в Антиохии по навету еврея-ренегата. И в средние века можно найти много подобных примеров, а в наше время одним из главных нацистских преследователей евреев был ренегат Эйхман.

— А в чем же усматривал причину антисемитизма сам Марголин?

— К сожалению, он этого не сказал. В полемике с А. Диким он не рассмотрел по существу, аргументов своего оппонента. Да, по сути дела, он даже от полемики отказался, написав: „Отвечать? Разбирать по косточкам? Кому нужен „ответ“ на этот псевдонаучный очерк, разбор по всем статьям и пунктам, который бы выяснил некомпетентность автора по всем затронутым вопросам?“ Свою краткую статью в «Новом Русском Слове» он закончил следующим общим отзывом о книге А. Дикого о русском еврействе: „Не стоит входить в ее разбор, но можно рекомендовать ее каждому, кто захочет познакомиться – не с историей еврейства в России, какая она была на самом деле и близится к трагическому завершению, – а с образом антисемитизма, какой он был, есть и до сих пор сохраняется в известных кругах российской эмиграции.“

— Да, отвергнуто крепко, хоть и необоснованно! Но если антисемитизм есть „беспричинное явление“, как это следовало бы из рассуждений Марголина, т. е. возникающее по поводу евреев, но без их вины или причины, то

его следовало бы отнести к классу **естественных** явлений, детерминированных психосоматическими законами, наподобие того, как, например, железо плюс кислота дают окись железа, т. е. ржавчину, с той только разницей, что антисемитизм принадлежал бы к зоологической, т. е. биологической области, а не к химической.

— Так именно некоторые евреи и думают и даже употребляют выражение „зоологический антисемитизм“. Однако такая постановка вопроса подобна палке о двух концах и навеивает косвенно думы об еврейском расизме, хотя о нем евреи говорить не любят. Ведь если антисемитизм присущ нееврейским народам **по природе**, то это явление автоматически выделяло бы евреев из среды всего остального человечества в особую расу. Человеческий род тогда состоял бы из евреев и всех остальных – неевреев. Но, допустим, что эта гипотеза правильная: тогда, с генетической точки зрения следовало бы допустить совсем необъяснимый факт, что среди семитов по природе имеются антисемиты, именно – арабы, по крайней мере, подавляющее большинство их, что, конечно, абсурдно...

— Получается какой-то порочный круг. /.../

—...Что вы скажете относительно обращения французского римо-католического епископата „Пастырская ориентация в сфере отношения христиан к иудаизму“, имевшего место в 1969 году? Это ведь тоже знаменательный документ?

— Позиция епископов показалась мне – да простится мне такое сравнение-парафраза – „более христианской, чем сам Христос“... они мне напомнили о русских интеллигентах прошлого времени, слезно кающихся в своих винах перед „народом“. Конечно, есть там ряд правильных мыслей, но в общем епископы перестарались. Разрешите, я достану текст этого обращения в русском переводе, вот, например, чего стоит такое утверждение: „Первое условие требует от всех христиан уважения к еврею, **какой бы ни была его манера быть евреем.** (Подчеркнуто мною! – Г. Э.), чтобы они стремились его по-

нять, как он понимает сам себя, вместо того, чтобы его судить согласно своему собственному образу мысли".¹²⁾

— Да, здесь они хватили здорово! А если еврей — чекист или жулик? Бывают же и такие!

— Вот именно! Иисус Христос не шел так далеко... Он смело обличал евреев, если считал, что „их манера быть евреем“ не соответствует этическим нормам того времени. /.../

— При дискуссии на тему антисемитизма в России следует избегать двух крайностей, которые можно было бы кратко определить, как лозунги: „Жиды погубили Россию!“ и „Евреи ни в чем не виноваты, это только навет со стороны черносотенцев!“

— И. М. Бикерман, в статье „Россия и русское еврейство“ высказывает по существу ту же мысль, что и Бубер, которого мы уже цитировали, именно, что юдофобия не только в России, но и в остальном мире питается страхом перед евреем, как перед **разрушителем**. Но дадим слово ему самому:

„Нечего и оговаривать, что не все евреи — большевики и не все большевики — евреи, но не приходится теперь также долго доказывать непомерное и непомерно рьяное участие евреев в истязании полуживой России большевиками (...). Русский человек никогда прежде не видал еврея у власти (...). Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе красной армии (...). Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачем: он встречает на каждом шагу евреев не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но все же распоряжающихся, делающих дело советской власти: она ведь всюду, от нее и уйти некуда“.¹³⁾

— Да, евреи, в большинстве, как-то быстро отождествили себя с революцией.

— Я бы не сказал — в большинстве, но процентное соотношение тех, кто „дорвался“ до власти, к остальной массе у евреев действительно было самое высокое по сравнению с иными народностями России.

— Бикерман отдает себе отчет в том, что большинство евреев-небольшевиков пострадало от революции так же,

как и другие, и что оно, убедившись в том что революция принесла много бед, жаждало бы иного. И тем не менее – добавляет Бикерман:

„Но с жадной конца у еврея уживается и над ней преобладает бережное отношение к нынешней власти, как к экспонату революции или производному от нее. Не нами вызванная, не нами и осуществленная, революция тем не менее воспринимается евреем, как великое благо – для всех, вообще, для нас – в особенности. Не требуется даже указать, какие именно блага она принесла. Не принесла, так принесет еще.“¹⁴⁾

— В поведении евреев было, конечно, много иррационального. Они думали, что новое „плохо“ будет меньше старого „плохо“, а другие проводили в жизнь то, о чем говорится в украинской поговорке: „Нехай гирише, аби инше“, т. е. пусть хуже, но иначе, по-новому. Вожаки же думали, что будет хорошо, а им лично – в особенности.

— Бикерман рассказывает об одном примечательном разговоре:

„Когда хорошо известный нам старый, заслуженный еврейский общественный деятель – белый ворон – предложил в одной из европейских столиц высокому еврейскому сановнику духовного звания организовать протест против казней православных священников в России, тот, подумав, ответил ему, что это значило бы бороться против большевиков, чего он не считает возможным делать, так как падение большевицкой власти приведет к еврейским погромам, и его, сановника, руки окажутся, таким образом, замаранными еврейской кровью.“¹⁵⁾

— Но сеющий ветер – пожинает бурю!

— Не преувеличиваете ли вы, однако, элемент иррациональности в поведении евреев?

— Вот, другой автор сборника, Г. А. Ландау, показывает это в несколько ином сечении. Во-первых, скажу мимоходом, что у него мы находим ту мысль, которую мы рассматривали в связи со статьей Пераха. Ландау прямо говорит, что всякого, кто неодобрительно отзывается о евреях, они признают явным антисемитом, а всякого, кто этого не делает – антисемитом скрытым. Во-вторых, Ландау говорит, что „есть в участии евреев в русской смуте – черта поразительной самоубийственности“. По своим способностям и вкусам евреи строили в России, да и в других странах, буржуазный класс; капиталы сосредотачивались в их руках. Казалось бы, что в духе пресловутой еврейской

солидарности они должны были бы противодействовать всему тому, что угрожало этой „буржуазности“, и всячески поддерживать государственные устои, в которых их экономическое, да и культурное развитие имело место. Вместо этого евреи всячески поощряли идеи **социализма, сепаратического национализма и перманентного революционизма**. Получалось, по Ландау так, что реально они строили буржуазное общество, а идейно разрушали.

„Ряды социалистов, — пишет Ландау, — были переполнены евреями. И когда по линии русских государственных судеб над Россией, если можно так выразиться, стряся вместе с революцией социализм (. . .), тогда не только эти евреи со всей своей численностью и энергией оказались на передовой волне разложения. Тогда и остальное еврейство оказалось без сцепляющей идеи, — с недоуменным сочувствием к происходящему и недоуменной беспомощностью применительно к его результатам“.¹⁶⁾

И дальше:

„...большевицкий строй, опрокинувший социальную пирамиду, давший господство социально — низам, морально — отбросам, культурно — невежественным, неизбежно и в еврействе вытянул на поверхность соответствующие же элементы, открыв свободный путь наглости, проворству, всяческому отщепенству, всему непомнящему родства; и ясно, что и среди евреев легко отыскивались таковые для разрушения учреждений и ценностей, родства с которыми у них к тому же и вообще не было, или было лишь слабое (. . .). Поразило нас и то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде — жестокость, садизм, насильничание, казалось, чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни...“¹⁷⁾

— Не кажется ли вам, что число евреев, принявших участие в революции, преувеличивается именно антисемитами?

— Но об этом же говорят сами евреи, например, И. О. Левин, в статье „Евреи в революции“:

„Следует признать, что из всех приводимых с еврейской стороны аргументов, оспаривание числа евреев-большевиков совершенно не может считаться серьезным. Не подлежит никакому сомнению, что число евреев, участвовавших в партии большевиков, а также во всех других партиях, столько способствовавших так называемому углублению революции: меньшевиков, эс-эров и т. д., как по количеству, так и по выпавшей на них роли в качестве руководителей, не находится ни в каком соответствии с процентным отношением ко всему населению России“.¹⁸⁾ / . . . /

— Об участии евреев в деле революции свидетельствовал сам Ленин, лицо, можно сказать, в этом деле наиболее авторитетное. Это засвидетельствовано двумя еврейскими авторами, Киржинцем и Соломоном Гольдманом.¹⁹⁾

В частности, в разговоре с Диаманштейном, комиссаром по еврейским делам при Комиссариате по делам национальностей, он отметил:

„Большое значение для революции имело то обстоятельство, что за годы войны в русских городах осело много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы наткнулись после Октябрьской революции... Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжелую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы“. /.../

— Уже С. Лурье отметил, что если бы евреи в рассеянии реагировали на обиды и оскорбления рефлексивно, то это со временем привело бы к их полному уничтожению. Еврею не раз приходилось проглатывать обиду, затаивать ненависть, и это травмировало его психику. Конечно, при случае и он отыгрывался, по-своему, в виде психической компенсации. И в условиях, правда – редких, когда он становился хозяином положения, он мог своим подавленным эмоциям дать более бурный выход, чем это имело бы место, скажем, у русского, у которого рефлекс мог приносить разрядку без аккумуляции страстей.

— А кто из вас помнит слова Шейлока из „Венецианского купца“ Шекспира, когда он потребовал кусок живого тела от незадачливого должника из-за неустойки?

Иль, может быть, я должен низко шляпу

Пред вами снять и тоном должника,

Едва дыша, вам прошептать смиренно:

„Почтеннейший синьор мой, на меня

Вы в середу прошедшую плевали,

В такой-то день вы дали мне пинка,

В другой – меня собакой обругали;

И вот теперь за ласки эти все

Я приношу вам столько-то и столько!“

— Да, обстоятельства вырабатывали в еврее неприятные черты характера: трусость, мстительность или, при измененных ролях – нахальство. Ущемление прав, ущемленное чувство собственного достоинства, стремление выжить во что бы то ни стало, лишь бы не ценой отступничества от религии и национальной солидарности, выра-

ботало в еврее способность к мимикрии, что в свою очередь, вызвало у автохтонов подозрительность, недоверчивость и служило иногда материалом к созданию легенд о „всемирном заговоре“.

— Каждый народ обладает некоторыми характерными свойствами: одним они могут нравиться, другим – нет, у третьих они могут вызвать отрицательные рефлексy или попросту враждебность. Если это народы соседские, то их отношения могут быть дружественными, а могут быть и враждебными. Последнее чаще всего случается. И дальше, в одном и том же народе одно может нам нравиться, другое – нет; или же одним – нравиться, другим – нет. И такие эмоции свойственны и целым народам, и индивидуумам. /.../

— Существует психологический закон противоборства или противления... Скажите слегка выпившему человеку, что он пьян, и он, как правило, разозлится. Или, если спокойно полемизирующему оппоненту сказать, что он напрасно раздражается, то последний сразу же почувствует некое раздражение именно вследствие этого замечания.

— Насколько я вас понимаю, вы хотите определить тот **климат** или **среду**, в которых может возникнуть и „антисемитизм“, и „антигерманизм“, и „антикитаизм“, и ряд „анти – измов“ вообще, хотя **актуально** их нет.

— Именно, именно! Я имею в виду **потенцию** таких явлений и их **фактичность**, а к аксиологии мы придем позже... То, что в том или ином человеке вспыхивают иногда отрицательные, т. е. грешные эмоции, есть факт. От этого никто не гарантирован, разве что утвердившиеся в добре святые или же бесплотные духи. Представим себе такого человека с данным отрицательным потенциалом, если можно так выразиться. Теперь вспомним, что такое лакмусовая бумажка. Она пропитана особым раствором для того, чтобы, будучи погруженной в данную жидкость, определить кислотность (красный цвет) либо щелочность (голубой цвет). Так вот, если вы наш нейтра-

льный эмоциональный „потенциал“ сочетается с отрицательным еврейским элементом, то он проявится в антисемитских тонах; если – с отрицательным немецким элементом – то он окрасится в антигерманские тона, и т. п.

— Но ведь такая автоматическая или рефлексивная реакция должна быть приравнена к инстинкту и не может быть оправдана с этической точки зрения!

— Верно, но я предупредил, что речь идет пока о фактичности, а не должностовании... /.../

— Иисус Христос давал задачи дальнего, так сказать, прицела... устремление к ним обеспечивает правильную **установку**, а остальное – дело кропотливой практики... „Будьте совершенны как Отец ваш небесный!“ – слова эти свидетельствуют о том, что предел совершенствования – его беспредельность! Мы не можем избежать того, что по тем или иным причинам в нас вспыхивают злые эмоции, однако мы можем стараться не давать им хода. Пресекая их каждый раз, как только они возникают, мы можем достигать того, что вспыхивать они будут реже и слабее... Если я осознаю, что еврея нельзя ненавидеть только потому, что он – еврей; если я еврей, который мне антипатичен, не желаю зла, но только хотел бы его видеть лучшим; если я считаю, что еврейский народ, как и каждый народ, имеет право иметь свое собственное государство и т. д., то я, в моем разумении, не грешу антисемитизмом. А то, что я люблю евреев больше или меньше, скажем, итальянцев или англичан, то это – дело вкуса и личных симпатий, жизненных обстоятельств.

Примечания:

- 1) «Джерузалем Пост Магазин», 10.9.72 и 3.3.73.
- 2) «Новый Журнал», № 117, 1974. „Кольцо обид“.
- 3) «Джерузалем Пост Магазин», 13.4., 14.9.73 и «Посев» № 11, 1973.
- 4) «Время и мы», № 4, 1976. „Факты или селекция образов“.
- 5) С. Познер, «Еврейский мир», 1934.
- 6) Р. Рутман, „Уходящему – поклон, остающемуся – братство“, «Новый Журнал», № 112, 1973.

- 7) Цит. по книге А. Дикого, „Евреи в России и в СССР“, Нью-Йорк, 1967, ч. 2-я, стр. 31.
8) Давид Бург, „Еврейский вопрос в Советском Союзе“, «Антикоммунист», № 12, 1957.
9) «Время и мы», № 4, 1976.
10) Там же.
11) Цит. соч. стр. 176, 177.
12) «Вестник Р. Х. Д.», № 108-110, 1973.
13) Сборник статей „Россия и евреи“, Берлин, 1923.
14) Там же.
15) Там же.
16) Там же.
17) Там же.
18) Там же.
19) «Еврейский рабочий», Москва, 1926, стр. 236. «Юдише Галут-виртшафт», Прага, 1934-1935 гг. См. также «Вестник Института по изучению СССР», Мюнхен, Октябрь-Декабрь 1959.

**Игумен Геннадий
(Эйкалович)**

Беседа об антисемитизме

Издательство «ГЛОБУС»
GLOBUS-PUBLISHERS
San Francisco, California, USA

Цена брошюры с пересылкой
ам. долл. 3,00

Заказы направлять по адресу:

Igumen Gennady (Eykalovich)
24750 Santa Rita Str.
Carmel, CA. 93923, USA.

НОВАЯ КНИГА!

Евгений Наклеушев

К ЕДИНОМУ ЗНАНИЮ

Набросок

метафилософии – метанауки – метарелигии

Эта книга откровенно парадоксальна. Её задача – предложить систему всего вообще возможного знания, отдаленно подобную той, что построил некогда для известных и неизвестных химических элементов Менделеев. При этом автор сознает, что, в отличие от Менделеева, имеет дело с потенциально бесконечным материалом, и все же, вопреки предостережению премудрого Пруtkова Козьмы, подвигается объять необъятное. Разумеется, с точки зрения почтенного здравого смысла, это заведомо абсурдная книга. Заметим, впрочем, что так же отнесся поначалу почтенный здравый смысл к теории бесконечных множеств, квантовой механике и многому-многому другому.

Эта книга для физиков – и лириков, теологов – и людей сугубо светской культуры, для западников – и почвенников, традиционалистов – и новаторов, для всех – и против всех. Она приемлет все основные тенденции знания – и все находит узкими. Она строит синтез, с позиций которого многие тысячелетние противоречия оказываются мнимыми. Это самая всеприемлющая – и самая нетерпимая – к выжившему из ума в современной культуре – книга.

Цена книги – 12,50 US \$

Заказы направлять по адресу:

Yevgeny Nakleushev,

626 Water St., ap. 6 E, New York, NY 10002, USA

Н. К у с а к о в

С птичьего полета*

Если „с птичьего полета“, в минутном обозрении взглянуть на историю кончающегося тысячелетия, второго тысячелетия после Воплощения Бога Слова, то мы увидим, что первое поставило мир перед свершившимся фактом разделения христианского мира на Запад и на Восток. Не наше дело здесь судить о том, кто был прав в трагический день 16-го июня 1054 года: Ватикан или Византия. Нам важно, однако, установить, что привело к этому дню не вполне сходное понимание функции веры, – той самой веры, о которой папа римский св. Лев Великий говорил, как о том единственном, чем мы спасаемся.

О вере будем помнить, что она не есть детски-наивное повторение внушенных наставлений. Вера от слуха есть необходимая ступень для начинающего (и тем самым для детей). Учащийся не может не верить учителю! Однако, подлинный акт веры есть нечто иное. Вера есть акт интеллектуальной силы, которая способна превращаться в энергию познания, посредством которой незримое делается реально ощутимым и желаемое реализуется, как действительность.

Говоря о вере в Бога, мы не толкуем о „чем-то, что, быть может, есть там наверху“. Нет, мы говорим о Личном Боге, Создателе мира, Которого исповедует и Которому поклоняется в Троице – созданная Им христианская Церковь.

Вера есть акт чрезвычайно тонкий и из-за несовершенства человеческого, способна вести ум по неправильному пути, правильность же проверяется Церковным Преданием. Правильность веры находится не во внеш-

* Заключительная глава, готовящейся к печати новой книги церковного писателя Н. Кусакова „Критика революционно-демократической догмы и апология веры“.

них, объективных символах и формулах, а во внутренней, субъективной энергии, в её качественности, умеющей или подчас не умеющей правильно соединить нравственный интеллектуальный мир человека с онтологически существующим духовным миром. Здесь уму противятся страсти, гнездящиеся в сердце человека, когда ошибка в акте веры сопрягается со страстью гордости и ослепляет ум. Так было с Арием и другими ересиархами первого тысячелетия. То же повторяется и в наше время.

В правильном, бесстрастном применении энергии веры кроется именно то „таинство веры, которым одним мы спасены“, – как писал римский папа св. Лев Великий в Окружном Послании к Флавиану, архиепископу Константинопольскому в 451-м году. Если нет этого таинства веры в сердце, то все повторять спасительные символы, хранимые в Церковном Предании в руках иерархии, как залог, о котором каждый иерарх будет допрошен на Страшном Судище Христовом.

До сих пор мы вели речь о вере. Присмотримся к неверию.

Неверие есть волевой акт пренебрежения ума к свойственной ему интеллектуальной энергии веры. Этот акт способен приводить веру к полной атрофии. Она замирает. Но она никогда не умирает в сердце человека. Поэтому Библия учит, что „человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце“. (I Цар. 16,7).

Вера видит Бога, а неверие видеть Его не желает.

При всей высоте своего благочестия, силою исторических обстоятельств Ватикан встретился с прозелитизмом народностей, наводнивших Европу с Великим Переселением Народов. Византия же в это время имела дело с народностями коренных обитателей Востока, впитавших за тысячелетия несравненно более глубокую религиозно-философскую культуру, нежели та, которою жили гунны, англлы, саксы, франки, вандалы и проч. Корни Востока углубились в Ассирию-Вавилонию, в Иудею, в Египет и в философию Эгейского архипелага. Народы тогдашнего Востока прошли школу всех ересей первого тысячелетия,

и народная память на Востоке, как отмечают даже и посторонние наблюдатели (д-р философии, Бирмингемский архисинагог раввин Когэн в книге „Талмуд“), всегда была острее и крепче, чем то, что явили племена и народы, населявшие и потом заселившие Европу.

Тем самым пастырский подвиг на Западе не мог не отличаться от пастырского подвига на Востоке. Отсюда – между ними не было единой темы, единого пути проникновения к сердцу пасомых. К пастве на Западе не могли применяться те же указания, те же требования, .. я говорю о высоких ступенях духовного подвига, а не о начальных шагах добротворения, .. какие были обычны на Востоке.

Свою роль сыграло, конечно, и наследие „Железного Царства“ Римской империи, поселившее на Западе дух юридизма и правовых понятий, до конца оставшихся чуждыми Византийской духовной жизни.

В результате вера Востока, первые ростки которой зазеленели еще в дни апостольской проповеди, жила и действовала несколько отличным образом по сравнению с тем, что было на Западе, воспринявшем Христову веру из рук Рима. Посмотрите на благочестие рыцарей Первого Крестового похода, и вы увидите ту же чистую, простую, детскую веру, веру по-детски примитивную, такую же, как её явили наши предки славяне в первые столетия после Крещения.

Так Западное пастырство привыкло к своим способам наставления и руководства, а Восточное – к своим. Возникло различие, которому, разумеется, способствовала география и исторические, политические причины. Восток углублялся в субъективизм внутреннего делания и с этой позиции видел Церковь в её соборности, кафоличности, объединяемой изнутри, из сердца исходящими узами любви, возвращающей в Того, Который есть глава Христос (Еф. 3, 15-16). Запад не мог говорить со своей паствой этим языком. Высота, достигнутая в V-м веке при папе Льве Великом, могла удерживаться только другими путями. Паства требовала более понятных терминов:

объективности, ощутимости извне, что и находилось в принятии принципа возглавления и абсолютного доверия и послушания юридической законности. **По-разному стали верить.** Тогда и тексты Св. Писания стали прочитываться по-разному. Тексты – Матф. 16, 15-19 и Деян. 15, 6-29, те же и слова те же, но **Восток видит** в первом из них, что Церковь основана на Истине, что Иисус Назорей есть Христос Сын Божий и во втором, что высшей властью в Церкви является Апостольский Собор, где все Апостолы между собою равны, а **Запад видит** в том и другом тексте утверждение примата Апостола Петра над всеми другими Апостолами, – принцип, наследуемый патриархом Рима, т. е. римским папой.

Направление юридизма и объективизма церковной мысли на Западе не приметно ослабило ощущение надобности сильнейшего напряжения и постоянного действия субъективной функции веры, юридизм же вообще успокаивал совесть, постольку, поскольку у неё находились аргументы, чтобы положить на ту чашу весов, которая должна перетянуть вес грехов. Это все имело свое отражение и на всей Западной философии. Это и привело к событию 16-го июня 1054 года. Причина была в том, что к этому времени Запад, т. е. Ватикан, и Восток, т. е. Византия, жили не одной и тою же верой, а разными верами, верили по-разному! Это и отразилось потом в символах и позднее в догматах, или вернее сказать в понимании сущности того, что есть догмат.

Но вернемся к ходу исторических событий.

*

Восток. Хранитель идеи Православной Соборности, был подавлен Исламом. Он весь замкнулся в себя, в свой аскетизм, как бы ушел в затвор и перестал быть опасен для лежащего во зле мира. Ведущее положение в христианском мире по отношению к внешнему миру, к миру не-христианскому и антихристианскому, занял Запад. Западное христианство представляло собою, по отноше-

нию к язычеству, агрессивную фалангу христианства. Оно действительно овладело всей Западной Европой, донеся Св. Крест и поклонение ему до „края земли“ – „Finis terra“. Дальше был океан. Сила Западного христианства явила себя в Крестовых походах. Запад, возглавленный Римом, оказался знаменосцем христианства и было естественно, что именно на христианский Запад направились силы, исконно боровшиеся против христианства и добивавшиеся полного его уничтожения.

Силы этой борьбы явили себя еще в те дни, когда Господь Иисус Христос проповедывал в Иудее, в Галилее и в Иерусалимском храме. Главным их оружием были деньги. С них началась борьба. Иуда пошел к еврейским первосвященникам и начальникам и спросил: „Что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников“ (Матф. 26,15)... „Первосвященники и начальники обрадовались и согласились дать ему денег“ (Л. 22,5)...

Продолжаем обозрение истории „с птичьего полета“.

Творческий гений человека, усиленный интеллектом, который получил импульс со стороны христианской веры, повел к тому, что Запад распространил свою власть на весь тогда уже открытый мир. Тут прошло незамеченным, что власть эта была достигнута не столько сметливостью и смелостью европейцев, сколько силою денег, золота и импульсов корыстолюбия, сребролюбия, которые суть „корень всех зол“ (I Тим. 6,10). Кстати, случилось ли вам слышать о роли банка Борджиа (знаменитая семья, владевшая папским тронem) в открытии Америки? Америго Веспуччи (1454-1512) был директором этого банка.

История Западного мира с его колониями, с его наукой, с его войнами, бунтами, революциями, с его смятенной философией, начавшейся в христианстве в высотах духа (схоластика) и кончившей плотью в материализме (марксизм), или в пустоцветах экзистенциализма, фрейдизма и т. п. – с его промышленностью и пристальным исследованием физики, с его банками и финансами, восприняв-

шими подлинную власть над державами Европы, – все это открыто перед очами образованного современника. Все это видно „с птичьего полета“, почему нам и нет надобности описывать этот известный процесс. Достаточно напомнить о нем.

Но, как бы ни был хорошо знаком каждому этот сложный исторический процесс, от внимания наблюдателя обычно ускользает то, что **по мере того**, как стирался принцип Священного Права Монархов, точнее говоря Христианской Монархии, **с тех пор**, как абсолютный авторитет Церкви умаялся и вера делалась „частным делом каждого“ и вместо авторитета Церкви возвышался авторитет власти народного представительства, – **в той же мере и в то же время** увеличивалась власть и сила власти капитала, финансов, ростовщиков, искони прославленных своим жестокосердием. С тех пор, как произошла незримо для внешнего наблюдателя эта смена власти и власть оказалась в руках капитала, все войны и все революции, в которых людям не было никакой надобности, были вызваны капиталом.

Не напрасно мудрец, писавший библейскую книгу, предсказывал, что „настанут дни, в которые многие из живущих на земле обладающие ведением, будут восхищены, и путь истины сокроется и вселенная оскудеет верою, и **умножится неправда**, которую теперь ты видишь, и о которой издавна слышал“ (3-я кн. Ездры 5,1-2).

С этим Западный мир шествовал во втором тысячелетии.

А на Востоке начало второго тысячелетия ознаменовалось возникновением Государства Российского. Поднявшись „из тьмы лесов, из топи блат“, оно восприняло Православную Христианскую веру от греков и сохранило её со всей силой аскетической морали, присущей православному исповеданию и в полную меру устройства своей мысли по откровению его догматического откровения. **И все ветры оказались направлены на уничтожение Руси.** Едва она явила свое лицо в том же достоинстве, как и все

европейские христианские державы (Ярослав Мудрый, 1019-1054), Киевская Русь подверглась полному уничтожению в пожарах татарского нашествия, но не задохнулась в дыму этих пожаров!

Подобно фениксу, Русь вновь восстает в Москве, чтобы покончить с татарским игом, укрепнуть и устремиться на Дальний Восток, неся туда свет Христовой веры. Наконец, Россия, уже к началу Петербургского периода, при Петре, достигла „царства Хинского“ и Тихого океана. Но и тут покоя не было. Преодолев нашествие Наполеона, желавшего подчинить Россию идеям французской революции, Россия распростерлась на Кавказ и приняла границы, в которых мир знает её с начала XX-го века. Раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией принес неожиданность: мирное внедрение еврейского населения восточных областей Польши на русскую землю и в русскую среду.

В годы XX-го века Россия вступила, как величайшая держава, сохранившая верность принципу Священного Права Монархов, православного аскетизма морали и догматизма мысли, как эти принципы предначертаны библейской философией Св. Православной Церкви. Не забудем того, что изучение Закона Божия по уставам Св. Православной Церкви было обязательным предметом во всех учебных заведениях Российской Империи. (Вопреки многочисленным замечаниям со стороны революционных, прогрессивных и чуждых православию умов, почитаю своим долгом заметить, что преподавание Закона Божия было поставлено на должной высоте и учащиеся относились к этому предмету с любовью и вниманием, хотя и были пренебрегавшие им. Это были будущие комсомольцы. Беда шла со стороны общественной мысли, охотнее плетшейся за „прогрессом“, нежели хранившей верность Свято-Русскому началу. А мы, нормальные гимназисты, чистым сердцем воспринимали батюшкины наставления и уроки нравственного воспитания).

В начале XX-го века Россия была единственным в мире государством, неписанной конституцией которого было

Священное Право Монархии, облеченное на нашей родине в форму Святой Руси. Здесь совершалась иерархия власти и субординация подчинения, начиная от Царя, подчиненного Закону Божию (См. чин коронования Русских Царей), и кончая последним пахарем; воспитывалось же это право в Церкви, в училище, в обществе и в семье. Это и было то, чего Запад, к тому времени, весь уже воспринявший веру в революционно-демократическую догму, принять не мог никак. Именно против этого с Запада в Россию уже давно шли разлагающие влияния, которыми изнутри подтачивался весь организм страны и народа, и государства. И это – от головы до ног. Началось это „подтачивание“ еще при Екатерине Второй; с началом же XX-го века плоды французского просвещения были очевидны. Одновременно усилились и враждебные влияния извне.

Император Александр III оставил в памяти России свой знаменитый тост: „За Короля Черногории – единственного союзника России“. Японская война открыла, что весь Западный мир желал падения Императорской России. Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция и международный капитал открыто содействовали Японии и вся печать Запада злорадствовала по поводу поражений России на фронтах японской войны, в то время как враги нашей родины не щадили денег на воспитание революционеров среди русских военнопленных в японских лагерях. (См. «Нью-Йорк Таймс», № 21.609, суббота, 24 марта 1917 года).

Плоды просвещения. Бесчисленная серия официальных государственных документов, газетных данных и журнальных справок, мемуарной литературы и негласных, но проверенных данных, изученных за последние шестьдесят лет, ясно говорят, что революция в России произошла не из-за проблем крестьянского землевладения, не из-за справедливого восстания рабочего класса за свои права, а совершилась она руками политиков Западных держав, целиком уверовавших в революцию и в демократию, и направивших все силы на низвержение Русской Православной монархии. Главным средством борьбы были деньги.

Россия не пала. Россию свалили. Не напрасно сказал библейский мудрец: „Сколько будет слабеть век от старости, столько будет умножаться зло для живущих. Еще дальше удалится Истина и приблизится ложь“ (3-я кн. Ездры 14,16-17).

Запад ликовал по поводу революции в России. Его ближайшая цель была достигнута. И случилось, что яма, которую они копали России, оказалась ямой для всего мира. Точно по слову Псалмопевца. Пс. 9,16.

Обрушились народы в яму,
Которую они же ископали
И в сети, ими же разостланной,
Запутались они своей ногой.

Они думали, что в границах России остановится. Сейчас остановилось на Афганистане. Следующий свалится в большевицкий мешок еще более неожиданно. Почему же это случилось? Зная историю нетрудно ответить. С одной стороны Запад был ослеплен ненавистью и презрением к России. Это мы говорим по опыту наших родителей, туристами посещавших Европу, и по собственному опыту. Он у нас есть. (Я не исключаю того, что на Западе есть много добрых людей. Если бы не они, то не видать бы вам этих строк!).

С другой стороны случилось то, что находясь в заблуждении неверия, руководящие силы Западного мира, все эти вожди революционной демократии, считались только с собою, почему они не могли ни знать, ни понимать, ни предвидеть последствий своих поступков. И они пришли к результатам, для них совершенно неожиданным. По жестокосердию своему они не возражали, чтобы русский народ подвергся муче большевизма, чтобы на русской земле учредился государственно узаконенный террор яковинского порядка, чтобы искоренялась русская вера и подвергалась поруганию Русская Церковь и извращалась правда о русской истории. Это нисколько не волновало и не волнует жестокое сердце руководителей Западного

мира. Наблюдая деяния Ленина и потом Сталина, они восхищались крепкими нервами вождей, проводящих исторически решающие реформы общественной жизни. Они были уверены, что всегда смогут остановить силу „отсталой России“, смогут победить русского человека в науке и в технике, и будут всегда держать большевизм под своим контролем. Но обсчитались. Было время, когда Сталин приказал „догнать и перегнать передовые капиталистические страны“. Американские карикатуристы выступили с карикатурами, где запыхавшийся Сталин вприпрыжку бежал за американским автомобилем. Сегодня они на задних страницах газет печатают отчеты о силе советского подводного флота. Им страшно говорить о современных достижениях советской военной техники, и они бледнеют когда сравнивают свои Западные потенциалы по стали, по нефти, по газу, по рабочей силе с такими же потенциалами всего советского мира. И они забывают, что если Западный рабочий не может работать, не имея что есть, то советская власть уже имеет опыт, как заставлять работать даже совершенно обессиленного умирающего человека. **Они смеялись, когда Хрущев сказал им: „Мы вас похороним“.**

Сойдут в могилу Горбачевы и Кастро, как сошли Ленин, Сталин, Брежнев и Мао, но там, где на знаменах написаны имена Маркса, Энгельса и Ленина, микробы зла, террора, разрушений и великого принципа беспринципности никогда не вымрут, и горе тому, кто окажется во власти людей, отдавших свою волю под эти знамена. Если Керенскому, Милюкову, Чхеидзе и другим было куда бежать, да и то не все успели,.. то западным политикам, идущим по их стопам и сотрудничающим с якобинским большевизмом, бежать будет некуда. Их ждет гильотина. Пример Бенеша и Дубчека у всех перед глазами.

Россия и СССР

Один раз взявшись за перо, трудно остановить мысль, да может быть и недобросовестно было бы обрывать её

на полуслове. Надо бросить хотя бы беглый взгляд на проблему: Россия и СССР.

Общественная мысль Запада не делает разницы. Для них это одно и то же. Советская Социалистическая Республика, по мнению Запада, есть органическое продолжение Российской Империи. У Западной культуры не хватило интеллектуальных сил, чтобы видеть неизбежно продолжающуюся войну советской власти против русского народа. Этой войны не замечает ни их высшая политика, ни школа, на каком бы уровне академизма она ни стояла, ни Церковь, имея в виду Ватикан, и наравне с ним все протестантские доминации. Впрочем, об этой разнице было говорено довольно, и притом, как внимательно разведка, или же орден иезуитов, или же просто историки, вникают в жизнь других стран, приходится сознаться, что трагическая эта разница отлично известна тем, кому знать надлежит. Но тем не менее массы в это не посвящаются и руководители политики Запада ведут себя так, словно не знают ни о том, что Ленин был врагом России, ни об „октябрьском перевороте“, ни о борьбе большевиков против Русской Церкви или против исторической правды о России и о её царях.

Смотрите, – даже такая вершина образованности, как высший **ареопаж Римского Католицизма** в лице своего Вселенского Собора, закончившийся в декабре 1965 года, **ни словом не коснулся** ни судьбы Русской Православной Церкви, ни того, что **бытие коммунизма**, до тех пор, то есть, пока самый его корень не вырван из земли, **обозначает гибель Церкви и всего Христианства**. В самом деле, Россия страна православная, не католическая, какое до нее дело римскому папе? А того, что от судьбы России зависит судьба всего христианства не Бог знает сколько времени, – этого Вселенский Собор Римского Католицизма не заметил. (Помните басню Крылова? . . . „Слона-то я и не приметил“).

Революционно-демократический Запад свалил Россию. Он же выпестовал советскую власть. Он же привел СССР к тому уровню технических достижений, с которого боль-

шевизм стал прямой опасностью для демократического Запада. Придет час, когда очередной вождь большевизма пригрозит Западу полным уничтожением и продикует с трибуны Организации Объединенных Наций марксистско-ленинскую конституцию. Каждому гражданину будет гарантировано право быть вполне свободным и делать все, что ему покажется полезным для строительства социализма, и то – в пределах дозволенного.

И примут.

Помните, – физический потенциал России неизмеримо превосходит потенциал Запада. Одной сталью Россия может задавить всю Европу и Америку, технология же власти в большевицком лагере доведена до того совершенства, что народ всего СССР можно заставить работать и на голодном пайке. Но самым мощным козырем в руках большевиков, является политика Запада, по отношению к России, к СССР и к большевизму. Эта политика может вынудить русский народ, о себе и большевицком правительстве, говорить „МЫ“, хотя до сих пор еще эти отношения выражаются словами: „Мы“ – русский народ, и „Они“ – советская власть.

В свое время Гитлер именно этого добился своей „Ostpolitik“. Запад этого добивается с таким упорством, что, повидимому, добьется. В истории есть моменты, после которых „задний ход“ уже невозможно дать. Тогда остается сказать: „Надо было раньше думать, господа“.

Единственное, что теперь могло бы спасти демократию от большевизма, – это, во-первых, если бы они приняли твердое решение покончить с ним во всем мире, как они покончили с гитлеризмом, **и, во-вторых,** – если бы они стали забивать клин между русским народом и большевизмом, честно становясь другом и союзником русского человека, а не другом советской власти. Но тенденции в этом направлении не видно. Запад начинает сознавать, что поддержка, оказанная большевизму Гувером в 1920-м, Рузвельтом в 1933-м, что вся эпопея мира и дружбы между демократиями и большевизмом, того результата, который Западом ожидался от этой политической линии, не

дали ни в какой мере и никак. В демократический лагерь большевизм не перешел, но усилился чрезвычайно.

Не так ли надеялись и русские либералы, встречавшие Ленина в апреле 1917 года с цветами в руках, когда он вернулся из Швейцарии, проехав Германию в знаменитом „запломбированном“ вагоне? Родзянко и Милюков, Чхеидзе и Керенский, Шингарев и Терещенко и прочие „думцы“ были рады соединить свои силы с силами левых социал-демократов. Потом ленинский потомок, товарищ Сталин, расстрелял тех из них, кто не успел во-время бежать.

Так и теперь. Сегодня демократии, еще оставшиеся в живых от наступления большевизма, чувствуют себя, как в осажденной крепости, ожидая – чья будет очередь, и не имея средств бороться с наступающим врагом.

Предпринять-то что-нибудь еще и можно, но у революционно-демократического Запада руки связаны страхом, – страшным страхом возрождения Свято-Русского духа на русской земле, возрождения ростков Священного Права Монархов и учреждения христианского быта. Ведь вся догма революционной демократии порождена одной и той же целью: **низвергнуть Священное Право Монархов.** Вот, поэтому-то политики Запада и делают вид, словно они не понимают разницы между Россией и СССР, поэтому представляют себе и другим русский народ – народом советским и каждую свою антисоветскую акцию (такие все-таки есть) выполняют, как акцию антирусскую, т. е. направленную против России, тем самым насильственно делая русский народ союзником большевизма. Идут точно по стопам Гитлера. Тем самым и конец их ждет тот же, что Гитлер дождался.

Что же делать?

Вот, – скажут, – хоть твои сведения и верны и выводы обоснованны, чувствуется за ними опыт и логика, но лучше бы ты помолчал. Ведь так можно и в отчаяние впасть! Мир в руках неправды, порочной мысли и потери

чувства к требованиям нравственности. Неверие порождает порочность, порочность побеждает добродетель, и красная туча шигалевщины охватывает все более и более широкий горизонт и опускается все ниже и ниже. Что делать?

Сознаюсь, картина печальна. **Нужны крепкие нервы и готовность встретить новые шквалы зла.** Но если бы у меня не было ответа, я за перо бы и не брался. Ответ есть. Не вижу возможности, чтобы с ним можно было не согласиться, хотя бы и очень невелико число тех, кто захочет его выслушать и исполнить. Тем не менее, раз мы заняты темой ответственной, то ответ надо изложить.

Когда человек, идучи долгим путем вдруг даст себе отчет, что он потерял золотую монету, от которой зависит его судьба, он возвращается по пройденному пути, пока не увидит в пыли то, что потерял. Золотая монета была потеряна, когда ум людской увлекся эмпиризмом, когда мудрецы мира сего, лежащего во зле (I Ин. 5,19), вообразили, что человек есть только плоть, когда они отвергли духовную, нетленную сущность человека, предоставленную для вечной жизни, и когда они вообразили себя в состоянии решить для блага человечества на земле все проблемы, все задачи и указать путь к неиссякаемому земному блаженству.

Тогда в решении возникавших задач нравственного (этического, морального) характера у них не оказалось полноты данных, которые непременно должны были бы быть привлечены к делу. Мало того, что у них не было нужных данных, – они думали, что располагают их полнотой! Стоит ли удивляться, что их выводы оказались неверными? Следовательно, для правильного решения нужно вновь привлечь отвергнутые данные. **В наше время нельзя удовлетвориться ревизией марксизма, потому что ошибка лежит раньше.** В наши дни нельзя удовлетвориться ревизией Гегеля, потому что ошибка лежит раньше. **Надо обратиться к вере.** Пусть на первых порах мысль не окажется в состоянии возвыситься к высотам веры Апостольской во всей её чистоте. Но само обращение уже

поставило бы на путь исканий Истины и оградило бы от непроверенных радикальных мер и, во всяком случае, подчинило бы общественную жизнь христианской нравственности.

Надо признать ту истину, что человек не из одной плоти состоит, но свойственен ему бессмертный дух. Нужно признать, что когда постигнет человека смерть, то прах его возвратится в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его. Поэтому, закон нравственности гласит: Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека, ибо всякое дело Бог приведет на суд, и всё тайное, хорошо оно или худо. См. заключительные строки кн. Экклезиаста.

Вот, где находится потерянная монета. Вот, где распутье, на котором общественная мысль пошла вместо правого пути по неправому.

*

Увы, увy! Мало будет тех, кто в сердце найдет мужество, чтобы великодушно преодолеть гордость, разоблачить в себе свою причастность к мировоззрению эмпиризма, кантианства и гегельянства, чтобы признать свое невежество, свою недостаточность, чтобы преодолеть неверие и вдохновиться верой. В большинстве, люди слабы и малодушны, а для возврата к вере нужен глубокий внутренний перелом. Сколько мужества должен проявить современный человек, чтобы признать авторитет Библии, Псалтири, книг Нового Завета!.. Чтобы склониться перед этим авторитетом. Надо насторожить внимание, обратиться ко внутреннему человеку (Еф. 3,16), войти во внутренний мир души, ощутить мир веры, надежды и любви, влекущей к вечной Истине и к Премудрости и дать в душе и в уме, и в сердце этому миру господствующее место.

Другого пути нет.

Найдется таких людей среди всех народов довольно, чтобы они затеплили свои лампы, чтобы осветить

начальную тропу, тогда на мерцание из тьмы, потянутся к ним другие. Их будет становиться больше и больше. Станет светлеть вокруг, и может быть, по милости Божией „оставшееся пустит опять корень вниз и принесет плод сверху“ (сравн. 4 Цар. 19,30). Не найдется?.. Мрак неверия до конца заглушит всякую логику. Будут по-прежнему утверждаться на лжи и будут по-прежнему же, – как говорит Премудрый, – „пасти ветры, гоняться за птицами летающими, .. проходить безводную пустыню и землю, обреченную на жажду и собирать бесплодие“ (Прит. 9,12). Так и будут собираться на конференции и на конгрессы, давать друг другу торжественные обещания, а мрак большевицкой беспринципности будет все глубже обволакивать мир.

Изменить себя должен человек! Должен обратиться к „внутреннему человеку“ (Рим. 7,20; 2 Кор. 4,16; Еф. 3,16). Утвердиться Духом Божиим во „внутреннем человеке“, переоценить ценности материального мира. О чрезвычайной трудности такого перерождения общественной мысли можно говорить без конца. „Мир во зле лежит“ (1 Ин. 5,19) и цепко держит каждого человека. Но единицы могут найтись. Они могут объединиться. При первой возможности возникнут „кружки“. „Кружки любомудрия“, „Кружки отечественной культуры“, появятся церковные братства, Свято-Русские содружества. Они станут развешивать ложь и сеять слово правды. Им предстоит долгий тернистый путь, подобный тому, каким шли св. Апостолы и христиане первого века, да и будет их путь особенно затруднен тем, что всё будет препятствовать их подвигу поста и молитвы, и их будут убивать. Ведь зверю, выходящему из моря „дано было вести войну со святыми и победить их“ (Апок. 13,7).

Но найдется ли хотя бы немного таких?

Мрак неверия до конца заглушит всякую человечность, ожесточение сердец достигнет неслыханных форм. Останется молить Бога, чтобы Он сократил те дни скорби, да не впадут в соблазн спасающиеся. И да свершится воля Божия, в которой зло встретит заслуженную вечную кару.

Еще только несколько слов

Написанная по-русски, эта работа обращена в первую очередь к русской аудитории, к русскому сердцу и уму. Но будем помнить слова нашего мыслителя-славянофила А. С. Хомякова (1804-1860).

„Мы должны знать, – писал он, – что никто из нас не доживет до жатвы и что наш духовный и монашеский труд пашни, посева и полотья есть дело не только русское, но и всемирное“.

Эта мысль особенно остро говорит о той обязанности, которая лежит на нас, русских умах и сердцах, в смысле того, чтобы поднять течение против течения. Не только это слово, но стечение исторических событий налагает на нас особенную ответственность и призывает к особенно энергичному служению Истине, отвергнутой в доктрине революционной демократии и попранной в большевизме. Судьба мира не может быть изолирована от судьбы России, равно как и от судьбы России зависит будущее всего мира.

Наша родина дольше всех стран мира удерживалась в лоне Священного Права Христианской Монархии, против которого восстала революция. На нашей родине дьявольский лик революции, как зверя из бездны, носящего имена богохульные, явил себя с такой ясностью, как нигде на земле. Нам и нашему народу досталась на долю жесточайшая судьба, какой не могут себе представить люди других стран, поэтому нашему поколению, поколению свидетелей пережитого, – нет! – все еще переживаемого ужаса, по совести вменяется обязанность чувствовать, какие страшные силы участвуют в происходящей космической борьбе, глухо отражаемой в серых газетных строках, безразличных к добру и злу, . . . пока зло их не схватит в свои цепкие лапы. Мы должны быть провозвестниками происходящих событий, **предупреждать словом и делом, являть**, что обращение к духовной жизни не сказка, не мечта, а вполне осуществимая действительность.

Увы! Наша речь обращается к Западу, не раз явившему страшно жестокосердое лицо по отношению к России и к судьбе русского народа. С этим жестокосердием приходится считаться. Захотят услышать?... Добро. Нашего полку прибудет. Не захотят?... – погибнут. Большевизм остановлен быть не может и за признание большевиков законным правительством России демократическому Западу придется расплачиваться наличными. Вопрос сегодня стоит так: либо оставшиеся в мире силы добра восстав, сметут коммунизм с лица земли, либо его красное кровавое полотнище закроет весь мир.

Мы предупреждали. Мы предупреждаем. Это долг нашей совести и чести.

От судьбы России зависит судьба всего мира.

Пусть мы недостойны, но жизнь поставила нас в условия, когда мы стоим на месте праведника, о котором Псалмопевец говорил:

Что останется праведнику делать?

Что в силах сделать он,

Когда они (беззаконники) разрушили основы
Всего, что создал Ты, – Господь и Бог мой.

См. Псалм 10-й, Ст. 3.

Нам остается быть верными своему долгу перед нашей родиной, храня и вещая её правду, верность перед Церковью, разрушенной дьявольской злобою, верность перед Богом в надежде, что Он даст силы ту верность сохранить до гробовой доски.

„Не бойся, малое стадо, ибо Отец благоволил дать вам царство“ (Л. 12,32).

О белых и серых

В журнале «Вече» № 15 напечатано обращение Леонида Бородина „К русской эмиграции“.

Как мы оскорбились! Как мы возмущены!

Не в бровь, а в глаз попал своим обращением Леонид Бородин! Стыд очи ест – вот мы и злимся!

Возможно, кое в чем Бородин не прав, кое-что осудил несправедливо, кое-что, наоборот, перехвалил, о чем-то он имел недостаточную и неверную информацию – ведь во мраке подсоветской жизни в деталях можно и ошибиться. В основном он прав, очень прав. И зачастую он еще милостив к эмиграции.

Он говорит об эмиграции вообще, а не о тех отдельных людях, которые действительно „рыцари белого дела без страха и упрека“. Но если посмотрим на нас всех взятых вместе, на эмиграцию в целом, если мы отбросим ставшие стандартными, для многих, увы, затасканными и незаслуженными эпитеты вроде непримиримости, жертвенности, бесстрашия, а зачастую даже и политической порядочности, то ужас охватит нас – особенно если осознать ту пропасть, которая разделяет представление о высоких качествах эмиграции (несмотря на всю критику) у Бородина и у всех подсоветских людей и то, что в действительности представляет собой нынешняя эмиграция. И еще больший ужас должен нас охватить, если мы поймем, какая пропасть лежит между тем, что ждет от эмиграции Бородин, все подсоветские люди, вся Россия, и тем, что мы **реально** можем дать. Да, эмиграция многое

дала в области философии, социологии, религии, этики и во многих других областях, многое, что останется непреходящими ценностями русской культуры – но что мы, большинство русских эмигрантов, знаем об этом? Много ли нас, знающих не только по-наслышке, а читавших И. Ильина, Лосского, Франка, Карташева, Вышеславцева, Левицкого и многих других? Много ли среди нас таких, которые способны принести эти ценности рускому народу, быть проповедниками новой истины? А главное – многие ли из нас подлинно желают быть такими проповедниками?

Нет, не возмущаться нам надо, а каяться. Посыпать пеплом главу и каяться!

Давно, еще в 1921 году, еще по живым следам и по кровоточащим ранам поражения Белого движения, В. В. Шульгин писал о тех, кто был на стороне белых, что среди них были подлинные **белые**, герои, беззаветно отдававшие свою жизнь на фронтах гражданской войны за величие и честь России – и **серые** – те, кто отсиживался в тылах, пьянствовал в кафе и ресторанах, занимался политическими интригами и спекуляцией.

К сожалению, серых было не мало. Когда, при отступлении армии Деникина, красные подходили к Одессе, в ней скопилось около 15 тысяч кадровых офицеров. Только 500 вступило в отряд, который с боями прошел до румынской границы и погиб, потому что румыны не пустили его через границу. А остальные четырнадцать с лишним тысяч оказались серыми и бесславно погибли в чекистских подвалах. . .

Так какая же сейчас эмиграция, белая или серая? Лучше всего судить по примерам.

Русская дама лет пятидесяти. В молодости активно работала в молодежных организациях. Теперь же, как она говорит, ей надоела „эмигрантщина“. Ничего не делает, живет в свое удовольствие. . .

„Эмигрантщина“? Нехорошее, обидное слово. Да, много есть в нашей эмиграции плохого. Но и хорошего не мало. Кто дал этой даме, да и любому из нас, право

считать себя вне или выше эмиграции? Ведь эмиграция, как общественное и политическое явление – это мы сами. Каковы мы, такова и эмиграция. Эмиграция – не клуб, в который можно войти и можно выйти, мы плоть от плоти и кровь от крови её. Если в эмиграции будут преобладать белые – она будет белой, если же серые – то она будет серой. И если кто-либо, мнящий себя белым, отрекается от эмиграции, он не только отдаёт эмиграцию серым – он становится сам серым. И если эмиграция плоха, он сам виноват – недостаточно блюл белизну её риз.

Мужчина, примерно такого же возраста. Холёный, хорошо устроенный, самоуверенный. На вопрос, почему отказался от активной работы на Россию, отвечает, что бесполезно: мировой капитализм, мол, поддерживает коммунистов, – плетью обуха не перешибеешь. На замечание, что есть какие-то моральные обязательства – молчит. Тоже серый, как премудрый пескарь ушел в тину обывательского благополучия. А ведь, обернись что-либо на нашей родине к лучшему, он будет тут как тут – „мы пахали“.

Опять дама, член очень активной эмигрантской организации. „Вернется ли в Россию, если будет для этого возможность?“ – спрашивают её. „Нет, свои дома на Гудзоне я не брошу...“ Эта хоть честно серенькая, не притворяется белой.

Еще дама, один из руководителей литературного общества, писательница. Дети не говорят по-русски... Если спросить, как это могло получиться, ответ: „Жить надо было... Мне нужно было срочно освоить английский язык, я с детьми дома практиковалась“. Конечно, жить надо – но не такой же ценой добиваться сытой жизни.

Таких индивидуальных примеров можно привести сотни. Но в массе своей эмиграция-то серенькая. В День скорби и непримиримости в Русском доме 50 человек. Но если какой-нибудь бал, то будет человек двести-триста, а на кадетском и того больше. Кстати, устроители балов

обычно Дней непримиримости не устраивают и в них не участвуют, а „Литфонд“ в Нью-Йорке, хотя все его члены клянутся в непоколебимом антикоммунизме, ежегодно свой годовой концерт устраивает в день, совпадающий со Днем скорби и непримиримости.

Входная плата на бал 25-30 долларов, а на Татьянин день, на бал Общества русских инженеров – 60 долларов. На семью из троих 180 долларов. Но когда встает вопрос о подписке на русский национальный журнал, начинаются страдания. Скупа стала наша эмиграция, от своего богатства – а она богата по сравнению с тем, что было, скажем, до войны, даже в самые благополучные годы, но даже крох не отдает.

Считать же деньги в чужом кармане она любит. Сколько разговоров о том, кем и как финансируется то или иное издание, та или иная организация. Не успел начать выходить журнал «Вече», так уже какой-то серенький забеспокоился – кто же его финансирует? Могу сказать точно – не он. Он наверно забыл уже, когда дал последнюю копейку на русское дело.

Какова же наша политическая деятельность? Да, мы разрознены, не едины, разобщены – но это не было бы бедой, если бы наши споры были творческими, если бы из них рождалась истина. Они бы были даже полезны, потому что идейное единство, особенно искусственное, а тем более принудительно насаждаемое – идейная и духовная смерть. Но ведь мы спорим по пустякам, возводим малозначащие, второстепенные вопросы до уровня основополагающих принципов, в своих спорах упрямы, обычно придерживаемся тактики: „Или так, как я считаю нужным, или никак“. Мы нетерпимы к чужим мнениям и в несогласии с нашим мнением видим личное оскорбление. Но и это все могло бы быть терпимым, если бы наши споры не были вызваны зачастую личными антипатиями, если бы их целью было достижение истины, а не унижение противника, если бы в них соблюдалась объективность, а во многих случаях правдивость и порядочность.

За примерами далеко идти не надо. Есть одна газета, особо специализировавшаяся не столько на антикоммунистических выступлениях, сколько на непрерывных, необоснованных и вздорных нападках на НТС. Недавно в этой газете, под броским, претенциозным заголовком „Двоеверие“ с подзаголовком: „Для «Посева» нет разницы между красными и белыми“ написано, что историк Николай Росс, написавший предисловие к книге Ларионова „Последние юнкера“, сказал, что в гражданскую войну с обеих сторон были „героизм и жестокость, идейность и шкурничество“. Что касается жестокости и шкурничества, было это, увы, и у белых, – достаточно прочесть упомянутую мною книгу Шульгина или, еще лучше, воспоминания самого генерала Врангеля, вынужденного расстрелами наводить порядок в армии и особенно в тылу. Что же касается идейности, то она была не только у белых – именно, подлинно белых, а не серых, по определению Шульгина, – но и у красных, с той только разницей, что белые служили идейно правде и добру, а многие красные, по злой воле или в результате обмана – идейно служили злу. Признание того, что и у белых, и у красных были идейные борцы, отнюдь не означает, что ставится знак равенства между идеями. Но книга издана «Посевом» и не опорочить её для газеты было невозможно. А напрасно! Книга Ларионова прекрасна, написана искренне, с подлинным национальным чувством, и если кто-либо, прочтя клевету на нее, не прочтет книгу – многое потеряет.

Нет, не можем мы не порочить брата своего! Посмотрите на наши эмигрантские издания – все заполнено полемикой, спорами, нелепыми обвинениями друг друга. Тот же Рудинский, который наиболее рьяно критиковал Бородину, под конец не удержался от гнусности – начал обвинять редакторов «Вече» в подлоге! Впрочем, для Рудинского это не ново – он признанный „мастер“ чернить тех, кто ему не по душе.

В своей статье „На чью мельницу вода льется?“, опубликованной в «Вече» № 11, А. Тольский, проанализиро-

вав деятельность третьей эмиграции, показал, что она только помогает советской власти. Автор, человек новый в эмиграции, еще, видно, не полностью ознакомился с деятельностью многих и многих из первой и второй эмиграции. Если бы он знал все, он бы в число тех, кто льет воду на советскую мельницу, включил бы многих деятелей первой и второй эмиграции. Каждая наша эмигрантская бессмысленная ссора, каждое несправедливое обвинение какого-либо политического деятеля в эмиграции – только радость для КГБ. Впрочем, многие из этих споров, ссор и обвинений искусно провоцируются агентами КГБ.

В эмиграции любят твердить о „напрасных жертвах“. Как это удобно, как этим можно оправдать собственную инертность, свое нежелание не только жертвовать своей жизнью (куда там, это эмиграция уже давно забыла!), но и крохами своего благополучия. Но напрасных жертв не бывает! Каждая жертва – это светоч, зовущий других к борьбе, веха на пути тех, кто не сдался. Конечно, обидно слышать Бородин, когда он говорит, что эмиграция – это те, кто убежал, ушел от непосредственной опасности. Он имеет право так говорить, потому что он **сознательно**, в порыве своего чувства долга перед своим народом и своей страной, идет на жертву. Жертву напрасную, с точки зрения философии эмигрантских премудрых песен. Впрочем, по той же философии, и Белая борьба, и Власовское движение были напрасными жертвами.

В психологии эмигранта все поставлено с ног на голову. Он обижается, когда Бородин недвусмысленно показывает эмиграции, что она потеряла дух жертвенности и борьбы, но в то же время эта же эмиграция требует от тех, кто там, в России, под гнетом чекистской власти, жертвенности и мученичества. Бородин упоминает об отце Дмитрие Дудко. Я был в России, когда произошло его злополучное „покаянное“ выступление по телевидению. Все, кто его слышал – может быть, за исключением тех, для кого он был ненавистен как православный русский священник, тех, кто кичился своим „неконформизмом“ и стремился уехать из России при первом удоб-

ном случае, – жалели о. Дмитрия, возмущались чекистами, которые его принудили к такому позору. Никто не интересовался, что говорил о. Дмитрий, – все понимали, что это вынуждено, что все это написано не им. Да кто из подсоветских людей не прошел через эту унижительную процедуру публичного покаяния – на пионерском ли сборе, на комсомольском или партийном собрании, на производственном совещании. . .

Но другую картину я застал здесь, в эмиграции. Как все негодовали, как все кипели, как все в один голос **требовали**, чтобы он пошел в тюрьму, в лагерь (кстати, вторично, а это значительно труднее, чем впервые). Они требовали мученичества, ничем не рискуя и ничего не понимая, жестокосердые и самовлюбленные, видевшие только сучек в глазу ближнего своего. . .

Но не только к людям, которые „там“, мы относимся жестоко и несправедливо. Недавно я прочел воспоминания Бориса Ганусовского, эмигранта, офицера казачьих войск в течение второй мировой войны, выданного англичанами в 1945 году в Лиенце и прошедшего 10 лет в сталинских лагерях. В 1955 году, во время хрущевского кратковременного послабления, его, слепого инвалида, выпустили за границу. Автор в своей книге написал, что он стремился как можно больше абстрагироваться от своих личных переживаний и хотел ограничиться описанием пережитого с фотографической объективностью. Это ему в значительной мере удалось, – лишь один раз вырвались наружу горестные чувства – но не по поводу событий в лагере, а по поводу того, как его встретили многие эмигранты. Автор скуп – всего несколько слов – но нельзя без боли читать о людях, которые „сидя в мягком кресле, в теплых шлепанцах, попивая горячий, вкусный чай“, беззастенчиво и грубо совали свои пальцы в его душевные раны. . . Автор не пишет, что его спрашивали и о чем говорили, но, на основании имеющегося собственного и чужого опыта, могу себе представить: „почему не покончил самоубийством“. . . „почему не бежал“. . . „как это получилось, что выжил“ (нужно пони-

мать: „выжил потому, что дел себя нечестно“). . . „почему его, белоэмигранта, выпустили“ (сопровождается это выражающим сомнение покачиванием головы – мол, не иначе, что „продался советам“). Это все по отношению к своему собрату, потерявшему зрение в советских застенках, вместо того, чтобы посочувствовать его несчастью и радоваться его избавлению.

Раз уж затронут вопрос о выживании в советских лагерях, то, как ни парадоксально, громадное большинство эмигрантов, попавших в лагеря, выжило. В лагерях выживали не сильные физически, а – как сказал уже А. И. Солженицын – сильные духом.

Но все эти „колыхания“ эмигрантского болота, к счастью, мало доходят до подсоветских людей, мало их интересуют и мало понятны им. Их больше всего интересует то, что может дать им эмиграция в деле борьбы за освобождение от советской власти, особенно в области идеологии и программ устройства послесоветской России.

Но для того, чтобы предложить России что-либо путное, эмиграция прежде всего должна знать нынешнюю Россию, её подлинные беды, её реальные возможности в той или иной исторической ситуации, истинное настроение народа, истинное его лицо – во всей его красоте и во всей его неприглядности.

Но этого мы меньше всего хотим, и меньше всего мы на это способны. Мы создали себе облик сусальной России, бесспорно красивой и благородной, но совершенно не соответствующий не только современной России, но и той России, которая была в преддверии революции. Мы не замечаем, что наше представление о России пригодно только для исторически-патриотических спектаклей, но не для реальной современной политики. Образно говоря, мы идеализируем лапти и соху в век атома и чудес электроники, не видим, что для любого подсоветского человека наш облик России только милые грёзы о прошлом, а не прообраз будущей России.

Даже когда мы исходим в своих представлениях о России из того состояния, какое было перед революцией, мы

не желаем понять, что с тех пор прошло почти семьдесят лет, что весь мир изменился за это время до неузнаваемости (к сожалению, в худшую сторону), что изменения, которые произошли в России в течении этих лет, это не только продукт советской власти, но и результат естественного исторического развития. Ведь Россия в 1910 году была совершенно непохожа на Россию 1840 года – за семьдесят лет до 1910 года произошли громадные изменения – причем при преемственности власти, государственности и во многом духовной жизни.

Но мы не знаем подлинного положения в Советском Союзе, хотя обычно информации мы получаем больше, чем, в среднем, подсоветские люди. Но мы не хотим смотреть истине в глаза, потому что она зачастую неприятна нам, не укладывается в наши политические и социологические концепции.

Возьмем пример. В журнале «Вече» была напечатана статья Савченко об офицерском корпусе советской армии. Статья хорошая, обнадеживающая, но были в ней приведены и неприятные факты, например, – на мой взгляд, наиболее тревожное, – что многие офицеры считают, что марксизм-коммунизм хорошая вещь, да большевики все испортили. Но почему-то под огонь эмигрантской критики попало, содержащееся в статье сообщение о том, что многие офицеры считают, что Средняя Азия – обуза для России, от нее следует избавиться. Чего только мы не слышали! Савченко, мол, „расчленитель“, «Вече» не только проповедует „расчленительство“, но и культивирует презрительное, дискриминационное отношение к мусульманам. . . Но Савченко только сообщил о мнении, **имеющем место в офицерской среде** – не более того. Это мнение имеет свое основание. Прежде всего, в Средней Азии довольно сильны сепаратистские, мусульманско-шовинистические настроения. Этим офицерам не хочется восстанавливать единство так, как в свое время делали конники Буденного, вырубая начисто, от мала до велика, население кишлаков. Кроме того, Средняя Азия – да не только она – экономическая обуза для центральных райо-

нов России. Окраины, в том числе и Средняя Азия, в советское время развивались значительно быстрее, чем центральные области, за счет перекачки средств из центра на окраины. В Средней Азии местное население живет значительно лучше, чем в центральных областях России, а оно особым трудолюбием сейчас не отличается.

Вместо того, чтобы кричать: „Ату их, расчленителей!“, русским эмигрантам, поднявшим такой крик на страницах одной русской газеты, следовало бы задуматься над серьезной национальной и экономической проблемой, возникшей в Средней Азии, и попытаться предложить решение, приемлемое как для жителей Средней Азии, так и для этих офицеров, которые пекутся о судьбе России – именно России, а не Советского Союза, не меньше, чем эмигранты, но в отличие от эмигрантов, имеют какие-то реальные возможности повлиять на судьбу страны.

Таких примеров можно привести много. Один пишет, что „на челе у каждого комсомольца и партийца печать дьявола“, – не сознавая, что практически вся молодежь состоит в комсомоле, и что в партии находится львиная доля наиболее образованных и способных людей, так что ему в России не с кем будет и разговаривать. А, во-вторых, он не понимает, что в комсомол **вынуждены** вступать все молодые люди, иначе, скажем, в высшее учебное заведение не поступить, а не вступить в партию, если тебе предложат, равносильно гражданскому самоубийству. Другой, во имя чистоты рыночных экономических отношений, считает, что с первых же дней введения рыночной экономики следует прекратить преследование спекуляции – мол, при рыночной экономике исчезнут условия, при которых она может процветать. Оно-то так, но нынешняя структура экономики такова, что переход на полностью рыночную экономику можно проводить только постепенно (если есть желание избежать хаоса и экономической катастрофы). Третий возмутился, когда один экономист заявил, что придется некоторое время сохранить какое-то количество колхозов и совхозов. Мол, все колхозники ненавидят колхозы, колхозная система при-

несла крестьянству только беды. Все это так, – колхозное сельское хозяйство малоэффективная система, колхозники не любят колхозы, но этот протестующий не знает или не понимает одну вещь – крестьянское хозяйство настолько разрушено колхозной системой, что восстановление его по простой схеме: „раздать землю в частную собственность, а там все образуется, потекут мед и молоко“, невозможно. Достаточно побывать в какой-либо деревне средней полосы России, чтобы убедиться, что такая примитивная программа не сработает. Прежде всего, некому землю раздавать: людей, способных вести частнособственническое сельское хозяйство, практически нет. Нет лошадей, нет машин, пригодных для работы на сравнительно небольших участках.

Причина всех ошибок одна – за теоретическими выкладками, за максимализмом в идеях, настроениях и планах люди не видят реальных фактов, накладывающих ограничения на их идеальные схемы, и не хотят считаться с тем, что у подсоветских людей имеются свои настроения, часто не совпадающие с настроениями эмиграции. Даже если эмиграция уверена, что она в каком-то вопросе права, пока она не научилась идти на компромиссы между тем, что, по её мнению, должен делать народ, и тем, что народ хочет делать, она не только не добьется успеха, но будет вредить.

Некоторые эмигрантские проекты просто анекдотичны по своей наивности и отсутствию понимания реальной обстановки. В некоторых русских газетах и журналах монархического толка была напечатана статья И. Глазенаппа, в которой автор излагает такую „возможную“ схему восстановления России: военные захватят власть, передадут её патриарху (!), а тот созвет собор для выбора нового царя. В общем, калька с событий 1613 года. Чудесная схема, – говорю без всякой иронии, – я бы подписался обеими руками под ней, если бы только она хоть чуточку смахивала на реальную. А так, в Советском Союзе, среди русских людей, она только может вызвать недоумение и сомнение в дееспособности русской эмигра-

ции. Об этом и говорит Бородин в своем письме.

Эмиграция должна очиститься еще от одного греха: от того, что я называю „варяжским синдромом“. Очень многие в эмиграции, в более или менее открытой форме, убеждены в том, что если в Советском Союзе произойдут перемены, если будет свергнута советская власть, то первое, что сделает русский народ, это призовет эмиграцию, чтобы править Россией, подобно тому, как некогда наши предки призвали варягов. Один видный политический деятель в эмиграции так прямо и заявил мне – подражая известному заявлению Ленина: „есть такая партия“, – что он и другие руководители его эмигрантской организации „готовы взять власть в свои руки“. Его заявление, хотя явно инспирированное самомнением не по чину, все же лучше, чем планы некоторых деятелей, которые готовы принять власть из рук иноземных завоевателей, если падение советской власти произойдет в результате военного поражения. Бородин предостерегает от этого, от „насилия над волей народа“, потому что все навязанное извне, а не выстраданное, выпестованное народом, останется ему чуждым и принесет только вред. Все, что произойдет в России, будет сделано руками и волей подсоветских людей. Эмиграции же суждена роль помощника и, возможно, при её разумном подходе, при изживании тех недостатков, о которых я говорил выше, роль советчика.

Самое главное для эмиграции, стараться, как это ни трудно, не оторваться от своего народа, не стать замкнутой самодовлеющей группировкой, теряющей живую связь с родиной. Как бы ни блестящ был корабль русской эмиграции, он не должен удаляться далеко от родных берегов!

Леонид Бородин в другой своей статье, тоже имеющей характер обращения, „О русской интеллигенции“, написал: „Любовь и боль (Бородин говорит о любви к России и боли за её беды) – это тогда, когда ты корнями, тысячами уз связан с нацией, когда ты сам прошел и пережил её грех и благо, когда ты сам есть плоть от плоти. . . Дру-

гое дело, когда ты НАД, когда ИЗВНЕ, когда где-то все по обочине, да понаслышке. . .“

Да, эмиграция не должна быть ни над народом, ни вне народа. О народе, его чаяниях, его желаниях она должна знать не понаслышке. Её деятельность не смеет быть на обочине народной жизни. Мы, эмигранты, должны жить этой любовью и этой болью, о которой говорит Бородин. И наши сердца должны биться в унисон с сердцем народа.

Хорошее письмо эмиграции написал Леонид Бородин, отличное письмо. Покритиковал – что же, полезно оглянуться на себя, кто мы есть. Но больше всего меня радует то, что Бородин, этот большой русский националист, видит внутри России силы, которые считает более действенными в борьбе за новую Россию, чем эмиграция. Не обижаться нам следует, не начинать споры о местах, как некогда в боярской думе – кому сидеть выше, кто лучше – эмиграция или самобытные национальные силы, вырастающие в подсоветской России, а радоваться, безмерно радоваться, что такие силы есть. Это большая победа эмиграции, белой эмиграции. У нее теперь есть союзник, с которым она может сотрудничать, а точнее – кому она должна служить.

„Даже до 1917 г. многие сознавали в России великую её внутреннюю неустроенность, чувствовали, что нам предстоят великие испытания. Теперь, когда эти испытания наступили, для нас ясно, что они не явились случайными, что они давно грозили нам, хотя мы и обольщались нашим благополучием. Одних обольщала наша внешняя мощь, великая наша история, изумительный расцвет культуры в XIX веке; другие, не соблазняясь этим, обольщались все же „почвой“ – тем, что они чувствовали в тайниках русского духа, его редких дарованиях, пленялись чертами народного характера, „поэзией земли“, неустанным исканием правды; были наконец и такие, кто, зная теневые стороны русского духа и не обольщаясь нашей „почвой“, видели исключительное значение России в том сокровище, которое было ей исторически вверено и которое действительно хранит в себе полноту истины – в Православии. Но если нам вверено Православие, то еще надо быть достойным того, чтобы стать его светильником; если изумительны дарования русского духа, то страшны его провалы, кошмарно его буйство; если велика была мощь русской державы и чудесна была русская культура, то страшная катастрофа 1917 года так ослабила нашу силу, что прошлое наше служит только залогом возможного расцвета в будущем, но не больше.“

Прот. В. Зеньковский,
„Русские мыслители и Европа“

В поисках правды

Чудо, как-то в сознание не хотят придти: огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? – не знаю. Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем да кнутом, да виселицей в веру приводить.

Протопоп Аввакум

Минуло уже больше 67 лет со времени крушения России. Не примирившиеся с безбожной коммунистической властью русские люди, изучая наше историческое прошлое, ищут в нем причины, вызвавшие такую страшную духовную катастрофу на нашей родине. Надо помнить, что всякое событие и все происходящее на нашей грешной земле имеет свои причины и последствия, и что без воли Божией и волос не упадет с головы нашей. Так учит Священное Писание. Без выяснения и понимания причин нашего бедствия и борьба наша за возрождение России, как православной державы, будет бесплодной.

За минувшие годы было высказано много суждений о причинах, вызвавших революцию. Однако, до сих пор почти никто не сказал о губительных последствиях величайшей нашей трагедии, разразившейся у нас во второй половине XVII века и до сих пор неизжитой.

Трагический раскол, происшедший в нашей Церкви при патриархе Никоне и его приемниках, разделил нашу Цер-

ковь и все русское общество на две, враждующие между собой, части. С тех пор наше русское общество перестало быть духовно единым. Наиболее консервативно настроенные хранители русской церковной старины и древнего благочестия, решительно отвергли произведенные патриархом Никоном реформы и до нашего времени продолжают оставаться ревностными хранителями старых церковных уставов и обрядов, получивши наименование **старообрядцев**.

Последствия этого страшного, для нашей Церкви и Государства, события были катастрофичны. В мире постоянно действует легион темных сил, которые не гнушаясь выбором средств, ведут борьбу с Церковью Христовой. Помятуя это, следует обратить внимание на главных действующих лиц, помогавших расколоть Русскую Церковь в момент, когда, после падения Византии, наша Церковь была призвана возглавить Вселенское Православие. Решающую роль в расколе нашей Церкви играли несколько восточных православных иерархов. Особенно выделялся из них некий палестинский грек, Гозский лжемитрополит, ловкий делец и авантюрист, Паисий Лигарид – личность, по определению Митрополита Антония, „насквозь фальшивая“. Учился он в Римской коллегии св. Афанасия, был послан, как платный миссионер униатства в Константинополь, а потом пробрался в Москву, где сумел войти в полное доверие царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Он же был и главным консультантом, приехавших в Москву разбирать русские церковные дела, двух патриархов: Паисия Александрийского и Макария Антиохийского. Эти два, не очень почтенные иерархи, русского языка и быта не знали и наезжали в Москву за богатыми подарками, которыми их щедро награждали царь и бояре. В результате одностороннего разбирательства, вся наша славная семивековая русская церковная история, невзирая на то, что в течении её был прославлен целый сонм святых на Руси подвижавшихся, подверглась осуждению, что к великому присорбью, хотя и вопреки совести, было подписано и боль-

шинством наших русских иерархов, устранившихся жестокими репрессиями, уже начатыми в стране, против сторонников старых богослужебных книг и обрядов. Старообрядцы были преданы анафеме реформированной господствующей Церковью, объявлены фактически вне закона, и гонения на них можно лишь сравнить со средневековой инквизицией на Западе.

Тысячи, преданных Престолу и Отечеству, наших братьев-старообрядцев, в том числе и духовенство, погибли мучительной смертью лишь за то, что отказались принять новые, непривычные им, обряды и „исправленные“ книги. Другие тысячи бежали из своего отечества, ища убежища в инославных государствах. Позже, уже при Петре I, сыграл пагубную роль, тоже иностранец – Феофан Прокопович – личность не менее темная. Этот лжеиерарх, по свидетельству того же митрополита Антония (Храповицкого), менял на своем веку четыре раза религию и был протестантом по убеждению. Войдя в доверие царя, этот человек фактически руководил всеми делами Церкви.

Если у инициаторов „правки“ наших богослужебных книг не было злого умысла посеять смуту в умах русского верующего народа, то трудно понять смысл всего этого предприятия, внесшего такой глубокий раскол в религиозное сознание народа и приведшего к таким страшным последствиям для русского государства. Протест против „правки“ богослужебных книг был всеобщий – и епископов, и белого, и черного духовенства – лишь жестокие преследования заставили большинство покориться. Митрополит Антоний свидетельствует, что некоторые старые тексты были лучше и точнее „исправленных“, что „исправление“, в некоторых случаях было порчей.

С того времени и началось постепенное замирание церковной жизни“ в высших слоях русского общества, о чем так ярко свидетельствует митрополит Антоний. Померкла с тех пор на нашей родине идея Святой Руси, оставаясь лишь жить в сознании простого народа.

Старообрядцев часто обвиняют в том, что они не покорились большинству. Но и св. Марк Ефесский не пошел

за большинством на Флорентийском Соборе, подписавшем Унию с Римом. „Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая, по большинству, от Правды“ (Исход, 23:1-2).

Русские люди, чьи помыслы ныне обращены к страждущей России, должны знать не только наше славное прошлое, но и наши недуги и грехи.

Основная мысль, которой руководился патриарх Никон в проводимых им церковных реформах, заключалась в желании унифицировать старые церковные уставы и обряды с новогреческими. Но вот и теперь, по прошествии более трехсот лет с того времени, снова греческие обряды и многое в греческой богослужебной практике, опять разнятся с нашими. И, если в будущем, русский патриарх снова захочет подогнать наши уставы и обряды под греческие, то более ревностная часть духовенства и мирян, опять откажется принять реформы и снова образуется новое старообрядчество.

Профессор Московской Духовной Академии, Н. Ф. Каптеров (1847-1917), на основании произведенных им исследований, опроверг теорию „испорченности“ книг и обрядов и доказал полную несостоятельность этого утверждения. Наоборот, он доказал, что Святая Русская Церковь, в течении семи веков сохраняла неповрежденным все принятое Ею из Византии, но что сами греки в XII-XIII веках, изменили свои обряды, а позже, как известно, на Флорентийском Соборе подписали Унию с Римом.

Проф. Каптеров пишет: „Древние наши чины и обряды никогда и никем у нас не искажались, а существовали в том самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков, только у греков некоторые из них изменились, а мы остались при старых“.

В 1898 году, историк Бороздин подтвердил, что Никон и Собор 1667 года осудили русское двуеперстие, хождение „посолонь“ и другие обряды, ставшие несходными с греческими, но которые, как было выше сказано, Русская Церковь приняла от греков при крещении Руси. Да и приезжавшие в Россию до Никона восточные патриархи,

восторгались русским церковным благочестием и никогда не указывали ни на какие наши погрешности.

Спасти у нас положение и выполнить роль св. Марка Ефесского, мог открыто восставший против начатых церковных реформ, епископ Павел Коломенский, но он был замучен и погиб в самом начале жестоких гонений.

Почти одновременно с введением новых обрядов и правкой книг, Русская Церковь была полностью подчинена светской власти и управлялась этой властью вплоть до назначения и смещения правящих епископов. Петр I объявил себя „Крайним Судьей“ Церкви, а Павел I „Главой“.

Лишь манифестом последнего Императора Николая II, от 17 апреля 1905 года, старообрядцы получили право исповедовать старую веру. Только тогда прекратились открытые гонения на них.

В „Письме к вождям Советского Союза“, А. И. Солженицын, говоря о возможности войны с Китаем, добавляет: „Если говорить о русском народе – будет истреблен последний наш корень, произведется последнее истребление его начатое в 17 веке уничтожением старообрядцев, потом – Петром...“ (стр. 14). Возвращается к этому же вопросу Солженицын и на стр. 45: „...да древнее семивековое Православие неиздерганное Никоном и неоказанное Петром“.

Кроме упомянутых трудов по истории раскола в Русской Церкви, в эмиграции этому вопросу уделено внимание в „Жизнеописании Блаженнейшего Митрополита Антония“ в изложении архиепископа Никона, во втором томе „Очерков по истории Русской Церкви“ проф. А. В. Карташева, а в 1970 году вышел большой труд проф. С. Зеньковского: „Русское старообрядчество“.

Грех гонений на наших братьев-старообрядцев, до сих пор лежит на всех наших заграничных церковных образованиях, как вышедших из Единой Матери Русской Церкви.

Покаянное признание, уже теперь, наших наследственных грехов в гонениях на старообрядцев, приблизит

час избавления России от власти богоборческого коммунизма и откроет путь к возвращению всех в лоно Единой Православной Российской Церкви. Да будет так!

„Итак есть Россия, не просто как внешний, исторически изменчивый факт, но и как устойчивое, органическое целое, **как духовный тип, как живая душа русского народа с единым соборным самосознанием**. Этой душой животворится и её государственность, и её народность, и её культура, **как воплощение русской души**. Нельзя Россию заново спроектировать, выдумать и построить по чуждому её природе плану. Плодотворно её можно развивать и содействовать её процветанию лишь в соответствии с заложенными в ней свойствами и талантами, с её внутренней энтелехией, с её призванием, с её миссией. Безумно скакового коня запрещать в работу ломового битюга и наоборот. В этом смысле у всякой нации есть свое призвание. При верующем, провиденциальном взгляде на историю, это призвание наций открывается, как воля Божия о них, как особая миссия для каждой.“

А. В. Карташев, „Воссоздание св. Руси“.

Т. Савченко

СОЛДАТЫ

„Рота! Подъём – 30 секунд!“ „Время пошло!“

„Пошло, куда денется“, – ворчит мой сосед по койке, с шумом натягивая брюки. Глаза его закрыты. Но пошло солдатское время, пошло и через несколько секунд увидят глаза соседа поджарую фигуру старшины и одетых уже сержантов. Их будят дневальные мунут на десять раньше, чтобы младшие командиры к общему подъёму имели достаточно пристойный вид и не спеша сходили в чистый, пока еще хорошо проветренный туалет.

Ровно через 30 секунд все опытные солдаты стоят в строю, обутые и одетые по пояс, без головных уборов. Немногих опоздавших ждут наряды, которые ротный старшина тут же распределяет с невероятной легкостью, прямо-таки виртуозно. За пару секунд опоздания в строй иногда приходится расплачиваться обычным „за счёт сна“, то есть час-полтора отработать после отбоя. Приобретенная сноровка и пара дюжин „за счёт сна“ делают свое дело – солдат в строй больше не опаздывает, одеваясь и обуваясь автоматически: сам еще спит, а руки-ноги быстро двигаются, безошибочно совершая все необходимое.

„Ра-а-няйсь! Смир-р-на!“ „Вольно. Разойдись!“ Первое построение завершено. Толпа устремляется в одном направлении – к туалету. „Стариков“ и „дедов“ молча пропускают в первую очередь. „Салаги“ и „чугунки“ с нетер-

пением сучат ногами, перекидываясь ничего не значащими словами. Успел – не успел, а вот уже звучит новая команда. Рота строится на зарядку. Бритые наголо „салаги“ боязливо поглядывают на окна – темно, мокрый снег липнет к стеклу, влетая в открытые форточки. Свежий воздух не разогнал еще утреннего казарменного „духа“, в помещении тепло, а там... Опытные воины на окна не поглядывают. Они ко всему привычны – знают, никто не заболеет. И, действительно, редко кто заболевает. Даже ангина – редкость. Наверное, в армии простыть некогда.

Люди разбиваются по взводам, перестраиваются в колонны по четыре. „Ша-а-гом – марш!“ „Бегом – марш!“ Бегут рота за ротой, мимо казарм, к полковому стадиону, к спортгородку. Один круг, второй, третий. Опять команды, команды. Взвод слева корячится „гусиным шагом“, справа – крутят „мельницу“, другие бегают на руках по длинным параллельным брускам. Лопинги и прочие атрибуты „пытошной“ пока не у дел – до них дойдет днем. Ажурная ограда отделяет спортгородок от хитроумной полосы препятствий с её проклятой ямой, в дождливое время наполненной полугрязью-полуводой, жидкостью естественного происхождения. Случайно не перепрыгнешь – весь измажешься, а стирать-чистить – самому. В армии мамки нет. А эти бруски на уровне второго этажа! Чуть шире ступни. По ним почти каждый день бегать. С такой высоты падать больно, при неудаче можно покалечиться. Эх, полоса-полосочка. Прыгай зайцем с бревна на бревно, забегай по стенке до окон второго этажа, ползи под рядами колючей проволоки, да смотри, чтобы форму не порвать. И всё на время. Не уложился в норму – повтори. Но сюда мы прибудем позднее. Пока усердно делаем приседания на одной ноге. Одно, два, семь... „Отставить!“

„Слава Тебе, Господи!“ – просипел кто-то сзади, переводя дыхание. По сторонам смотреть некогда. Пошло солдатское время, пошло. В казармы возвращаемся бегом, все сразу. На дорожках тесно. Стало чуть светлее и, кажется, теплее. Пар клубами вздымается над скупивши-

мися колоннами, двери казармы открыты. Опять: „Рота, стройся!“; опять: „Смирно-вольно-разойдись“. Три минуты на заправку постелей, несколько минут в умывальнике. Кто-то успевает „пустить дым“ в кулак, подняв „бычок“. До завтрака курить нельзя, но нарушения бывают. Некоторые в спешке гладят брюки расческой, чтобы не получить лишний наряд за мятую форму. А самый лучший способ „навести стрелки“, конечно же, не с помощью утюга, это вам любой солдат скажет. Утюг – дело явно не мужское. Куда проще, надев брюки, обрызгнуть себя водою, растянуть, стиснув пальцами, штанину в нужном месте и, просунув „хб“ между зубьями расчески, несколько раз провести ею вниз-вверх. Полминуты и „стрелки“ готовы! Свежие подворотнички подшиваются каждый день, но муторное дело это совершается на сон грядущий. Сейчас главное – навести блеск на бляхе и пуговицах, да „протянуть“ липовые стрелки.

Но вот отзвучали новые команды. Мы повернулись уже направо, и налево и даже пару раз кругом, дополучили наряды и замечания, а теперь идем и поем. Громко поем, из наших пустых утроб вырываются особо пронзительные звуки, будто сильные вопли приблизят нас к вожаделенному моменту солдатского завтрака, к маслу, горячему чаю и каше. Вот она, милая столовая! Широоченные двери распахнуты настежь, проглатывая роту за ротой. Мы вышли напрямую к дверям. Заволновались. Кишки радостно буркнули, но... „Рота, стой!“ „Кру-гом – арш!“ Эх, неудача. Кто-то сбился с ноги и теперь нужно совершать лишний „круг почета“ вокруг столовой. „Рота, запе-вай!“

„Вьется, вьется знамя полковое,
Командиры впереди...“

Там, в столовке, уже едят.

„А для тебя, родная,
Есть почта полевая!...“

Знамя в штабе, родная так далеко, что в неделю не доедешь. Поют, сердешные. А в столовке шум, звон кружек, лязганье черпаков. Войдем позднее, выйдем вместе со

всеми. Успеть бы пожрать – вот о чем думают сейчас солдаты. До девок ли, когда каша стынет и масло тает. Поют о знамени – мечтают о жратве. Такова реальность.

Наконец, „встать-сесть“ и скудная пища в момент исчезает сначала из бачка в миски, а из мисок – в утробы. Крохотный столбик масла иногда отдают тому, кто выиграл какой-нибудь простой солдатский спор. В армии на масло играют и спорят, как на деньги, а вот на деньги никто не спорил, потому что 3 рубля 80 копеек в месяц – совсем не деньги. Денег этих хватает на самые дешевое курево. В конце месяца глаза солдат особенно шустро шныряют по земле – не завалился ли где случайный окурочек? Бывает, добродушные местные алкаши щедрой рукой перебрасывают через забор казармы целые пачки четырнадцатикопеечной „Примы“. Это совсем клад. Нашедший его обязан поделиться со всем отделением, оставив себе не больше пяти сигарет.

Местное население старается облегчить нашу участь. Женщины иногда бросают в строй булки, лук, яблоки – солдату все сгодится. Но в город выводят редко, когда объявляются „коллективные“ увольнения. Тогда нас ведут строем в городской кинотеатр. Брать продукты у населения запрещено, однако без добычи никто никогда не возвращается. Часть ловко съедалась на ходу буквально за секунды, часть умело маскировалась под шинелями. Мы видели слезы в глазах некоторых женщин, а давно отслужившие мужики, завидя нас, ржали жеребцами, подбадривали и заваливали дармовым куревом. Кто и „пузырь“ подсунет. Стоит потом довольный и заковыристо выбранивает нашего „куска“. Ему хорошо, нам тоже.

„Встать!“ И опять в строй, плечом к плечу. Равнение в грудь четвертого. Смотр. А потом, строем конечно, исчезаем, кто куда. Семь часов, вплоть до обеда, занимаемся по расписанию: на плацу, в классах, по гаражам, на стрельбище, „окуриваемся“ в палатках... Сложную солдатскую науку враз не осилишь. Особенно донимали строевая подготовка и ЗОМП, иначе „хим-дым“. Не весело по

часу кряду тянуть носок, совершать „подходы“ и „отходы“ или десятки раз тупо вертеться вокруг собственной оси, не забывая прищелкивать каблуками. Но еще нуднее без конца сворачивать и разворачивать плотные коробистые защитные костюмы, одевать их, снимать и вновь складывать-раскладывать. Всё на время, на секунды. Целый день только и слышишь: „Время пошло!“

Вот удлинились тени, доползли до приметных отметок. Скоро обед. После обеда суета повторяется. Одна радость – „Десять минут перекур!“ И то хлеб. За перекуром чаще всего следуют спокойные сидячие занятия. Приятно дремать на политподготовке, вслушиваясь сквозь партийные заклинания помполита в пение вольных птичек. Счастливые они твари – ни „зомпа“, ни замполита, ни наряда вне очереди. Птичья жизнь кажется солдату лучше человеческой. Может быть, солдаты правы.

„Рядовой Савченко! Что сказал Алексей Николаевич Косыгин в последней речи на сентябрьском пленуме ЦК КПСС?“ Ах, что же он сказал?.. Что-то сказал. Да, придумал. „На сентябрьском пленуме товарищ Косыгин говорил о необходимости повышения материальной заинтересованности советских трудящихся в повышении качества продукции и об усилении материальной ответственности...“ „Верно. Садитесь“.

Ловкий солдат всегда ответит безошибочно, потому что задолго до его рождения и вплоть до наших дней, твердят на каждом пленуме одно и то же – заинтересованность, повышение, ответственность... Нужно подобрать удачные прилагательные и любой ответ будет готов на отлично.

8 вечера. Ужин. Песни туда, песни обратно. На ужин опять „овощное рагу“ из вонючей кислой капусты с луком и полугнилой картошки. Будто все пищевые отходы страны идут на свиней да солдат. Съедаем „рагу“, кусок черного, кусок белого хлеба, кидаем сахарок в оббитую кружку горячего мутного чая и опять – „Встать! Выходи строиться!“

Одно удовольствие после ужина – можно спокойно

перекурить или успеть написать короткое солдатское письмо. За порог казармы – ни шагу! Минут через 20-30 появляется офицер в сопровождении „куска“. Опять построение: начнут объявлять о дне прошедшем, да общат, что день грядущий нам готовит. Обычно грядущий день не слаще меда, не горше редьки. День, как день. Наконец, вечерний смотр окончен. Солдаты строятся перед казармой. „Ра-а-нясь! Сми-и-ир-на!“ „Шагом – марш!“ „Рота! Запе-вай!“ Поем мы, поют другие роты. Каждая рота поет свою песню. Поднимается невероятный гвалт, переходящий, если слушать издали, в какой-то фантастический полудай-полувой. Это называется „вечерней прогулкой“. Вволю „погуляв“ строевым шагом вдоль родных казарм, возвращаются солдаты „домой“, спать. Отдираются старые подворотнички, наскоро пришиваются новые. Кто-то бреется, другие, потя от натуги, стараются более-менее сносно постричь товарища – солдаты сами себя стригут и бреют. Добрые услуги друга часто приводят остатки волосяного покрова советского воина в ужаснейшее состояние, будто по его голове пьяный тракторист ездил. Утром за плохой внешний вид жертва солдатского самообслуживания получает наряд вне очереди и приказ: „Оголить череп до ровного основания!“ Разумеется, „оголение черепа“ происходит немедленно, под бдительным оком всезнающего „куска“. „Старики“ и „деды“ подобным экзекуциям не подвергаются, потому что их персонально обслуживает лучший ротный „специалист“ из их же среды, не имеющий права стричь первогодков.

Не успеешь очухаться, как опять – „Приготовиться к отбою!“ Рота строится. „Отбой – 30 секунд!“ Рота разбегается. „Кусок“ мрачно смотрит на секундомер. Самые ловкие „салаги“ кидаются под одеяло прямо в брюках, а затем потихоньку снимают их, чтобы не заметили вдруг сержант и „кусок“. Наконец, старшина гасит свет, включает ночное освещение, инструктирует дневальных, разгоняет по углам „за счёт сна“ и, едва волоча ноги, удаляется из казармы.

Только после этого наступает время настоящего отбоя. Дневальный выслеживает „куска“ и когда тот удалится достаточно далеко, объявляет: „Рота! „Кусок“ исчез!“ Тут наступает черед „петуха“. Ротный „петух“ назначается „дедами“ и выбирается из среды „салага“. Как правило, это самый маленький ростом из числа замыкающих в строю. Его обязанности легки и до некоторой степени почетны – он объявляет об окончании еще одного дня службы. Вот „петух“, словно белое привидение, шлепает босыми ногами к тумбочке дневального, отодвигает в сторону телефон, становится на тумбочку в полный рост и громко провозглашает: „Старики! День прошел!“ И в ответ вся рота дружно вопит: „Ну и ... с ним!“ „Петух“ спрыгивает с тумбочки и вскоре рота засыпает крепким сном усталых тружеников. Только „за счёт сна“ продолжают шаркать „тёщами“ или смахивать пыль с потолков. Спит моя рота. Снятся солдатам их сны. Добрые сны и злые. Одни улыбаются, другие тревожно вскрикивают. В той же казарме, но уже другие ребята, спят и сейчас. Отдыхайте, ребята. А мы тем временем поговорим о других проблемах, коих в строго регламентированной солдатской жизни не так уж мало.

Прежде всего, расшифруем солдатский жаргон. „Салага“, „солобон“ или „зеленый“ – так в солдатской среде именуют солдат, не прослуживших в армии шести месяцев. „Чугунок“ или „Котелок“, где как, – люди, прослужившие более шести месяцев. „Старик“ – воин второго года службы. „Дед“ – тот, кто уже „ждет приказа“, то есть, дослуживает последние недели. За сто дней до выхода приказа министра обороны об увольнении в запас „деды“ приобретают сантиметр и пожницы, после чего персонально назначенный „дедом“ солдат-„салага“ обязан каждый вечер отрезать от этой мерки по сантиметровому куску, начиная с отметки „100“. Этот же человек, по первой просьбе „деда“, должен напоминать ему, сколько дней осталось до „дембеля“. „Кусок“ или „Макарон“ – стойкое прозвище ротного старшины-сверхсрочника. Офицеры, как правило, общей клички не имеют. Исключение

– стройбаты, хоззводы и отдельные пехотные части, где в последнее время служит множество азиатов.

Ранее мелькнуло у нас словечко „тёща“. На армейском жаргоне слово это обозначает приспособление для натирания полов вручную. Устроено оно следующим образом: к тяжелой прямоугольной металлической плите снизу приделаны короткие жесткие щетки, а сверху к плите прикрепляется длинная металлическая ручка. По приказанию сержантов на ручку „тёщи“ одеваются одна или две пудовые гири, чтобы „за счёт сна“ „службу понял“. С таким добавочным грузом натирание полов превращается в прекрасную тренировку мышц всего тела.

Самоопределение солдат на четыре категории – явление сравнительно новое. Раньше, когда служили по три года, было всего три категории. Четыре существовало, говорят, на флоте. Раньше и время до „дембеля“, то есть до демобилизации, измерялось несколько иначе. Тогда говорили, сколько метров селедки осталось до „дембеля“. Метры селедки до „дембеля“ исчислялись из расчета средней длины этой рыбы и нормы, съедаемой солдатом за день службы. Потом селедка стала деликатесом. Практически она почти исчезла из рациона и была заменена хеком или минтаем. Эти виды океанских рыб похожи друг на друга, а на вкус одинаково гадки. Некоторое время измеряли „дембель“ по хеку, но затем стойкое отвращение к этой рыбе привело к повсеместному внедрению в быт казармы совсем несъедобного сантиметра.

В известной мере деление на четыре категории продиктовано извне. Теперь призывают на службу два раза в год – весной и осенью. Естественно, каждые полгода личный состав обновляется на четверть. Уход „дедов“ и прибытие новых „солобонов“ способствует автоматическому продвижению всех солдат, отслуживших свою шестимесечную порцию, на новую ступень неофициальной солдатской иерархии. Таким образом, вчерашние „салаги“ приобретают свою долю прав и привилегий, а все прочие – свои доли. Об этом знает каждый, еще задолго до призыва в армию. Поэтому, прибыв в часть, многие заранее

приготовились ко всем „прелестям“ первых месяцев службы, зная, что после шести месяцев жизнь их существенно улучшится.

Первые шесть месяцев – самое трудное время службы. Последние месяцы – самые легкие. Прохождение курса молодого бойца требует от человека невероятных физических и волевых усилий. Всё совершенно новое, необычное, а „молодому“ едва исполнилось 18 лет. Он еще не знает жизни, мало в чем разбирается, не успел приобрести многих самых необходимых жизненных навыков. Раньше призывали в 19 лет. Сейчас ребята уходят в армию прямо со школьной скамьи. Правда, в школе изучается военное дело, в частности, учат разбирать и собирать оружие, маскироваться на местности, рыть окопы, пользоваться противогазами, маршировать и т. п. Основы всего, что требуется на первых порах солдатской службы, „салага“ уже знает, но этих „основ“ явно недостаточно для того, чтобы сразу стать настоящим воином.

Сроки солдатской учебы сжаты до предела. В стройбатах легче, а вот другим приходится трудно, так как за короткое время приходится осваивать очень сложную технику и приобретать массу навыков, требующих интенсивной тренировки. Когда в обучении обнаруживаются срывы, командиры на свой страх и риск заменяют одни занятия другими, сокращают строевую и физическую подготовку, а в худших случаях, прибегают даже к учебе „за счёт сна“. Последней экзекуции подвергаются только отстающие. Однако, если быть честным, для офицеров это тоже своего рода экзекуция – торчать в казармах и классах с раннего утра до глубокой ночи. Бывает время, когда офицеры спят меньше солдат.

Помимо „официального“ давления, молодой воин испытывает сильный натиск со стороны старослужащих, которые облегчают себе службу за счёт „салаг“. Например, „салаг“ заставляют иногда чистить старослужащим сапоги или ботинки, обмундирование, бляхи и пуговицы, гладить подворотнички или выполнять за старослужащих разного рода работы по очередным и внеочередным наря-

дам. „Понятливые“ молодые знают, что от этого никуда не уйдешь и быстро все выполняют, соблюдая при этом известную меру собственного достоинства, не позволяя ничего сверх обычно „положенного“. Это ценится и таких „салаг“ вскоре оставляют в покое. Иное дело, когда попадает „салага“ с неумными амбициями. Такой обрекает себя на многие настоящие муки и унижения, потому что, как полагают старослужащие, он „не понял службы“ и мнит себя лучшим по сравнению с теми, кто в свое время уже прошел всё „положенное“. В разряд „гнилых салаг“ чаще всего попадают с детства избалованные маменькины сынки, не знавшие своевременной порки или бывшие „хипари“ из числа „золотой молодежи“ крупных и столичных городов. „Старики“ таких терпеть не могут. Эти „гнилые“ завоевывают права „стариков“ лишь к моменту своего „дедовства“. Настоящими же „дедами“ никто из них не становится. „Второй Закон“ армейской службы соблюдается строго, иногда строже законов официальных.

Жизнь солдата чем-то напоминает жизнь заключенного. Есть даже нечто общее в „Законе“. Разница между солдатом и зэком сводится в основном к тому, что один выполняет „почетный долг“, а другой отбывает срок „перевоспитания“. Разница и в том, что солдат имеет меньше времени для отдыха, чем „перевоспитуемый“ уголовник и его „долг“ связан с риском для жизни. За эти дополнительные тяготы солдат получает несколько лучшую, чем зэк, пищу, имеет возможность хотя бы раз в году побывать в индивидуальном увольнении за пределы части на шесть-семь часов, получать с „воли“ денежные переводы, письма и посылки практически без ограничений. Правда, все „исходящие“ солдатские письма и большинство „входящих“ строго проверяются военной цензурой. Посылки и денежные переводы солдат получает всегда в присутствии старшины, который вскрывает каждую солдатскую посылку в присутствии получателя. Если в посылке обнаруживается что-либо „не положенное“, старшина изымает это, не принося никаких изви-

нений. Иногда „кусок“ открыто присваивает себе всё, что ему понравилось, а жаловаться на старшину, всё равно, что копать себе могилу заживо. Это все знают, потому молчат.

На территории городка всегда имеется, как и в лагерях, ларёк, где солдат за свой счёт приобретает лезвия и одеколон для бритья, туалетное мыло, нитки, иголки, носовые платки, подворотнички, зубной порошок, зубные щетки, спички (о существовании зажигалок не все знают), сигареты, пуговицы, эмблемы, чемоданы и сумки на „дембель“, сантиметры, ножницы для стрижки ногтей и голов, тетради для политзанятий, бумагу и конверты для писем, а также еду, ограниченного ассортимента – дешёвые карамельки, печенье, пряники. Чая нет. О кофе или шоколаде никто не помышляет – эти продукты и на „гражданке“ редкость, встречаются только в городах, посещаемых иностранными туристами. Случается, завозят в лавку настоящую колбасу или кефир. Всё перечисленное солдат покупает, извлекая деньги из своего кармана, который государство постаралось не слишком отягчать – 3 руб. 80 коп. в месяц. Государство не нашло средств, чтобы снабдить солдат хотя бы тетрадами для никому не нужных политзанятий, или зубными щётками.

Денежные переводы с „воли“ сильно облегчают солдатскую участь и являются праздником не только для получившего пятерку или десятку, но и для всего отделения, потому что получивший перевод или посылку должен поделиться своим „добром“ со всеми остальными. Азиаты иногда пытаются утаить что-либо от других, но в роте тайн нет. Вскоре жадного „учат“, то есть бьют. Так продолжается до тех пор, пока виновник сам не догадается за что терпит. Непременно бьют в армии и доносчиков. Им устраивают „темную“, то есть накидывают на спящего доносчика одеяло, одни его держат, другие бьют изо всех сил сапогами, ногами и кулаками. Случается, ротный предатель после „темной“ умирает или становится калеккой на всю жизнь. Армейский закон строг. Интересно, что о доносителях иногда сообщают солдатам

офицеры, которые сами находятся под постоянным надзором „особого“ отдела (армейские чекисты) и поэтому ненавидят всех, кто так или иначе сотрудничает с гебистами. Конечно, это большой риск со стороны офицеров, но спасает то, что каждый доносчик знает „по-наследству“ – доносить на таких офицеров нельзя, иначе можно поплатиться за такой донос жизнью. Мало ли какой „несчастный случай“ может приключиться в армии? Поэтому солдаты и сержанты-доносчики предпочитают доносить на других солдат и сержантов, но не на офицеров.

Официально доносить на солдат положено старшине и сержантам, но далеко не все из них выполняют поручения „особого“ отдела добросовестно. Большинство из них явно „филонят“, ничего криминального не сообщают, предпочитая все проблемы решать келейно, внутри роты. Следить за солдатами обязаны и офицеры, особенно замполиты, но рьяных помощников КГБ среди них сыскать еще труднее, чем среди сержантов. В результате, очень многое в солдатской жизни остается вне поля зрения всепрезираемых наследников „железного Феликса“. Солдаты прекрасно знают, кого нужно опасаться в первую очередь, поэтому, на всякий случай, мало откровенничают с сержантами, штабными писарями и телефонистами, а особенно с почтальонами, потому что в армии каждый почтальон прямо сотрудничает с „особым“ отделом. „Особист“ – всеобщий изгой в офицерской и солдатской среде. Он обречен на полную изоляцию, всеобщую ненависть и всякие „случайные“ неприятности.

В армии имеют место полностью бессмысленные избиения и унижения, но надо понять атмосферу казармы, чтобы верно оценить меру нервного напряжения от до предела спрессованной по минутам жизни воинов, которые два года подряд не имеют возможности как-то уединиться, отдохнуть от насильственной ротной коллективизации, хотя бы просто спокойно привести свои мысли и эмоции в состояние должного равновесия. Думать и отдыхать некогда, выходных у солдата фактически нет, хотя

по расписанию они регулярны. Армейский коллектив – это мужской коллектив. Молодые здоровые парни волею государства насильственно соединены на долгое время в один коллектив, впряжены в одну телегу армейской жизни, причем, без личного желания и согласия. Давит неволя, давит жесткий режим, давит начальство, давит недоедание, давит собственная память о недавней „свободной“ жизни. Под мощным прессом армейских будней некоторые гибнут нравственно или физически, другие сходят с ума, но подавляющее большинство солдат превращается в хороших воинов, мужественных людей, в мужчин, знающих цену себе и окружающей жизни. На наш взгляд, армия – не институт благородных девиц. Поэтому нельзя судить о нравах казармы с точки зрения изнеженно-утонченного штатского хлюпика. За годы службы солдат вволю отхлебнет лиха, но узнает он настоящую, проверенную испытаниями, солдатскую дружбу, ценнее которой не сыскать. Наконец, не лишне подумать, почему это вдруг молодые ребята должны вести себя в спорах, подобно благовоспитанным придворным фрейлинам? Долго доказывать некогда. В ход идут кулаки. На Руси парни испокон веков этим делом тешились. Так почему сейчас русский темперамент должен угаснуть?

Справедливости ради, следует отметить, что случаются в казармах драки отнюдь не свидетельствуют о каком-то особом русском варварстве. Дерутся все подряд – русские, татары, грузины, узбеки и даже мирные с виду молдаване. Казарма имеет особую жизнь, где бы она ни располагалась и кто бы в ней ни жил. Взять, к примеру, бундесвер. Уж на что немцы считаются народом дисциплинированным, но в казармах бундесвера тоже дерутся и избивают, не хуже и не лучше, чем в казармах русских или американских. Армейская жизнь – особая жизнь. Она всюду в сущности своей одинакова. Правда, условия солдатской жизни в советских казармах во много раз хуже, чем, скажем, в казармах американских. Нетрудно себе представить, что началось бы между неграми, белыми и пуэрториканцами, окажись они в ситуации нашей солдат-

ской жизни. Наши солдаты, учитывая всю тяжесть их службы и быта, ведут себя просто молодцами. Так что не будем к ним слишком придирчивы.

„Русскоязычная“ эмигрантская пресса в последние годы просто захлебнулась от невероятных врак некоторых „третьеволовных“ горе-знатоков солдатской жизни. Безудержные фантазии иных писак перехватывают дыхание. Мы не станем долго гадать о причинах, породивших самые фантастические бредни. Скорее всего, „специалист-сказочник“ такого типа есть обыкновенный безответственный человек, склонный к недержанию фантазии или же тип, по каким-то причинам заинтересованный в создании определено искаженной картины жизни советской армии. Примечательно, что фантазеры живут за счёт своих фантазий, значит, некто в них очень нуждается. Но здоровая часть русской эмиграции желает знать правду и мы сообщаем её, говоря о том, что испытали и знаем сами. Если же наша правда придется кому-то не по вкусу, напомним, что только реальность существует реально и нормально делать практические выводы, исходя из реальности, а не из пустых фантазий. Желаемое не всегда есть действительное. Мираж красив, но всегда обманчив. Поэтому ищущий правду должен привыкать к её горькому вкусу.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько типичных перлов фантазии из цикла вольных откровений, упомянутых „третьеволовных“ горе-знатоков жизни советских солдат. Вот, например, несет один солдат службу на Сахалине. Один-одинёшенек. Ни старшины, ни роты, ни казармы. Сидит себе в землянке и что-то охраняет. Разумеется, крутит романы с проходящими девицами, а затем задумывает путешествие в Японию. Или, восстал против советской власти целый полк. Перебили всех офицеров и подались в тайгу. Живут они там по сей день совершенно дикой жизнью, „умыкаю жён себе“ из окрестных деревень. И никакой советской власти. Полное натуральное хозяйство – охота, бортничество. Привольно живут, правда, нет у них парикмахера, обросли бородами.

А есть, оказывается в советской армии другой полк, совсем образцово-показательный. Там царит полное нарушение формы одежды и много других чудес. Все офицеры ходят в белоснежных рубашках, черные галстуки, а обращаются друг к другу вполне официально – „господин“. Не в узком кругу, не в шутку, а повсеместно и на глазах всего личного состава. Разумеется, гарнизон сей где-то на Севере Диком, где, якобы, советской властью даже не пахнет. Но кое-что случается и на юге. Вот, скажем, следующий отрывок. Сели солдатики в бронетранспортер и поехали искать водку и наркотики. Выкатили из части, словно из собственного гаража, не забыв прихватить оружие и боеприпасы: дело было на китайской границе, поэтому воентуристы позаботились о своей безопасности. Упились наши „герои“ в стельку, накурились анаши и задумали несколько денечков порезвиться на воле. В ходе увеселительного путешествия навестили селение современных амазонок, где живут одни лесбиянки (координаты столь экзотического места скромно умалчиваются). Переночевали здесь, переночевали там, обкурились всеми видами наркотиков, сколотили запасец водченки и поехали. . . в Китай. Кто сказал – советская граница на замке? О каком таком железном занавесе речь? Нет, наверное, и пограничников. Или же, они ушли скопом точать лясы с лесбиянками. Суть да дело, приехали бравы солдатухи в Китай. И китайские пограничники, вероятно, в то время нежились с китайскими лесбиянками и им было не до цитат Мао Цзе-дуна. Ну, кто и когда границу охраняет? Разъезжая в бронетранспортере по Китаю, солдаты наблюдали за жизнью китайских трудящихся, которые так увлеклись трудом на кооперативных полях, что не обращали на русских никакого внимания – видимо, они поняли, что все варианты социализма одинаково „хороши“. Наконец, нарвались наши „герои“ на неприятность – встретили двух китайских солдат. Война в Китае не входила в программу самовольной экскурсии, поэтому решили – „Катим домой!“ Через несколько дней воины благополучно вернулись в часть. Офицеры были недовольны,

но об отлучке (бронетранспортера с вооруженными солдатами!) никто не узнал, трибунала не было. Хорошо повел себя и Китай: ноту протеста слать поленился. Подумаешь, событие! Ну, перешло подразделение противника границу. Покурили на чужой территории анаши, постреляли маленечко и мирно укатили. Подобного рода события не заслуживают внимания!

Выше, мы кратко, в вольном изложении, пересказали фантазии, позаимствованные у одного из главных „специалистов“ по советской армии. Его мнение весьма ценят американцы и даже некоторые русские эмигранты. Разобраться во всей этой хитрой придуре весьма трудно.

Говоря в общих чертах, дезинформацию условно можно разделить на целенаправленную и произвольную, сознательную и несознаваемую. Сейчас нам нет смысла ковыряться во всех её видах и подвидах. Проблема дезинформации, её причин, методов, носителей „дизо“ и т. д. – крупная проблема. Об этом можно писать целые трактаты, но мы данную тему затронем вкратце, чтобы не уходить слишком далеко от главного содержания нашей статьи. Уместно поставить вопрос прямо – кто может писать о советской армии всякую чушь? Скорее всего, на это пойдут лица, имеющие специальное (безразлично с какой стороны) задание. Этим занимаются так называемые „дезоспециалисты“. Другая вероятность – люди, страдающие патологическими комплексами всякого рода маний. Но есть и другие типы. Они вполне нормальны. Из них одни, чтобы „набить себе цену“, исследуют ситуацию, а затем врут в руку, целенаправленно говоря о том, что с гарантией понравится „боссам“. Другие врут в силу каких-либо, нежелательно сложившихся для них обстоятельств. Это – „заградительная“ ложь, отбойная. Человек просто желает, чтобы некто навсегда от него отвязался, потерял вкус к дальнейшим контактам. Однако трудно поверить, чтобы дезинформация, отпечатанная черным по белому на страницах эмигрантских книг и журналов, была результатом безобидной придурки. Тут куда предположительнее прямая информационная диверсия. В ряде слу-

чаев, советское „дизо“ может быть полезным Западу или наоборот. В таких экстравагантных случаях любая чушь встречается двусторонними бурными аплодисментами: Запад отщипывает и смакует свой кусочек „дизо“, а советские – свой. На ниве дезинформации потеют десятки тысяч специалистов. Они едят свой странный хлеб не зря, потому что от „дизо“ иногда больше пользы, чем от прямого шпионажа.

Кое-кто пытается создать представление о советском солдате, основываясь на показаниях отдельных дезертиров. Сначала из общей массы афганских узников любовно отсортировали самых подходящих под „концепцию“, дабы некоторые байки показались былью, подтвержденной „надежными“ свидетелями. Затем поспешили изобразить их бегство из армии как политический протест. Первые, прибывшие на Запад, дезертиры говорили в унисон, почти не сбиваясь, одно и то же. Дезертиры выступали на пресс-конференциях, щедро развешивали лапшу на любопытные уши западных корреспондентов. В обстановке всеобщего восторга прозвучал всего один тревожно-скептический голос, но кто его услышит среди такого бурного ликования? „Специалисты“ прямо-таки на пупах извертелись перед „надежными информаторами“, ища в каждом слове вчерашних ротных солобонов отзвуки высших истин. Частные случаи поспешили типизировать, забыв, что информировали общественность люди совершенно особые и нетипичные, выкидыши солдатских коллективов. Несчастные слабаки оказались в плену из-за ряда крайне неблагоприятных (в их глазах) обстоятельств. Эти молодые люди не имеют жизненного опыта, идеалы их не устоялись, а, главное, не опробовались, не проверились должной жизненной практикой. Попав из огня армейской казармы в полымя афганского плена, потерявшиеся юноши готовы были заплатить чем угодно за свое освобождение. „Отборщики-проверяльщики“, из среды спецов определенного плана, отобрали, с их точки зрения, самых надежных и лучших. А вскоре самые надежные из надежных... показали всем красный кукиш,

дружно укатив в СССР. Конечно, спасти пленных соотечественников из магометанского плена – прямой наш долг. Спасенные люди имеют право после освобождения из плена распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению. И мы не склонны слишком сурово судить ребят, чья жизнь и так слишком сурово наказала за все их самые первые самостоятельные шаги. Мы просто говорим: не спешите раздувать ореол героизма вокруг дезертирских голов. Относиться к ним лично следует непредвзято, спокойно, однако к их высказываниям не мешает подходить с осторожностью. Тогда сказок и разочарований будет меньше, а толку больше. Ведь, послушать иных дезертиров, так в армии форменный кабак – повальная наркомания, пьянство, бойкая спекуляция оружием и боеприпасами, по горам шастают (опять обросшие бородами!) повстанческие партизанские отряды, где сражаются с частями советской армии её бывшие солдаты и офицеры; в другом месте афганцы „поголовно“ истребили воздушно-десантную дивизию – никто не успел даже к вертолетам подбежать и прочая, и прочая. Одни говорят: мы оружия ни разу в руки не брали, другие – мы курили анашу, не приходя в себя, третьи – мы глушили день и ночь водку... Послушать этих парней, так армии уже нет. Вместо неё – пьяный анархический сброд, забывший, что такое дисциплина. А какие все трусы! В дикой панике бегут от собак, не говоря уже об афганцах. Конечно, солдаты, с автоматами в руках убегающие от местных шавок-волкодавов (они, кстати, нам хорошо знакомы), ни у кого симпатии не вызовут. По логике „всеверия“ армия, сплошь состоящая из таких вот пьяных и аморальных трусов, не может быть серьезным противником. „Они собак боятся. Спустим на них болонки – побегут без оглядки“. Другие твердят: „Начнется война, воевать некому будет, все сразу сдадутся в плен“. Ой ли, милые! Как бы не ошибиться. Надеяться на то, что русский солдат, защищая Россию, испугается волкодавов – наивно. Правда, в случае недружественной к русскому народу политики, русский солдат, защищая себя и

Россию, вынужден будет защищать и СССР. История снова загонит его в безвыходный цейтнот – хочешь, не хочешь, а защищай одновременно тех, кого совсем не любишь. Вариант „третьей силы“ в условиях современной войны практически неосуществим. Ведь, он не подготовлен, а времени на принятие соответствующих решений не будет. Как бы то ни было, русофобская политика Запада может выйти ему помятым боком. Пока на Западе с восторгом принимают „третьеволновые“ идеи о переселении русских в Тибет с последующим фантастическим превращением их в китайцев, надеяться на массовую сдачу в плен с первых же часов войны просто глупо. И не менее глупо подменять борьбу с интернациональным коммунизмом, борьбой с русской нацией.

Судить о силе советской армии и боевом духе её солдат на основе изучения афганской войны ошибочно. Одно дело, когда армия втягивается в захватническую войну, вынуждена воевать с народом, о котором не скажешь, что он исторически недружелюбно относился к России. Другое дело, когда та же армия будет стоять лицом к лицу с внешним агрессором, подстрекатели которого мечтают о полном истреблении русской нации. Разницу можно предположить огромную.

Некоторые дезертиры не скрывают, что к дезертирству их побудили трудности солдатской жизни. Конечно, главной причиной всегда фигурирует нежелание воевать против афганцев, но мы полагаем, что это верно далеко не во всех случаях. Иначе как объяснить политические кульбиты дезертирских возвращенцев, кои сперва резко осуждали советскую власть, а затем приползли на животах к тем же советчикам с просьбами о помиловании? Солдатский быт резко отличается от жизни под маменькиным крылышком. Мы уже говорили о том, что цыплят-солобонов вытягивают в армию прямо из теплого родительского гнезда – желторотых, неопытных. С одной стороны, такими людьми легче управлять, легче формировать желаемые начальством качества. Но эта медаль имеет темную оборотную сторону. Слишком резкая ломка

всего жизненного уклада порою отрицательно сказывается на юношах, не успевших как следует окрепнуть нравственно и физически. И чем сильнее был избалован ребенок, тем труднее и хуже служить ему в армии. Впрочем, не будем заострять на этом внимания и продолжим наш рассказ о солдатской жизни в её, так сказать, натуральном виде.

Солдату некогда думать – муштра и усталость превращают его в полуавтоматическое существо, озабоченное в первую очередь самыми прозаическими вопросами еды, сна и выполнения приказов. В немногие минуты отдыха солдат предается мечтаниям о демобилизации. Мечты эти преследуют солдата с первых месяцев службы вплоть до последнего дня пребывания в части. Солдаты много говорят о демобилизации. Другой важной темой их разговоров являются воспоминания о „гражданке“. В последний год службы каждый солдат обзаводится маленьким „дембельским“ календариком, в котором аккуратно зачеркивает каждый отслуженный день. Затем покупается сантиметр. Но в последние часы пребывания в роте солдату вдруг становится грустно. Как ни рвется солдат домой, на волю, а расставаться с друзьями и со всем пережитым за годы совместной службы трудно. Некоторые „деды“, прощаясь с товарищами, смахивают слезу. Что ни говори, а служба в армии остается в памяти человека на всю жизнь. Армия, несмотря на некоторые „оригинальности“, является хорошей школой жизни. Новобранец въезжает в ворота части мешковатым солобоном, а в день „дембеля“ выходит из этих ворот мужественным человеком. Человек, не отслуживший в армии или на флоте, вряд ли имеет моральное право считать себя настоящим мужчиной. Таково наше убеждение. Может быть, возможны исключения, не будем настаивать, но повторим – с нашей точки зрения, солдатская служба полезна и самому человеку и обществу. Нация, все честные и здоровые мужчины которой могут защищать её с оружием в руках, имеет существенные преимущества на случай любой кризисной ситуации.

Трудности четырехярусной солдатской кастовости дополняются трудностями бытовыми. В силу этого в армии нелегко служить даже людям неизбалованным, но просто чистоплотным. С первого взгляда может показаться, что солдат только то и делает, что чистоту наводит. Все помещения чисты. Но вот нательное и постельное белье меняется только раз в неделю, когда солдат ведут в баню. А солдатский пот льется от зари до зари. Солдат пылится и пачкается весь день. В южных округах мучает соль, оседающая белым налетом на „мобутовках“. От соли чешется спина, идет сыпь. Но надо ждать субботы, чтобы, проснувшись за час до подъема, строем топтать в баню, где за 15-20 минут нужно успеть смыть с себя всю недельную грязь. На помыв солдату выдают крохотную частицу хозяйственного мыла. Каждый кусок вонючего хозмыла каптер разрезает на 20 частей, так что доставшийся солдату „ошметок“ трудно держать в руке. Мылиться таким кусочком неудобно, „ошметок“ хватает на одноразовое протирание всего тела и головы. Мыло, предназначенное для стирки измазанного в машинное масло белья, успешно отмывает слипшуюся к субботе короткую „прическу“ солдата, но запах от него мог бы повалить в обморок любого западного чистоплюя.

Каждую субботу солдат недосыпает в лучшем случае один час. До официального подъема надо успеть сменить постельное белье, а потом совершать поход в холодную баню – солдаты редко моются в своих банях, потому что бани в городке устраиваются крайне редко, чаще всего в отдаленных местах, где люди вообще не живут. Остальные солдаты пользуются общими городскими и поселковыми банями, приходя на помыв за несколько часов до открытия бани к общему пользованию. Естественно, к приходу солдат баня еще не топлена и солдаты скачут прыжками по ледяному кафелю, согреваясь под горячими струями душевых установок. Строем идут в баню, строем из бани. Даже в бане: „Время пошло!“ Все люди еще спят крепким сном, а солдаты уже помыты. Из бани возвращаемся в часть не спеша, с удовольствием растягивая

минуты созерцания придорожного кусочка спящей „воли“. Но в плохую погоду, особенно в буран, когда ветер сшибает с ног и зги не видать – в такую погоду возвращаешься в казарму, как взмыленный конь. Но солдат в этот день должен считать себя чистым.

Простыни, наволочки, полотенца, нижнее белье, носки или портянки (если сапоги) стираются в прачечной, а форму, носовые платки и подворотнички солдаты стирают сами. Мелкие вещи стирают „на руках“, под краном, своим мылом, а форму обычно стирают на цементном полу в туалете. На стирку каптер выдает кусок хозяйственного мыла. Обмылок нужно вернуть в каптерку. „Стирка“ эта происходит следующим образом: пол туалета поливается холодной водой из крана (горячей воды в казармах нет), к которому приделывается резиновый шланг. Затем, на полу расстилается форма и опять поливается водой. После этого форма намыливается и один солдат придерживает её, наступив ногами, чтобы не скользила по полу, а другой, взяв щетку для подметания полов, начинает растирать мыло по форме до образования пены. После этого намыленную сторону переворачивают к полу и намыливают другую сторону. Потом на форму извергают поток воды из шланга, крепко выжимают и развешивают у окон казармы на батареях центрального отопления.

Время для стирки выкраивается в воскресенье, когда официальный распорядок дня предусматривает отдых и увольнения. Но фактически солдат редко когда имеет возможность отдохнуть пару часов даже в воскресенье. Увольнения объявляются в субботу и воскресенье, на несколько часов, однако благами увольнений чаще всего пользуются каптеры, сержанты, повара, шоферы, хозяйственники, а также штабная „тля“ – писари и телефонисты. Доносчики тоже ходят в увольнения чаще других и это является одной из демаскирующих примет данной категории людишек. Прочие солдаты имеют не больше одного-двух увольнений в год.

В „выходной“ день работу находят всем. В воскресенье

идет проветривание матрасов, общая уборка помещений и городка. Тогда же натираются полы суриком и мастикой. Для этого все тумбочки и кровати выносятся из казармы на улицу, а в плохую погоду в другие помещения. Эти работы проводятся в часы „культурно-массовых мероприятий“, поэтому „кусок“ включает всегда одну и ту же музыку, которая звучит не переставая, до самого конца „культмероприятия“. В расписании записывают: „Прослушивание симфонической музыки. Лекция „История русской музыки (от Глинки до Глазунова). Русская оперная и симфоническая музыка. Лектор – рядовой Савченко“. Одного рядового Савченко ни одной лекции не прочитал. Вместе со своими потенциальными слушателями рядовой Савченко каждое воскресенье был занят совсем другими делами. Начинается „культмероприятие“ не с лекции Савченко, а сразу после завтрака. Всех строят и затем один взвод посылают на помойку искать битое стекло, дробить его на осколки нужного размера и укладывать в ведра. Другие тем временем освобождают помещение от кроватей и тумбочек. Матрасы выносят еще раньше, развешивая их на заборе спортгородка для выколачивания пыли. Пыль выколачивают ремнями или кулаками, кому как приятнее. Но вот первый взвод, гремя ведрами, возвращается с помойки. Звучит новая команда – один взвод становится лицом к одной стене, другой – к противоположной. У каждого в руке обломочек стекла, на каждого – пять досок пола. После команды – „Са-дись!“ – все, конечно же, не садятся, а становятся на четвереньки и начинают скоблить пол стёклышками, счищая слой краски и мастики, нанесенный в прошлое воскресенье. Довольный „кусок“ включает „Первый концерт для фортепиано с оркестром“ Петра Ильича Чайковского. Когда пластинка кончается, дисциплинированный „кусок“ начинает „Концерт“ сначала. А тем временем взводы медленно продвигаются навстречу друг другу, пока не столкнутся задками.

„На полы“ всю роту не задействуешь, поэтому от каждого взвода выделяются люди на другие, „не симфонические“ работы. Например, чистят пастой «Нэдз» лест-

ничные ступени. Но чистят не так, как быстрее и сподручнее, то есть сверху вниз, а так, как прикажет „кусок“, то есть совсем наоборот – снизу вверх. „Кусок“ с ватой в руке проверяет, достаточно ли чисты ступени, которые через полчаса запачкаются вновь, когда вся рота пойдет на обед. После обеда те же или другие люди опять будут ползти по этим же ступеням снизу вверх, наводя никому не нужный блеск. Впрочем, ненужного в армии нет. Это говорил наш „кусок“ и в итоге он оказался прав. Высшим советским властителям очень нужно, чтобы у солдат совсем не было времени на размышления и осмысливание происходящего за пределами казармы. С этой целью придумывается множество лишних трудностей, отнимающих у солдат последние возможности к нормальному отдыху и уединению.

Наконец, полы выскоблены и выметены, стекло и грязь вынесены обратно на помойку. Теперь полы моются, а затем покрываются слоем сурика, разведенного в тазиках порошка красно-бурого цвета. К вечеру сурик просыхает и полы, как раз к отбою, успевают натереть мастикой. От этой мастики начинается такая вонь, что дышать становится трудно, несмотря на все открытые форточки. У некоторых начинается головная боль, но спать приходится среди этой жуткой вонищи, от которой, как от службы, никуда не спрячешься. Ночь с воскресенья на понедельник – самая кошмарная.

Был у нас в роте и свой ротный самоубийца. Человек начал болтать всякую чушь. Мы думали, придуривается малый, чтобы попасть в госпиталь. А он сорвался однажды ночью с постели и выпрыгнул вниз головой на тротуар. Разбился насмерть. Крови из его головы вытекло много, сразу смывать её почему-то не разрешили и кровь так крепко въелась в асфальт, что мыли его, мыли, а следы все равно остались. В армии ничего нельзя принимать близко к сердцу, иначе спятишь.

Командирам запрещают наказывать подчиненных слишком часто, поэтому официально солдаты имеют не так уж много взысканий „с занесением“. Но фактически

одно наказание сменяется другим. Наказывают иногда очень хитро, всех скопом. Например, объявляют „химтревогу“. Все быстро натягивают защитные костюмы, противогазы, перчатки и в таком виде выводятся на стадион. Бывает, заставляют пробегать по стадиону 10 кругов, не снимая противогаза. Кто через это прошел, тот знает, как трудно дышать в противогазе на-бегу. Гораздо лучше, когда роту просто направляют на строевой плац и прогоняют пару часов „налево-направо-равняйся“. Человеку, успешно прошедшему армейскую школу, море по-колено. Такого человека уже ничем не удивишь и не испугаешь.

Служба в армии все-таки полезна. Хотя быт солдата кажется варварским, в казарме никогда не было ни вшей, ни клопов, ни тараканов. Нас боялись даже мухи, потому что всегда кто-то из „слабо“ наказанных шлялся по казарме, вылавливая мух. Поймав двенадцать мух, он относил их „куску“, после чего мог заниматься другими делами. Говоря о стирке одежды, мы забыли сказать, что форму периодически пропитывают каким-то „дизраствором“. По этой причине солдат в полевой форме пахнет весьма специфически. Ароматический букет „солдатских духов“ состоит из крепкой смеси дизраствора, хозмыла и недельного солдатского пота. Если по улице в тихую погоду пройдет рота солдат в полевой форме, воздух улицы сохраняет аромат „солдатских духов“ минут пять. „Парадки“ дизраствором не пропитываются, поэтому воин в увольнении пахнет человеком, а не солдатом.

Мытарств и неудобств в армии хватает, но зато армеец учится владеть собой, становится выносливым, сильным и смекалистым. Этому прямо или косвенно способствует весь уклад солдатской жизни, где человеку слабому, без самообладания и смекалки, просуществовать трудно. Мы не будем брать пример с тех, кто склонен изображать армейскую жизнь сплошь в серо-черных тонах, концентрируя внимание лишь на отрицательных моментах. Мы говорим здесь о том, что даже „отрицательное“ в итоге выполняет свою положительную роль в деле естественного отбора настоящих солдат. Армейская жизнь сурова,

но есть в ней и светлые моменты. Будь в армии одно плохое и ничего хорошего, откуда появились бы примеры солдатского мужества и благородства? После демобилизации из ворот части выходит мужчин больше, чем духовно-нравственных дегенератов. Значит, в общих чертах, судя по результатам службы, армия выполняет положительную функцию в воспитании мужской части Российского населения. К тому же, в армии солдаты изучают много полезного и интересного, осваивая сложную технику, учатся хорошо стрелять, закаляются физически и приобретают массу необходимых в „штатской“ жизни умений и навыков. Русский солдат знает свое дело. Как бы он ни учился этому, на методику мы внимания не обращаем. Важнее результат. А он налицо. За вычетом естественного процента ротных придурков, все солдаты – настоящие солдаты. Они умеют с ловкостью барса преодолевать сложнейшие препятствия, в считанные секунды с закрытыми глазами собирают и разбирают личное оружие, а иногда иностранное, если часть предназначена для ведения боевых действий в глубоком тылу противника (те учатся „за себя и за шведа“ – солдатская шутка), днем и ночью метко поражают мишени на стрельбище, совершают марш-броски, от которых многие „салаги“ выпадают из строя в обморок, но через шесть месяцев те же „выпадавшие“ поддерживают за амуницию новых „соллобонов“. Многому учит солдатская служба. Солдат должен быть готов к войне в любую секунду. Тренаж „время пошло“ дает свои результаты. По тревоге солдат готов к бою буквально через минуту – одет, обут, с оружием в руках. Печальный опыт прошлой мировой войны стараются учитывать честно, без повторения прошлых „шапкозакидательских“ ошибок. Теперь советские дезинформаторы пытаются привить „шапкозакидательство“ потенциальному противнику и, как видим, иногда добиваются крупных успехов. Сами же советские скорее склонны к переоценке противника, чем к его недооценке. По этому поводу в армии укоренилась грубоватая поговорка: „Лучше перебдеть, чем недобдеть“. Солдаты

знают, что натовские армии прекрасно вооружены и обучены, поэтому нужно знать службу хорошо, чтобы не попасть впросак. Учения проводятся в обстановке, максимально приближенной к условиям настоящего боя. Нужно уметь воевать сутками не зная сна и отдыха, нужно быть сверхвыносливым и умелым, чтобы выполнять всё почти автоматически. В рукопашном бою солдат учат нападать и обороняться. Солдат знаком с борьбой „самбо“, иначе „самозащита без оружия“. Это на всякий случай, потому что в бою все случается. Солдат должен уметь ремонтировать технику самостоятельно, в условиях боя, используя все подручные средства. Этому способствует сравнительная простота техники. Иногда армейская профессия становится основной профессией человека на всю жизнь.

В последнее время командный состав был всерьез озабочен снижением качества боевой техники, поступающей на вооружение взамен устаревшей. В этом нет никакой вины военных, потому что с их стороны делается все возможное и, прямо скажем, невозможное, чтобы армия была армией, способной побеждать любого противника. Виною всему социалистическая система хозяйствования и управления. Рыба гниет с головы. Особенно ухудшилось положение в годы правления Ильича второго. Сам пьяница, он окружил себя такими же пьяницами и дегенератами. В стране началась новая распутищина, с той лишь разницей, что вместо одного Симановича в интриги втянулись тысячи симановичей и десятки распутиных. При Брежневе они многого добились, прикрываясь подставными фигурами, временами жертвуя крупными козлами отпущения. Разгноилось до предела и Министерство среднего машиностроения, т. е. министерство оборонной промышленности, во главе которого был поставлен запойный партийный алкаш, на заре своей карьеры с диким ревом перебежавший через улицу в соседний гастроном, где с матом через запятую, требовал себе даром ящик водки. Этот полумонстр, не имевший никогда в жизни никакого отношения к военной промышленности (был

одно время парторгом на военном заводе, вот и весь его опыт), стал при Брежневe важным министром, а его дружок восседает сейчас в новом горбачевском политбюро. Разве при таком дурном, в прямом смысле слова, руководстве могут совершаться дела нормально? Военные постоянно требуют от партбюрократов трезвой оценки ситуации в народном хозяйстве и наведения в их соцкабаке хотя бы сравнительного порядка. По этой причине военных к руководству не подпускают, но все же их побаиваются – вдруг появится среди них новый Жуков, но уже без сталинских грехов? Такой способен быстро навести порядок до конца, так сказать, „оголеть политбюрошный череп до ровного основания“. И „верхи“ знают, что в народе это мероприятие встретили бы с небывалым одобрением и энтузиазмом.

Но вернемся в казарму и продолжим наш ненадолго прерванный разговор. Мы писали о том, что в армии сравнительно редко болеют простудными заболеваниями. Но инфекционные заболевания случаются регулярно. Особенно донимают ежегодные эпидемии вирусного гриппа и дизентерия. Ведь желудок не закалишь. Если в него попадает вместе с дрянной пищей всякая зараза, то он болит. Нездоровое однообразие пищи и её качество способствуют тому, что немало солдат возвращается из армии с заболеванием желудка.

В армии на долю солдат выпадает множество испытаний, среди которых самое постоянное – испытание желудком. Кушать дают мало, еда невкусная. По формальной норме все калории распределены тютелька в тютельку, но ведь помои, которыми откармливают свиней, тоже калорийны. Солдат никогда не получает всех положенных ему калорий по причине страшного воровства „тылового“ начальства. Крадут много и лучшее, отрывая от совсем малого „положенного“. Однако многие солдаты за годы службы прибавляют в весе на килограмм-другой. Начальство объясняет это достаточно хорошим питанием. Мы объясняем этот феномен иначе – ошибками при взвешивании (раз возможен обвес мяса,

почему невозможен обвес живого человека?) или же тем, что солдат находится в армии как раз в период интенсивного роста всего молодого организма. Растут его кости и он прибавляет в весе.

Свежие овощи и фрукты в солдатском рационе полностью отсутствуют. Из-за нехватки витаминов иногда начинают болеть зубы, появляется вялость, слабость, желание пожевать траву и т. п., что обычно встречается дружеской шуткой: „Гля, братцы, Коля наш забеременел!“ Значит, Коля жует листья калачиков, сорванные у дорожки стадиона. Впрочем, листья одуванчиков, калачиков и многие другие „зелени“ вполне съедобны, иногда даже вкусны. Конечно, в войсках КГБ или в „парадной“ Таманской дивизии до салата из одуванчиков дело не доходит. Несколько лучше кормят солдат, проходящих службу в разных „Группах Войск“, то есть в социалистической загранице. „Куски“ получают там двойной оклад и доступ к заграничным тряпкам, поэтому, цепляясь за заграничную службу, воруют меньше, чем в Союзе. Один наш знакомый имел возможность заглянуть зимою в помойку, куда выбросили отходы из столовой, в которой питались кагебисты. Он был несказанно удивлен наличием в отходах большого количества свежих помидор и яблок. Тут удивишься, если учесть, что и на „гражданке“ свежие овощи и фрукты продаются только в „открытых“ городах, а в остальной России – по сверхспекулятивным ценам на „колхозных“ рынках, куда многие настоящие колхозники давно забыли дорогу – все плотно забили спекулянты из „национальных окраин“. Но и на рынке свежий помидор зимою – невероятная сенсация! Настоящие солдаты не имеют ни овощей, ни фруктов, ни соков, ни молока, ни творога, ни сметаны, ни сыра, ни простокваши. Из напитков – пьют жидкий чай или еще более жидкие компоты. Кофе или какао, разумеется, полностью исключены.

Из рыбы солдат получает хека, минтая, а в особо торжественных случаях кусочек селедки или соленой трески. Раз в году солдат получает на обед одну (!)

маленькую котлетку. Случается это 7-го ноября или в „день советской армии“, 23 февраля. Зато на следующий после „котлетного“ день, наступает „разгрузочный“ день, когда мяса вообще не дают, заменяя его „овощным рагу“. Дело в том, что в „котлетный“ день солдат съедает двухдневную норму мяса, хотя в злополучной котлетке половина черствого хлеба. Поскольку курица в СССР не еда, а предмет роскоши (за исключением Украины, Прибалтики и столичных городов), то в армии куриное мясо, а равно мясо другой птицы, на зуб не попадает. Употребляется в пищу только свинина и говядина худшего качества. Много мяса еще в сыром виде срезается „кусками“ (откуда пошла их кличка), а солдату достается то, что осталось между ребрами. Из круп солдату чаще всего перепадает перловка-„шрапнель“. Бывает рис, иногда выдают гречку, но её скармливают солдатам в праздничные дни. В основном на гарнир идет картофель, случается и кислая капуста, из которой можно запросто выловить толстенького червячка, считающегося в армии „дополнительным пайком“. До червопоедания, конечно, не доходит, мы не китайцы. Но кто знает, что будет, если СССР приблизится к коммунизму совсем близко?

Родственники солдат знают, что их служивым не хватает витаминов, поэтому вкладывают в посылки лук, чеснок, морковь или купленные в аптеке поливитамины. Ну представьте себе, стала бы немка или американка слать сыну в армию лук, чеснок или... морковь? А мы по сей день вспоминаем добрым словом русских женщин, кидавших нам в строй лук, булки или конфеты. Русские матери добры и щедры при всей скудости средств их существования. Сегодня одна мать вытащила из авоськи лук и отдала его незнакомым солдатам, а завтра другая мать, в другом месте, бросит в строй её сыну головку чеснока. В России служить солдату легче, чем на „нацокраинах“. Правда, в Грузии и Армении тоже хорошо к солдатам относятся. О других местах этого не скажешь. Вот конкретный случай: в одной из „мусульманских“ республик женщины с громкими проклятиями разбили стакан, из

которого попил воды наш солдат. Этих женщин в чадрах мы тоже запомнили на всю жизнь... Теперь в тех краях пишут на стенах: „Наполним наши арыки русской кровью!“

Как-то незаметно мы подошли вплотную к так называемому „национальному вопросу“ в армии. Здесь мы тоже выскажем свое мнение, несколько отличающееся от упрощенных суждений отдельных „специалистов“. Если уж говорить о „национальных трениях“, то не лишне узнать, **кто, кого, когда и за что** притесняет. По упрощенной „русскоязычной“ схеме, русские притесняют „нацменов“. Увы, „нацмены“ также притесняют русских. Хотя сами „нацмены“ об этом почему-то не пишут, но факт – есть факт. Теперь вопрос: имеем ли мы право в случае притеснения русских „нацменами“ говорить о национальном притеснении? И Запад, и эмиграция, и тем более советское правительство словно забыли о том, что русские – тоже нация! Когда на Западе поднимают в прессе национальный вопрос, говорят о нуждах всех наций. Русских же выставляют как некую наднациональную безликую „злую“ силу, поломавшую жизнь всем народам России. Русских идентифицируют с коммунистами, проповедуя преступно-несправедливый синоним – „русский“ = „угнетатель“. И приводят факты притеснений русскими тех или иных азиатов. Ну, что тут ответишь? В казарме сказали бы: „Лучше дерись – не побьют!“ Русские умеют за себя постоять. Так было на войне, так и сейчас, когда советская власть не успевает вмешаться. Ведь она всегда на стороне „малых“, делая вид, что справедлива для всех „советских“ людей. Но на деле, русский человек сейчас последний человек в государстве.

Мы не относимся к числу людей, утверждающих, будто кому-то при советской власти живется особенно хорошо. Советской властью недовольны даже многие евреи, хотя они в материальном отношении живут лучше остальных. Мы не наделяем, подобно некоторым „самостийникам“, какой-либо народ всеми смертными грехами, объявляя полностью безгрешным собственный народ. Мы делим

людей на плохих и хороших, независимо от того, к какой нации они принадлежат. Но при всем этом мы утверждаем, что русский народ пострадал от советской власти более других народов и продолжает нести на себе самый тяжкий груз невзгод, порожденных властью коммунистов-интернационалистов. С этой точки зрения мы рассматриваем национальный вопрос в любых его вариантах.

Народная национальная политика в корне отличается от советско-интернациональной, которая, в сущности своей всегда была и остается политикой антирусской. Все, кому не лень, стараются внушить русским, что они всем должны и перед всеми виноваты и поэтому обязаны только извиняться и оправдываться. Но слепо следовать этой антирусской провокации опасно – так нечаянно можно расписаться и покаяться в чужих грехах, а это несправедливо. Те же, кто жалуется на недостаточную любовь к ним русских, должны в первую очередь сами строго наказать желающих наполнить нашей кровью свои арыки и только после этого покаяния делом, претендовать на любовь и уважение русских. Перед русским народом тоже есть кому каяться, но что-то никто к этому благому делу не призывает. Напрасно. Ведь, русский народ не так глуп, как некоторым хотелось бы.

Говоря о национальных притеснениях, мы считаем, что прежде всего всю армию притесняет советская власть, а затем уже внутри армии начинается взаимное притеснение по многим поводам. Скажем, появляются утверждения, будто русские офицеры специально издеваются над солдатами-азиатами. Будем объективны – в армии над солдатами в куда большей степени измываются сверхсрочники-„куски“ и сверстники – сержанты. Но всегда следует четко отделять строгие армейские требования и наказания от издевательств. Может быть, кто-то думает, что если он „нацмен“, то его и наказывать нельзя? В армии каждый воин обязан выполнять все положенное по уставам и неофициальному солдатскому Закону. Тогда каждый в свое время получит свою долю трудностей и „привилегий“. Теперь представьте себе ситуацию:

появляется в роте солдат, без конца прикидывающийся больным, дурачком; он ничего не понимает, когда речь идет о работе, но быстро становится в строй на обед. У этого солдата много денег, присылаемых из дому, но он ест колбасу в одиночку, ночью, спрятавшись под одеялом. А если делится, то „своим“ всегда отдает лучшее и больше. Он, имея деньги, подкупает „куска“ и сержанта, после чего получает явно незаслуженный отпуск домой и чаще других получает увольнения в город. Затем ловкач добивается выгодной „сачковой“ должности, при первой возможности хрюкает доносы в свиное osobистское ухо. Короче говоря, мы имеем в виду обыкновенного ротного „придурка“ – хитрого, лживого, жадного, ленивого. Поверьте нам, какой бы ни был национальности сей „придурок“, солдаты непременно будут его бить и унижать при первом удобном случае. И чья вина в том, что процент азиатов-„придурков“ оказался несоразмерно велик? Учтите, „придурков“ бьют, не взирая на их национальность, бьют за то, что они „придурки“. Кстати, когда бьют русского „придурка“, он никогда не вопит, что его бьют за то, что он русский. А вот любой „придурок“ прибалт, еврей или азиат тут же поднимет вопль о его национальном угнетении. А, что сам хорош гусь – ни-ни. Со стороны „нацменов“ это дважды нечестно, поскольку истинная причина кроется не в его национальной принадлежности, а в его „придурочном“ поведении, нарушающем негласный кодекс казармы. И не одни ведь русские бьют „придурков“. Этим занимаются все, кто служит в данном взводе, иногда даже представители национальности наказуемого.

Правда, в ряде случаев „нацмены“ получают персональную русскую сдачу за оскорбление национальных чувств и святынь русского народа. Тут совсем иное дело – персональное. Прибалтов и поляков иногда бьют за презрительное отношение к русским и разного рода пренебрежительные ужимки. Естественно, чем ниже отвисает презрительная губа, тем сильнее чешется русский кулак.

„Салага“, как и любой воин, обязан чтить Закон

казармы, кто бы ни был он по национальности. „Нацмены“ притесняются наряду с другими „салагами“ в первый год службы. Потом они сами становятся „стариками“, приобретая право команды: „На полы, сынок!“ И только самые отъявленные „придурки“, за плохое выполнение Закона в первый год пребывания в армии, лишаются этой привилегии до конца службы. Так называемые „национальные трения“ среди старослужащих резко ослабевают.

Офицеры заинтересованы в том, чтобы **каждый** солдат их взвода или роты выполнял свое дело четко и правильно. Один „гнилой“ „придурок“ может подвести всю роту и принести офицеру немало неприятностей. Офицеру из-за „придурка“ могут задержать присвоение очередного звания, отложить повышение в должности, перевести его из России или за границы в Среднюю Азию или на Крайний Север. Офицер тоже человек. И если „придурку“ наплевать на интересы офицера, то офицеру тем более наплевать на комфорт „придурка“. В результате, „гнилого“ начинают гонять до тех пор, пока он не научится делать все, как положено. Естественно, в глазах „придурка“ солдатская учеба выглядит сплошной полосой издевательств. В армии популярно изречение: „Не можешь – научим, не хочешь – заставим“.

Русские офицеры редко особо выделяют русских солдат из общего коллектива. Зато офицеры-азиаты редко упускают возможность как-то помочь „своим“. Азиаты часто пользуются покровительством начальства родственной национальности. Особенно грешат этим „покровительством“ офицеры армяне и встречающиеся кое-где по тылам офицеры евреи.

На Западе склонны переоценивать значение „национальных трений“ в советской армии. Мы знаем немало примеров крепкой солдатской дружбы представителей самых разных национальностей. Примеров крепкой армейской дружбы между людьми разных рас, национальностей и вероисповеданий гораздо больше, чем случаев откровенной национальной вражды. Когда казах, с риском

для собственной жизни, спасает жизнь своего русского друга, разве свидетельствует это о полной неприязни казахов к русским, или наоборот? Ведь аналогичных случаев тысячи. Солдат спасает солдата, а не казах русского. В опасной ситуации не думают о национальности, а думают о спасении жизни **однополчанина**. Наш пример может быть весьма показательным. Казах был „дедом“, а русский – его „персональным салагой“, отрезавшим казаху сантиметродни. Неделей ранее „салага“, будучи дневальным, засуетился и забыл отрезать своему „деду“ положенный сантиметр. Казах картинно возмутился, изображая гнев и отчаяние – „За что меня обидели?“ И рывкнул: „На полы, сынок!“ Отрабатывая провинность, „салага“ надраил пол под койкой стонущего „деда“. Видно было, что „салага“ немножко обиделся, но на обиды „салаг“ обращать внимания не положено – они должны „узнавать службу“. Но вот, случилась беда. Развязка оказалась счастливой. Об этом писали в окружной газете. Но написано там было не все – самое главное отсутствовало. Главное же заключалось в первых словах, произнесенных „дедом“ после всего случившегося. Обращаясь к спасенному, „дед“ сказал: „Понял службу?“ И „салага“ ответил – „Понял!“ Конечно, солдаты службу понимают. Не могут понять её только „специалисты“. Признаться, здесь все просто, как говорят, нечего понимать. В свое время наш казах тоже был „чуркой“ и „салагой“, но во-время понял службу: прослужил свое, получил „положенное“, превратился из „чурки“ в уважаемого „деда“.

Читатель вправе задать вопрос – почему мы до сих пор не уделили места проблеме политических взглядов и настроений солдат советской армии. Отвечаем. Во-первых, трудно объять необъятное. В армии служат самые разные люди, но о политике почти никогда не говорят. Если же говорят, то чаще всего сами не разбираются в предмете своего интереса. Во-вторых, политические взгляды армейской молодежи еще не устоялись. Исключения редки. Быт роты дает не так уж много материала для достаточно обоснованных выводов, а разглагольствовать

просто ради красного словца мы не собираемся. С уверенностью можно сказать только то, что многие солдаты еще находятся в плену послешкольных коммунистических иллюзий. В этом отношении их уровень политической зрелости стоит много ниже уровня политической зрелости передовых офицеров. Солдаты думают и говорят не столько о политике, сколько о „дембеле“ и мелких проблемах солдатского быта. Кроме того, солдату некогда рассуждать о „высоких материях“. Следует особо отметить, что ранний призыв в армию сильно способствует аполитичности солдатской массы, поскольку люди не успели до службы проверить школьную коммунистическую теорию практикой уродливой содейственности. Из семьи молодой солдат приносит в армию скептическое отношение к современным кремлевским владыкам и местным партийным вождям. Во всяком случае, мы не встречали ни одного искреннего поклонника Хрущева и, тем более, „губошлепа“ Брежнева, которого презирали просто в открытую. Находились кавказцы, хвалившие Сталина. Однако, русские хвалить его не спешили, зная, что, наряду с его лицемерными речами о великом русском народе, он загубил русских больше, чем все Чингиз-ханы вместе взятые. Единственно ощутимый фундамент советской власти в солдатской среде покоится на рыхлой почве легенды о добром Ленине и хорошем ленинском коммунизме. Учение, мол, хорошее, но Сталин и его последователи все изуродовали. Многие верят, что первые большевики искренне желали добра простому народу, но их перестрелял злодей Сталин. Люди по сей день поминуют добрым словом НЭП, но мало кто знает, что сам Ленин называл НЭП „временным отступлением“.

К политике и национальному вопросу в армейских условиях можно причислить и спор из-за усов. Этот вопрос автоматически перерастает в политический, и вот почему – в армии разрешают отпускать усы только солдатам-азиатам. Русским, прибалтам и молдаванам отпускать усы категорически запрещено. Азиаты же немедленно отпускают усы, подчеркивая в весьма вызывающей форме

свою исключительность. Остальных за „неположенные“ усы строго наказывают. И тут солдаты делают вывод: „Советская власть больше заботится об азиатах, чем о нас“. Незначительная с первого взгляда привилегия азиатам, сильно раздражает русских солдат и является одной из первых ступенек их политического прозрения.

„Религиозный вопрос“ в армии не заострен. Многие солдаты к вопросам религии относятся безразлично. Кресты в армии носить запрещено, однако вслух никто этим не возмущался. Очень многие мусульмане начинали кушать свинину, не вспоминая Корана и пророков. О евреях ничего сказать не можем, потому что в нашем полку их совсем не было. Каждый русский знал, что он – православный. Каждый азиат знал, что он мусульманин, шиит или суннит. Знали кое-что из уст старших, но сами в вопросах религии разбирались более, чем слабо. Между солдатами мусульманами и солдатами христианами не наблюдалось никакой взаимной неприязни именно на религиозной почве. Однако все солдаты без исключения сильно недолгобливали баптистов, за их отказ брать в руки оружие и нежелание служить в армии. „Ты что, – говорили молодому баптисту, – хочешь в хозвзвод попасть, генералам морковку выращивать? А мы за тебя, паразита, пахать должны?“ Баптистов били без каких-либо науськиваний начальства, потому что никто из баптистов „службы не понимал“ и понимать не хотел. Баптистов единодушно определяют в разряд ротных „придурков“.

Армейская тема неисчерпаема. О солдатах, о солдатской службе можно написать сотни книг, но и в них всего не перескажешь. Поэтому, не пытаясь объять необъятное, мы ограничились нашим кратким обзором, предоставив вдумчивому читателю возможность сделать самостоятельные выводы из всего нами сказанного.

Примечание автора: Некоторое смещение ряда незначительных деталей носит целенаправленный характер – автор старался говорить об армии вообще, не акцентируя внимания на роде войск, к которому он имел отношение во время прохождения действительной солдатской службы. Поэтому мы, говоря о лопингах, далее говорим о шинелях, не упоминая бушлатов.

НАШИ ВЕСТИ

**Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным**

**Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко**

**Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов**

Подписку направлять по адресу:

**NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA**

Тихоокеанское Высшее Военно-Морское училище

Тихоокеанское Высшее Военно-Морское училище, сокращенно: ТОВВМУ, находится во Владивостоке на Второй Речке. Курсантский поэт Сахаров, набравшись идеей „социалистического реализма“, заставших его настоящей реальностью, так написал об этом городе:

Владивосток – шикарный город,
Как Рим лежит он меж холмов.

Боюсь, что на холмах и заканчивается „шик“ этого города. На самом деле, Владивосток – это город трущоб. Жилищный кризис в этом полумиллионном городе такой острый, что найти комнату для аренды в нем почти так же трудно, как найти цветы на Северном полюсе. Когда я окончил ТОВВМУ и уже будучи офицером привез во Владивосток жену, то только по великому знакомству нашел на улице Первой Рабочей крохотную комнатку, всего 5 кв. метров, – и мне многие мои товарищи завидовали. А в этой комнате вмещались односпальная кровать, тумбочка, две табуретки – и все.

Но многие гражданские лица не имеют и этого. В мою бытность там, с 1947 по 1953 год, можно было видеть сотни хижин, сделанных из жести и картона, в которых жили целые семьи в штормовые и морозные бесснежные владивостокские зимы и сырые весны. Прибавьте к этому мизерное нищенское жалование, которое получают гражданские и которое всегда, как минимум, в три раза ниже жалования самого молодого офицера и вам будет неуди-

вительна острая, нескрываемая вражда, даже ненависть, которая существует между населением города и лучше обеспеченными офицерами флота, к которым гражданские причисляют также и курсантов Высшего Военно-Морского училища.

Существует вражда также между моряками и солдатами, которая нередко приводит к дракам и даже побоищам. И эта вражда тоже имеет материальную подкладку: моряки лучше одеты и их питание тоже лучше. История донесла до нас два таких побоища. Первое было в 1946 году между солдатами армии Рокоссовского, как известно, укомплектованной уголовниками из тюрем, и моряками Тихоокеанского флота. Старожилы помнят настоящий бой между ними с применением автоматов на виадуке Первой Речки. Второй случай начался на танцплощадке, когда драка из-за девушек закончилась победой моряков. Ночью на 33 причал, где стоял крейсер „Калинин“, ворвалось несколько танков. Ультиматум звучал так: „Выдайте нам ТЭХ матросов или мы разнесем ваш крейсер в щепки!“

Единственная достопримечательность города – это городские пляжи на Амурском заливе. Эти пляжи были оборудованы еще до революции и сохранились до наших дней. Все они имеют раздевалки, где сдают на хранение свою одежду посетители, облицованные досками пирсы с вышками для ныряния, с соляриями и пресными душами. Владивостокские пляжи – кажется единственные в СССР, где нет буйков с надписями „дальше не заплывать!“ и вы можете плыть так далеко от берега, как умеете, без боязни, что вас арестуют или оштрафуют. В дни летних увольнений большинство курсантов училища шли на пляжи, ибо больше пойти было некуда: на весь город было всего три-четыре кинотеатра, а билеты в их кассах – всегда распроданы. А кроме того, ведь надо же будущим морским офицерам привыкать к воде! А в училище плавательного бассейна не было, и даже на летней практике в бухте Миноносок плаванию не учили. Это считалось не важным. Наукой всех наук, освоив которую,

курсант по мнению партии становился способным на все, даже способным плавать как рыба без всякого к тому обучения, являлись основы марксизма-ленинизма, или сокращенно ОМЛ, ОМЛ-ы или Карла-Марла. Заведывал кафедрой марксизма-ленинизма капитан I ранга Исаак Абдулла, маленький жирный и хитрый человечек со сталинскими усами.

Я очень быстро понял, что в „науке“, которую он преподавал, не было ничего научного и перестал брать в руки „сочинения“ её апологетов. Но сдавать экзамены было надо и я нашел способ. На лекциях Абдуллы я конспектировал буквально всю его брехню, не задумываясь, и имея тогда очень хорошую память, одновременно запоминал эту брехню. Когда на экзаменах Абдулла слышал мои ответы, почти дословно повторяющие его выражения, то пришел в восторг. „У вас необыкновенные способности к политическим наукам! – сказал он мне сладким голосом. – Хотите, я поговорю с руководством о переводе вас в Высшее Военно-Морское Политическое училище? Там вы скорее и лучше сделаете себе карьеру!“ Мне с трудом удалось уклониться от его „помощи“, сославшись на те же пресловутые стихи Сахарова:

Какое счастье –

Всадить в борт крейсера торпеду!

И праздновать потом победу

И смелости своей

И выученных мной людей!

В кабинет марксизма-ленинизма, самый большой и самый удобный кабинет для самоподготовки, я все же ходил. Мы, с моими друзьями Овечкиным и Зыряевым, брали у библиотекарши „Капитал“ Маркса, „труды“ Ленина-Сталина и обкладывали ими стол со всех сторон так, чтобы другим не было видно, чем мы занимаемся. А занимались мы делом, никак не относящимся к „науке всех наук“ – сочинением стихов. Кто из нас в юности не писал стихи? Но наши стихи всегда отличались пессимизмом. Вот пример стихов Овечкина (он позднее стал команди-

ром подводной лодки и был премирован автомобилем за выполнение секретного задания):

Чует сердце лихую беду

И дрожит от предсмертного крика:

Где могилу себе я найду?

Пуля в лоб или гангстера пика?

Если бы командование прочло наши стихи, то разбора персонального дела нам бы не миновать. Нас бы обвинили а упаднических настроениях, декадентстве и т. д. и т. п. Может быть – выгнали бы из училища. Я и так уже имел комсомольское взыскание „за увлечение поэзией Есенина“ и не будь я отличником учебы по всем предметам – мог бы быть за это отправлен на флот простым матросом. Хорошая успеваемость очень ценилась и даже иногда спасала. Так, например, она спасла курсанта Дьяконова. Правда, Дьяконов был еще выше, чем отличник учебы. Дьяконов был Сталинским Стипендиантом – согласно приказа начальника Управления Высших Военно-Морских учебных заведений, которых (строевых) тогда было пять: Ленинградское училище имени Фрунзе (бывший Морской Кадетский Корпус), Ленинградское Инженерное училище имени Дзержинского, Ленинградское училище Подводного плавания, Каспийское училище и наше ТОВВМУ. Будучи Сталинским Стипендиантом, Дьяконов получал специальную повышенную стипендию в размере 80 рублей в месяц, вместо наших обычных курсантских 10 рублей. (Скажем в скобках, что практически его материальное положение от этого не улучшилось, ибо нас всех заставляли подписываться на государственный заем на 800 и даже 1000% месячной стипендии и в результате он, также как и мы, каждый месяц только расписывался в денежной ведомости, ничего не получая на руки). Так, этот Дьяконов совершил проступок, который дорого ему обошелся. Однажды после лекции Абдуллы, когда тот, с обычной сладкой улыбочкой, предложил задавать вопросы, курсант Дьяконов спросил:

— Товарищ капитан первого ранга! Объясните, пожалуйста, почему в Соединенных Штатах Америки такие

дешевые автомобили, что их может купить почти каждый?

Улыбочка слетела с губ Абдуллы и он с гневом набросился на курсанта.

— А откуда вы это знаете? У вас, что, родственники живут в Америке, а вы скрыли это от нас, когда заполняли анкету? Может быть, вы даже письма получаете из капиталистической страны?

Дальше — больше. Дьяконова сперва вызвали к замполиту, потом к начальнику политотдела училища, где он, конечно, раскаялся в „необдуманном и провокационном вопросе“. Однако, из Сталинских Стипендиантов его выгнали и ему объявили комсомольское взыскание. Высокая успеваемость и „чистосердечное раскаяние“ спасли его от исключения из училища. И, конечно, начальство убедилось в том, что его вопрос был без злого умысла.

Но никакая успеваемость не помогала, если секретная часть училища, которая постоянно копалась в наших биографиях, находила что-либо неладное в социальном происхождении. Такого курсанта немедленно исключали. Я помню пример курсанта Неживого, кстати тоже отличника учебы, чей портрет до этого случая постоянно красовался на Доске Почета. Однажды, это было кажется на втором курсе (тогда было четырехгодичное обучение, теперь — пятигодичное), я заметил, что Неживой куда-то пропал. Не было его на занятиях, не было в столовой, а на вечерней поверке его фамилию не выкликали. Разъяснение пришло на комсомольском собрании с повесткой дня — „Разбор персонального дела М. Неживого“. Сразу выступил замполит, капитан 3 ранга Михайленко.

— Курсант Неживой оказался нам не товарищем, — веско заявил он, обводя всех присутствующих строгим взглядом и тем самым как бы предупреждая всякую попытку вопросов или выражения недоумения.

— Курсант Неживой скрыл от нас, когда заполнял анкету, что его отец — враг народа. Он скрыл от нас, что его отец был справедливо репрессирован органами. Приказом начальника училища адмирала Богданова Неживой

уже исключен из наших рядов. Сейчас вам всем предстоит проявить принципиальность и проголосовать за исключение Неживого из рядов ленинско-сталинского комсомола!

И все проголосовали. Молча. Единогласно. Как роботы. Вообще, демократия на наших комсомольских собраниях была странная. Еще до начала собрания, в президиум усаживались замполит и другое начальство, а только потом их туда „выбирали“. Выступающие на собрании бывали намечены заранее тем же замполитом, а тексты их выступлений – проверены. Резолюция собрания тоже бывала написана заранее замполитом. Комсомольцам, как впрочем и членам партии (всех отличников „приглашали“ вступить в партию в „добровольно-принудительном порядке“), оставалось при голосовании только одно „право“: поднять руку „за“. Голосовать „против“ у нас никто никогда не решался, ибо все понимали, что последствия были бы непредсказуемые.

Любые выборы, будь то выборы судей или выборы в Верховный Совет, всегда проходили с одинаковым „воодушевлением“ и „политическим подъемом“. По закону, избирательные участки в день выборов открываются в 6 утра. В 5 часов 30 минут в кубрик, где мы спали, приходил аккордеонист, посланный замполитом, и начинал играть разные мелодии. Все просыпались и чтобы спастись от оглушительной музыки шли голосовать к моменту открытия избирательного участка, а то еще и раньше.

Мне многое не нравилось в училище. Не нравилась страшная муштра, хуже немецкой. Недаром у курсантов была популярна песенка немецких солдат:

Левой, правой!

Встань! Беги! Ложись!

Целый день летит команда в уши.

Такова солдат немецких жизнь.

Господи! Помилуй наши души!

Нам всем не нравилась наша изоляция, граничащая с тюремной. Но больше всего мне не нравилась идеология, которую наши „духовники“ – многочисленные политра-

ботники, пытались привить курсантам. Глупая басня о грядущем коммунистическом рае – этот главный советский анекдот, была противна мне. Меня поражало то, что, по утверждению политработников, не было ничего ни плохого, ни хорошего самого по себе, то-есть не было добра и зла самого по себе, а только относительно „великой цели“, относительно служения коммунистической партии. Я же был воспитан в семье в христианских понятиях добра и зла, и каждый раз, когда эти понятия, вошедшие в мою плоть и кровь с детских лет, подвергались ревизии, я болезненно переживал это. Подтверждение непреходящей ценности высоких моральных качеств вдруг пришло с самой неожиданной стороны – от японцев. Это случилось во время осмотра памятников русским героям Порт-Артура, установленных победителями. В Порт-Артур мы ходили во время летней практики.

Коммунистическое идолопоклонное „духовенство“ учило нас: враг не может быть героем, врага ни в коем случае нельзя уважать, только – ненавидеть. А вот японцы, оказывается, думают иначе. После захвата у русских Порт-Артура японцы на Электрическом утесе и в ряде других мест установили великолепные скульптурные памятники русским героям обороны Порт-Артура, положили к этим памятникам превосходные дороги и выпустили цветные открытки, целиком посвященные русским героям. Русское мемориальное военное кладбище в Порт-Артуре японцы содержали в такой чистоте и в таком порядке, что я на всю жизнь проникся уважением к ним. „Значит, существует доблесть сама по себе, – думал я. – А вовсе не применительно к защите коммунистических вождей и их власти“.

Я уже не говорю о проповеди атеизма, но проповедь предательства всегда просто коробила меня.

„Если твой товарищ высказался политически вредно или даже просто неправильно, твой долг пойти и доложить об этом одному из офицеров-политработников“, – неустанно учили нас. Естественно, что такая идеология не способствовала развитию критического мышления у

курсантов и не создавала атмосферу, в которой люди свободно обмениваются своими мыслями.

Началось время холодной войны. Усилились репрессии КГБ. В училище им. Фрунзе в Ленинграде арестовали начальника строевого отдела капитана 2 ранга Сластникова и курсанта Костю Сеницына, вместе с которым я учился в подготовительном училище. Ничего не знаю о Сластникове, но Сеницын во время войны жил в Мурманске, где было тогда много союзников. Как и всякий другой мальчишка, он интересовался иностранцами, wymienял у них сигареты, смотрел их фильмы. Придя в училище, Сеницын принес с собой хорошие воспоминания о хороших людях, две-три английские песни под гитару и неплохое знание английского языка. Для КГБ этого оказалось достаточным. . .

На ежедневных политинформациях, на занятиях по ОМЛ и полит-экономии, на разных собраниях и митингах, всячески поносили „англо-американский империализм“ и доказывали, что США и Англия не только не способствовали победе над Гитлером, но якобы, даже во многом мешали советской армии, и намекали на возможность советского „упреждающего“ удара по США. Помощь по „ленд-лизу“ называли „мизерной“, „несущественной“ и т. п. В то же время по улицам Владивостока ездили исключительно американские автомашины, практику мы проходили на военных кораблях американского производства, летали на американских боевых самолетах, даже паек на торпедных катерах американского производства до сих пор получали тоже американский.

Анафеме коммунисты предали не только „англо-американский империализм“, но и многих, любимых мною русских людей. В их числе оказался любимец всей нашей семьи писатель Михаил Зощенко, которого коммунисты травили до тех пор, пока он не сошел в могилу. Мой любимый поэт – гордость России – Сергей Есенин был запрещен не только для публикации, но даже для чтения. Был запрещен даже джаз, который называли „музыкой загнивающего капитализма“.

На лекциях ОМЛ Абдулла, не тая, а наоборот подчеркивая, как будто это было признаком доблести или благородства, подробно рассказывал о „заградительных отрядах“, созданных в годы войны по приказу Сталина. Эти отряды, сформированные из чекистов, располагались в тылу наших войск и стреляли по своим солдатам, если те отступали перед превосходящим врагом, а не оставались напрасно умирать. Но превыше всего было неудержимое ежедневное и ежечасное восхваление Сталина, Ленина и всей большевицкой иерархии. Когда замполит или Абдулла без конца повторяли нам „аксиому“ о божественной непогрешимости Сталина и всей большевицкой партии, я сидел и думал, что возможно это шутка и лектор не то, что прямо рассмеется, но найдет такой ракурс в своей речи, что всем вдруг станет ясно, что он не хотел, чтобы понимали его буквально. Но никакого ракурса не было видно. Тогда я понял, что замполит, лектор и другие начальники или принимают всех нас за дураков или же хотят таковыми воспитать.

И действительно, воспитывали – хотя чаще подлецов, нежели дураков. Во всяком случае, у нас появилось много так называемых „активистов“, которые доносили на всех и каждого и даже иногда не секретно, а – открыто, под видом „комсомольской критики“. Это делалось, конечно, в присутствии начальства, тут же бравшего все „на карандаш“. За эти услуги „активисты“ получали, и тоже совершенно открыто, привилегии. Эти привилегии касались более частых увольнений в город, невзирая на двойки в учебе (по существующему порядку мы могли ходить в увольнение по субботам и воскресеньям, если не имели двоек в учебе и дисциплинарных взысканий), их нередко освобождали от несения нарядов или ставили только на хорошие дежурства, как например, – дежурным по роте, который по долгу службы соприкасался с официантками в столовой и мог есть вволю. А мы редко наедались досыта. Кроме того, „активисты“ имели поблажки от преподавателей и после окончания училища получали лучшие назначения.

Никаких привилегий не имели курсанты, принадлежащие к русской национальности, по сравнению с курсантами других национальностей. Расовой или национальной дискриминации, которую с увеличительным стеклом ищут в СССР некоторые западные деятели, в училище не было никакой. Среди курсантов, кроме русских, были евреи, украинцы, казахи, татары, узбеки, литовцы и вообще все, кто хотел учиться в этом училище и подходил для этого по своему здоровью, образованию и по своему социальному происхождению. Социальное происхождение играло самую большую роль при приеме.

Станным, однако, являлось то, что при строжайшем подходе к социальному происхождению курсантов, исключение делалось для начальствующего состава училища. Среди наших начальников были бывшие дворяне – морские офицеры Российского Императорского флота – капитаны 1 ранга Якунников и Гаврилов. Гаврилов заведывал учебной частью училища. А когда ранее я учился в Ленинградском Военно-Морском Подготовительном училище, то его начальником был тоже бывший царский офицер – капитан 1 ранга Авраамов. Видимо, коммунисты понимали, что для воспитания настоящих офицеров нужны и настоящие военно-морские преподаватели. За исключением преподавателей политических наук и преподавателя истории военно-морского искусства, откровенного халтурщика, остальные преподаватели действительно были подобраны Гавриловым по признаку высокой культуры и яркой индивидуальности. Например, преподаватель кафедры артиллерии капитан 3 ранга Аболмасов принимал у нас зачеты с секундомером в руках, но зато в свободное время не скупился на увлекательные рассказы об Америке, где он побывал в связи поставками кораблей по „ленд-лизу“. Преподаватель кафедры тактики флота капитан 2 ранга Беленький был хорошим преподавателем и в то же время великолепным спортсменом. Находясь вместе с нами на практике в бухте Миноносек, он пригласил меня плавать с ним вместе и мы три раза в день, перед завтраком, обедом и ужином, проплывали по

миле. Преподаватель высшей математики подполковник Иванов дал нам твердые знания истинной науки всех наук, в то же время, не скрывая перед нами своей восторженной любви к Есенину. Я помню, как поймав кого-нибудь со шпаргалкой во время контрольной работы он, прежде, чем выставить провинившегося из класса, говорил ему словами поэта:

Что ты смотришь синими брызгами,
Иль в морду хошь?

Слова звучали не грубо. Все понимали, что это всего лишь цитата из стихотворения, но где-то таилась и обида преподавателя, и маленькая угроза.

Преподаватели физической подготовки все внимание концентрировали на гимнастике, боксе и беге. Конечно, такой была директива сверху и они в этом не виноваты. К счастью, когда я проходил практику на эсминце, то его командир был влюблен в водное поло. Едва только корабль бросал где-либо якорь, как специальные матросы уже устанавливали поблизости ворота для игры. Только тогда я и научился играть в водное поло. За эту привилегию – принимать участие в игре вместе с его командой – командир посылал меня с разными заданиями вплавь и иногда приказывал вплавь завести швартовы на буксируемую цель во время штормовой погоды, что я и делал для него с готовностью. На практике мы жили в румпельном отделении эсминца. Сейчас я вспоминаю об этом с содроганием, а тогда молодость не замечала ни адской жары от накалившегося железа, ни дьявольского грохота на ходу корабля.

Все наши мысли, все наши мечты были направлены на приближающийся отпуск, в сентябре месяце, после летней учебной практики. Отпуск был высшей мечтой каждого курсанта, а железнодорожный вокзал во Владивостоке представлял собой материальное воплощение этой мечты. Поэтому во время увольнений мы часто ходили на вокзал и смотрели на поезда, уходящие на Запад. На Восток поезда не ходили – некуда.

Вспоминается еще одна отдушина, которая была у кур-

сантов – вечера отдыха в училище. Вечера отдыха проводились в помещении столовой, откуда предварительно выносились столы. Помещение было большое, барачного типа и туда вмещался весь курс – 400 человек. Из города приходили девушки – приглашенные и неприглашенные. Для девушек вход на вечер был свободным. Приходила туда и дочь бывшего царского офицера Гаврилова – красивая интеллигентная девушка, впоследствии вышедшая замуж за курсанта. Вечер всегда начинался политическим докладом замполита минут на 40, а то и на час. В докладе пережевывалась жвачка об Октябрьской революции, о мировом империализме и о бдительности советских людей. После доклада шел концерт самодеятельности, который всегда начинался хором, исполняющим сперва песню о Сталине, а потом песню о Родине. Следующими номерами были номера политическо-назидательного характера и только потом, в самом конце, разрешался один или два развлекательных номера.

Затем объявлялся перерыв, во время которого убирались из помещения длинные деревянные скамьи, на которых мы сидели во время концерта. После перерыва были танцы под духовой оркестр – главный „номер“, для чего все и приходили на вечер. К танцам курсанты соответственно „готовились“. Для придания веселости где-нибудь в секретном месте распивалась заранее приготовленная водка. Вообще, выпивка считалась у нас делом героическим и прогрессировала от курса к курсу, несмотря на строгие дисциплинарные наказания. За все годы учебы выпивка разрешалась официально только один раз – на выпускном банкете, деньги на который начальство забирало у нас из стипендии весь четвертый курс, для чего и подписка на заем была соответственно сокращена. Деньги у нас собирались также и на оплату пошива офицерской формы.

Выпуск происходил торжественно. Еще раньше, после успешной сдачи государственных экзаменов, нам всем присваивалось звание „мичман-курсант“ и в течение трех месяцев мы стажировались на кораблях. В конце сентября мичманы возвращались в училище, где переодевались в

уже готовую офицерскую форму. Потом курсантов строили во дворе училища, где в торжественной обстановке начальник училища зачитывал приказ министра обороны о присвоении каждому звания „лейтенант“, а потом лично вручал дипломы об окончании училища. После парада, в столовой имел место банкет, или, как еще его называли, – „мальчишник“ (без женщин), где нам давали по паре рюмок водки, предваряемых тостами замполита – „За Сталина!“ и „За Родину!“ Вечером в Доме Офицеров бывал вечер выпускников училища с концертом профессиональных артистов, где уже пили вволю и все напивались допьяна.

После отпуска, первого отпуска с небольшими, но все же деньгами в кармане, позволившими несколько раз заглянуть в ресторан, пришло отрезвление. Служба на флоте оказалась далеко не романтической. Нашей главной задачей было политическое оболванивание матросов – с помощью политзанятий, лекций и докладов, индивидуальных бесед и т. д., а также борьба с матросским пьянством. Общество офицеров оказалось строго разделенным по званиям и должностям. Командиры кораблей никогда не водили компанию с помощниками, а офицеры штаба бригады – с командирами. Я уже не говорю о матросах и старшинах, с которыми не дружили никакие офицеры. Я входил в младшую группу офицеров, где кроме помощников командиров кораблей иногда бывали дивизионные специалисты и мелкие политработники. Все интересы этих офицеров ограничивались пьянством и бабами. В минуту откровенности многие из них признавались, что службу не любят, а в офицеры пошли исключительно ради денег.

Разоткровенничавшись, лейтенант Ланин вслух мечтал о сельском хозяйстве, старший лейтенант Логвинов – о литературной деятельности. Парторг дивизиона лейтенант Косов, как и все люди этой породы, мечтал лишь о привилегиях. Сын министра почты Белоруссии, он пришел к нам в дивизион с орденом на груди и значком мастера спорта по футболу. Скоро оказалось, что и орден, и

значек - не его. Скандал принял крупные размеры и начальству пришлось уволить его в запас.

В 1953 году умер Сталин. В день его смерти я дома поймал по приемнику разухабистый американский джаз и плясал от радости. На другой день на траурном построении, рядом стоящий офицер шепнул мне два слова, показавшие мне, что я не был одинок в своей радости. Интересно, что через 14 лет, в 1967 году при встрече в Ленинграде этот офицер страшно испугался, что я все еще помнил эти два слова, и постарался сделать так, чтобы наша случайная встреча больше никогда не повторилась.

Имея такие мысли, служить офицером я не мог. Вечно скрывать мысли нельзя. Рано или поздно они будут обнаружены. Для этого на каждом корабле имеются специальные люди. Да и совесть тоже не позволяла.

Всего через два года после выпуска я ушел в запас. Это случилось в 1953 году. Помог Маленков, решивший сократить кадры в армии и на флоте. И я ни разу не пожалел о своем уходе.

Поступила в продажу книга Юрия Ветохина „Склонен к побегу“ (2-е издание) в мягкой обложке. Формат книги - большой, бумага - хорошая, шрифт - крупный. 49 иллюстраций, 545 страниц. Цена книги:

18 долларов вместе с пересылкой

Заказы направлять:

Mr. Yurij Vetochin
P.O.Box 16084,
San Diego, Ca. 92116, USA

Ф. Ф. К и р х г о ф

В Ставке Верховного Главнокомандующего*

Б а р а н о в и ч и

Потеря при бегстве из Петрограда всего, собранного мною за период первой мировой войны 1914-18 гг. документального материала, среди которого особенную ценность представляли многочисленные фотографические снимки, лишала меня возможности взяться за писание воспоминаний обо всем том, чему я был свидетелем в Ставке Верховного Главнокомандующего за период 1915-1917 гг.

Но желание внести и свой скромный вклад, могущий в какой-то, пусть даже малой доле, пригодиться впоследствии

* Воспоминания полковника Ф. Ф. Кирхгофа, переданные для публикации в альманахе «Вече» сыном его вдовы.

Федор Федорович Кирхгоф родился в 1889 г. в Петербурге в военной семье. Окончил в Петербурге 1-й Кадетский Корпус и Михайловское Артиллерийское Училище. Служил в Лейб-гвардии Измайловском полку. Участвовал в боевых действиях этого полка в составе 1-й Гвардейской пехотной дивизии на Западном фронте в 1914-15 гг. В 1915-17 гг. служил адъютантом Коменданта Главной Квартиры Штаба Верховного Главнокомандующего. В 1919-1920 гг. был в Добровольческой Армии на Юге России у генералов Деникина и Врангеля. После эвакуации из Крыма через Болгарию и Югославию переехал на постоянное жительство в Финляндию к своей семье. Умер в Гельсингфорсе в 1967 году.

вии для пополнения того большого и ценного материала, который уже вышел в печатном виде, все же толкает меня описать все виденное и пережитое лично, пользуясь только тем, что смогла сохранить моя память за столь долгий период времени.

Настоящие мои воспоминания будут касаться главным образом быта и жизни Ставки Верховного Главнокомандующего, чему, естественно, было мало уделено внимания лицами, стоявшими значительно выше меня, в их уже напечатанных воспоминаниях. Будучи сосредоточены на большом, они не могли останавливаться на „мелочах“. Но часто „мелочи“ могут пригодиться в будущем для общего описания того или другого события, а в данном случае, Ставки Верховного Главнокомандующего – „души и мозга“ всей действующей Русской Армии, ведшей свои боевые операции на громадном протяжении наших западных и кавказских границ.

По своему служебному положению в Ставке я был лишен возможности непосредственного соприкосновения с Оперативным Отделом, – этого „святая святых“ Штаба, – а потому в своем повествовании не буду касаться боевых операций на фронте.

Я – кадровый офицер Л. Гв. Измайловского полка, в составе которого принимал участие в боевых операциях: Люблинской (Галицийской) с переходом на территорию Австро-Венгрии; на подступах и в предгорьях Карпат; на берегах Вислы; Ивангородской и с конца января 1915 года под Ломжей, где полк вел крупные бои.

В конце марта 1915 г. командир полка получил через штаб гвардейского корпуса предписание Дежурного Генерала Штаба Верховного Главнокомандующего командировать в его распоряжение одного обер-офицера.

Выбор командира полка для этой командировки остановился на мне, т. к. болотистая местность Ломжинского района стала тяжело отражаться на моей болезни (туберкулез), от которой я в продолжении предыдущего лета лечился на Кавказе, но недостаточно долечившись, поспешил в ряды моего родного полка, чтобы с ним принять

участие в военном походе.

Простившись с моими полковыми друзьями и напутствуемый начальством, я отправился выполнять полученное предписание. Найдя попутчика в штабе Гвардейского корпуса, вместе с ним прибыл на грузовом автомобиле в Варшаву. Переночевав в отеле и расставшись с попутчиком, на следующий день я выехал поездом на станцию Барановичи, где находилась Ставка Верховного Главнокомандующего. Меня воодушевляло сознание ответственности служить в центре всей нашей действующей армии, где разрабатывались боевые операции и откуда исходили все распоряжения по ведению военных действий. Но наряду с этим, на сердце было беспокойно. Во-первых, угнетала разлука с полковыми друзьями и мысль, увижу ли я их когда-либо и, во-вторых, тревожила перспектива службы вблизи Великого Князя Николая Николаевича, который в то время был Верховным Главнокомандующим и за которым уже в мирное время укрепилась, среди подчиненных ему чинов, репутация строгого и подчас несдержанного начальника.

Рано утром поезд прибыл на станцию Барановичи-Александровская. Погрузив походные вещи на повозку еврейского возницы, вместе со своим деньщиком я отправился в район Штаба. При въезде на территорию расположения Штаба находился пропускной пункт, на котором круглосуточно дежурили нижние чины охраны Ставки. Этот пропускной пункт был связан телефоном с комендантом управления. Предъявив на пункте предписание о вызове меня в Ставку и удостоверение личности, что обязаны были делать все, проходящие по служебной надобности в район Ставки, мы были пропущены и пошли к штабному поезду.

Из вагона-ресторана вышел офицер, с которым я был ранее знаком, и пригласил к утреннему чаю. После чая я явился к Дежурному Генералу, от которого получил назначение на должность адъютанта Коменданта Главной Квартиры Штаба. Явившись к Коменданту и представившись двум его адъютантам, я получил распоряжение

относительно моей новой службы и незамедлительно приступил к её исполнению.

Штаб Верховного Главнокомандующего или его Ставка был расположен к югу от местечка Барановичи Минской губернии, по заранее определенному мобилизационным планом предписанию. Планом учитывалось важное военное значение этого места, т. к. оно находилось на пересечении трех стратегических железных дорог: Москва – Брест, Вильно – Сарны и Барановичи – Белосток. Ставка размещалась в железнодорожном городке, где в мирное время квартировали три железнодорожных батальона, теперь ушедшие на фронт.

Управления Штаба занимали бараки-казармы железнодорожной бригады. Чины же этих управлений жили в вагонах двух поездов, которые стояли на особых подъездных железнодорожных ветках, параллельно друг к другу. Великокняжеский поезд стоял западнее Штабного в начале соснового леса, который окружал весь район городка. В этом поезде, в салон-вагоне жил сам Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич и его Августейший брат Великий Князь Петр Николаевич, состоящие при Верховном лица свиты, Начальник Штаба со своими адъютантами, Генерал-Квартирмейстер с некоторыми офицерами Оперативного Отделения, Комендант Главной Квартиры Штаба, Протопресвитер Военного и Морского Духовенства и старшие чины союзных военных Агентств.

Весь район Великокняжеского поезда, дом в котором в мирное время проживал командир железнодорожной бригады, а теперь помещалось Управление Генерал-Квартирмейстера, а также соседняя к нему постройка, занятая полевым телеграфом, были оцеплены проволочным ограждением и при входе существовал особый пропускной пункт с соответствующим нарядом охраны.

На параллельной к Великокняжескому поезду железнодорожной ветке стоял Штабной поезд, в котором жили Дежурный Генерал, Начальник Военных Сообщений, Начальники Морского Управления, Гражданской и Дипло-

матической канцелярий с подчиненными им чинами, а также священник Штаба, иеромонах, посланный Сергиевской Лаврой с Чудотворным Образом и помощники иностранных военных Агентов.

О личности, способностях и сильной воле Великого Князя Николая Николаевича, занимавшего пост Верховного Главнокомандующего, сказано достаточно в послевоенной литературе не только нашей и союзнической, но и бывших наших противников. Человек крупного масштаба, прямой, решительный, с блестяще завершенным высшим военным образованием в Академии Генерального Штаба, имеющий за собой опыт Турецкой войны, он с ранней своей молодости непрерывно находился в строю, занимая последовательно различные должности до Главнокомандующего Войсками Гвардии и Петербургского Военного Округа включительно и Председателя Комитета Государственной Обороны. На всех этих должностях Великий Князь мог ознакомиться с соображениями, касавшимися подготовки к войне, а также приобрести обширное знакомство с личным составом армии, особенно с высшим, т. к. почти каждый, приезжавший в Петербург войсковой начальник считал своим долгом представиться Августейшему Главнокомандующему.

Все нововведения, касающиеся вооружения и снабжения армии проводились именно во вверенном Великому Князю Военном Округе, поэтому он был всегда в курсе этого, первостепенной важности, дела. Имя Великого Князя было известно за границей; за два года до войны он посетил Францию, где произвел большое впечатление на наших союзников и где его горячо чествовали как будущего Верховного Главнокомандующего. Поэтому и в армии, и в обществе Великого Князя считали единственным кандидатом на пост возглавителя всей Русской Армии.

Но на основании законов Российской Империи, Верховным Вождем всех вооруженных сил России являлся Государь Император. Назначение во время войны особого Верховного Главнокомандующего предусматривалось

Положением о полевом управлении войск в военное время лишь в том случае, если Государь не выразит желания предводительствовать войсками лично. Государь Император, повидимому, не желал заранее связывать себя каким-либо решением. Поэтому вопрос о высшем управлении войсками в случае войны оставался в мирное время не решенным. Не было определенного указания на то, что Государь лично станет во главе армии, но не было сделано никаких распоряжений и на другой случай. Эта неопределенность на случай, если Государь Император мог счесть невозможным для себя лично возглавить армию, ставила его заместителя в очень трудное положение. Очень важно, чтобы исполнителем плана был его составитель; в данном случае ответственный руководитель военными действиями был лишен возможности не только оказать влияние, но даже заблаговременно ознакомиться с подготовкой к войне; ближайшие же его сотрудники не были с ним спаяны совместной работой в мирное время. В Ставке считали, что её личный состав был навязан Великому Князю.

Перед самым объявлением войны Государь Император совещался с Советом Министров относительно возглавления Армии; на этом совещании было решено, что по причинам общегосударственным возглавление Армии Государем не является желательным, а поэтому на пост Верховного Главнокомандующего Государь назначил 2 августа 1914 года Великого Князя Николая Николаевича. В Высочайшем Указе о назначении Великого Князя говорилось, что это назначение является временным и это свое положение Великий Князь всегда учитывал.

С момента назначения Великого Князя Верховным Главнокомандующим его популярность в армии, в обществе и в простом народе значительно возросла. О нем даже рассказывались легенды: то Великий Князь лично обходил окопы передовых позиций, то он сам в своем поезде подвозил на фронт недостающие снаряды, то он лично наводил порядок, лично награждал отличившихся и сам карал виновных.

Наблюдая Великого Князя лично, могу сказать, что ему были присущи спокойствие и уверенность в себе и в мощи Русской Армии даже в периоды наших военных неудач.

В составлении нашего мобилизационного плана Великий Князь не принимал участия и начало боевых действий наших вооруженных сил разворачивалось помимо его решений. Таким образом, постигшие нашу армию в начале войны неудачи, произошли не по вине Великого Князя.

Со свойственной Великому Князю кругозором и смелостью, он произвел необходимую перегруппировку войск на театре военных действий, а также смену в командном составе, что привело к победному завершению Галицийской битвы, результатом которой был разгром Австро-Венгерской армии, которая после этого, уже без помощи Германских частей, не могла вести самостоятельных операций. Наши войска заняли всю Галицию и часть Буковины. Успешная операция на Висле и в районе Лодзи принудила Германское командование перебросить в срочном порядке с французского театра военных действий много своих частей на русский фронт. Эта вынужденная переброска сорвала военный план графа фон Шлиффена и дала возможность французам одержать победу на Марне, спасти свою столицу Париж. После этого наши союзники имели возможность получить продолжительную передышку и перегруппировать свои войска.

Работоспособность Великого Князя была очень большая. После утреннего чая он отправлялся в Оперативное Отделение, где Начальник Штаба и Генерал-Квартирмейстер делали доклад о всем происшедшем на фронте за сутки. Днем Великий Князь принимал доклады, оперативного характера, Начальника Штаба, а также приезжавших в Ставку с фронта или из других мест лиц. Перед обедом Великий Князь совершал прогулку верхом или в автомобиле. Вечером он работал до поздних часов. Выезжал Великий Князь из Ставки только на фронт, так

что ему никогда не приходилось даже на время оставлять работу и отдохнуть.

При Верховном состояли: его Августейший брат Великий Князь Петр Николаевич и светлейший князь генерал-адъютант Голицын; оба они не могли играть роли советников Верховного, т. к. давно отстали от военного дела. Великий Князь Петр Николаевич интересовался церковным зодчеством и по его проектам построено было несколько церквей, в их числе Мукденская и церковь в старом Валаамском монастыре, который по мирному договору после второй мировой войны отошел от Финляндии Советскому Союзу. Валаамская церковь построена в скиту Владимирской Божьей Матери в память всех воинов убитых в войне 1914-1918 гг.

Генералом для поручений состоял при Верховном генерал-майор Петрово-Соловово. Адъютантов было пять: полковник князь Щербатов, полковник князь Кантакузен, полковник Коцебу, полковник граф Мангден, ротмистр Дерфельден. Кроме того при Великом Князе находились: заведующий Двором Великого Князя гофмаршал генерал Крупенский, ротмистр барон Вольф, поручик князь Голицын, казначей Двора Великого Князя полковник Балинский, заведующий поездом, инженер путей сообщения Сардаров и доктор Малама.

Начальником Штаба Верховного был генерал Янушкевич, человек малоподготовленный для этой трудной и ответственной должности, т. к. до войны он был сначала помощником Начальника Канцелярии Военного Министерства и одновременно, будучи профессором, читал лекции по вопросам военной администрации в Академии Генерального Штаба. В 1913 году он был назначен начальником этой Академии, а в середине 1914 года получил назначение начальником Генерального Штаба и лично Государем был назначен Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего. Таким образом, большинство прежних должностей генерала Янушкевича, были административными, а не стратегическо-тактическими должностями.

Судя по разговорам со штабными офицерами, сам генерал Янушкевич, как человек ученый и порядочный, признавал свою недостаточную подготовленность и свое несоответствие занимаемому посту вдохновителя боевых операций действующих армий. Вследствие этого, в вопросах стратегии он часто занимал нейтральную позицию и этим умалял авторитет Ставки, а также, помимо своего желания, нередко предоставлял излишнюю самостоятельность главнокомандующим фронтами. Влияние Начальника Штаба на ряд правительственных дел было минимальным; это также замечалось и в сфере административно-хозяйственной работы Военного Министерства.

Начальником Управления Генерал-Квартирмейстера был генерал Данилов (черный) в отличие от другого своего однофамильца, бывшего Начальника Канцелярии Военного Министерства, а во время войны – начальника снабжения Западного фронта – рыжего. Генерал-Квартирмейстер генерал Данилов в противоположность своему начальнику отличался замкнутым и малообщительным характером, но в работе он был трудолюбив, усидчив и вдумчив. До войны он занимал такую же должность в Генеральном Штабе, поэтому имел хорошую подготовку, но ему иногда было трудно совмещать создание планов боевых операций с детальной их разработкой, особенно в тех случаях, когда он не получал нужных директив от Начальника Штаба. Таким образом, большинство работ оперативного характера лежало на генерале Данилове. В Управлении Генерал-Квартирмейстера состояло 13 офицеров Генерального Штаба и два военных топографа. К сожалению, из них сейчас припоминаются только Генерального Штаба полковники Скалон (застрелившийся в 1919 году в Бресте во время переговоров о заключении мира между Германией и большевиками), Муханов, Стахович, Щелоков, Трухачев, подполковник Андерс (во время второй мировой войны главнокомандующий Польской Зарубежной армией в Италии), Щелоков, Трухачев, а из военных топографов капитан Сергучев. Журнальной частью ведал капитан Навеев. Ближайшим,

но малоудачным помощником Генерал-Квартирмейстера был полковник Щелоков – малоспособный офицер, отличавшийся грубым надменным характером, придиравшийся по всяким мелочам к своим сослуживцам. Ему дали очень меткое прозвище – Ванька Каин. Полной противоположностью этому штаб-офицеру был полковник Скалон, всегда ровный и приветливый. В порученной ему работе он отличался большим знанием дела и спокойным трудолюбием. Вечером, приходя из Оперативного Отделения, полковник Скалон заходил в вагон-ресторан штабного поезда выпить чаю и по выражению его лица часто можно было узнать в каком положении наши дела на фронте. Сам он никогда не делился своими служебными сведениями, как впрочем, никогда этого не делали и другие офицеры Оперативного Отделения, строго соблюдая служебную тайну. О новостях все чины Ставки узнавали из „Сообщений Штаба Верховного Главнокомандующего“, которые выпускались ежедневно к концу дня. Эти „Сообщения“ рассылались во все газеты для оповещения населения.

Протопресвитер Военного и Морского Духовенства митрофорный протоиерей отец Георгий Шавельский обращал на себя внимание своей величественной и красивой наружностью: высокий, стройный, жгучий брюнет. Он обладал характером властным и строгим, что отражалось в его манере держаться независимо. Влияние этого человека на окружающих было большое, не исключая и самого Великого Князя Николая Николаевича.

Поразительна карьера о.Георгия Шавельского. Сын бедного дьячка захолустного села Витебской губернии, он первым оканчивает Духовное Училище, атановится сначала псаломщиком, а затем священником одного из сел этой губернии. Затем блестяще кончает Духовную Академию, назначается настоятелем Суворовской церкви при Академии Генерального Штаба. В 1904 году уезжает полковым священником на театр военных действий Русско-Японской войны, в конце которой занимает должность священника армии. За доблесть, проявленную на фронте,

награждается наперстным крестом на Георгиевской ленте и орденом св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом, а также саном протоиерея. Вернувшись в Петербург в ту же церковь, о.Георгий занимается педагогической деятельностью, читает в звании профессора лекции в историко-филологическом институте и в других учебных заведениях. В 1911 году назначается Протопресвитером Военного и Морского Духовенства с подчинением ему всего военного духовенства России. На этой высокой должности он занимается реорганизацией военного духовенства, подбирая на должности полковых и высших военных священников способных людей, к которым предъявляет высокие требования.

Сам отец Георгий всегда совершал богослужения благолепно и при своей домовой церкви в Петербурге имел отличный хор певчих.

Высокий пост Протопресвитера приравнялся к рангу архиепископа, а кроме того давал право личных докладов по делам службы непосредственно у Государя. При благословении Высочайших Особ и самого Государя отцом Георгием они взаимно целовали друг другу руку.

Отец Шавельский имел все ордена, включительно до св. Александра Невского и этот орден был пожалован ему лично Государем Императором.

В Ставке Протопресвитер имел свое Управление с секретарем, военным чиновником Махарабидзе, и с несколькими писарями. Из Ставки Протопресвитер часто выезжал на фронт для инспекции и совещаний с подведомственными ему чинами военного духовенства.

Начальником Военных Сообщений был Генерального Штаба генерал-майор Ронжин, способный и спокойный человек. Его деятельными и энергичными помощниками являлись Генерального Штаба полковник Раттель и инженер путей сообщения Э. Шуберский.

Начальником Морского Управления был контр-адмирал Ненюков, человек малообщительный; противоположностью ему был его помощник капитан 1-го ранга Бубнов.

Начальником Гражданского Управления был князь

Оболенский, которого не надолго сменил ст. советник Черняев, внук Балканского героя. Помощником начальника этого Управления был А. Лодыженский, еще молодой человек.

Начальником Дипломатической Канцелярии был князь Кудашев – серьезный и опытный чиновник Министерства Иностранных Дел.

Начальником Управления Дежурного Генерала был Генерального Штаба генерал-лейтенант Кондзеровский, много лет прослуживший на этой должности в Главном Штабе. Поэтому он знал буквально наизусть весь личный состав армии и таким образом являлся незаменимым на своей должности. Отличаясь поразительной честностью, добротой и исключительной работоспособностью, а также справедливой строгостью, он создал из подчиненных ему чинов, среди которых пользовался большой любовью и уважением, сработавшийся дружный аппарат. Управление Дежурного Генерала ведало назначениями, численностью и комплектованием вооруженных сил, а также обеспечением их главнейшими видами довольствия.

Ближайшим помощником Дежурного Генерала был полковник Балашев, много лет прослуживший с генералом Кондзеровским в Главном Штабе. В Управлении Дежурного Генерала состояли кроме него полковники Генерального Штаба – Гасперн, Моторный, Немченко и капитаны Северский и Семилетов.

В непосредственном подчинении Дежурному Генералу находился Комендант Главной Квартиры Штаба. На этой должности был генерал-майор Саханский – человек исключительной деликатности и мягкого характера, что иногда вредило не только ему, но и его подчиненным, особенно когда требовалось проявление независимости. У Коменданта кроме меня было еще два адъютанта и военный чиновник-делопроизводитель. На одном из адъютантов, капитане Звереве, помимо его прямых служебных обязанностей лежало заведывание Офицерским Собранием Штабного поезда, а на другом – капитане Жукове –

заведывание штабным кинематографом.

В непосредственном подчинении Коменданту Главной Квартиры находился Гвардейский полевой жандармский эскадрон, которым командовал полковник Скрипчинский. Младшими офицерами этой строевой части были ротмистры Шенк, Шевич, поручики Анненков и Харламов. Чины этого эскадрона несли охранную службу на пропускных пунктах, а также были ординарцами в каждом Главном Управлении Штаба. Эта воинская часть была в отличном состоянии, т. к. комплектовалась из сверхсрочных унтер-офицеров гвардейских кавалерийских полков.

Дежурному Генералу подчинялась штабная типография, начальником которой был полковник Денисов, человек большой честности и порядочности, на редкость любивший своих подчиненных, которые платили ему тем же.

Обслуживание военного телеграфа (аппараты Юза) и телефона в районе Ставки лежало на электротехническом Управлении, начальником которого был подполковник Золотницкий. При нем состояла команда специалистов.

Гараж штабных автомобилей был в ведении капитана автомобильных войск Вредена, который был большим знатоком своего дела. Находящаяся под его начальством команда шоферов была на должной служебной высоте.

Полуэскадрон Академии Генерального Штаба в мирное время обслуживал своим конским составом офицеров-слушателей курсов вышеназванной Академии, как для обучения их верховой езде, так и во время их практических поездок на тактических занятиях. По мобилизационному плану, этот полуэскадрон был включен в состав Штаба Верховного Главнокомандующего для предоставления лошадей офицерам Штаба при исполнении их служебных обязанностей. Командиром этой части был ротмистр Менжинский – человек очень обязательный и хорошо знающий свое дело.

Штабной лазарет был в непосредственном ведении доктора Козловского.

Штабная церковь также находилась в ведении Дежурного Генерала. Настоятелем её был протоиерей Рыбаков, академик и очень достойный пастырь. При штабной церкви находился чудотворный образ – благословение Сергиевской Лавры всего воюющего воинства в лице Верховного Главнокомандующего. Этот образ был написан на доске от гробницы св. Сергия Радонежского. Образ сопровождал иеромонах Сергиевской Лавры Максимилиан, человек простой и очень наивный. С ним частенко в Офицерском Собрании происходили забавные происшествия. При штабной церкви состоял небольшой хор певчих из Придворной капеллы. Церковные службы всегда были боголепными и торжественными.

При Ставке было несколько офицеров Фельдегерского корпуса, которые ежедневно командировались с важными пакетами в Петербург или к командующим фронтами.

В Ставке всегда находились представители иностранных, нам союзных государств: от Франции – генерал маркиз де Лагиш; от Великобритании – генерал Вильямс; от Бельгии – генерал барон де Риккель; от Японии – генерал Оба, позднее генерал Навадзимо; от Сербии – полковник Лонткевич; от Черногории – генерал Мартинович; от Италии – полковник Ропола, майор Марсенго.

Все они разделяли наш скромный образ жизни и размещались в Великокняжеском поезде, имея по отдельному купе в отведенном для них вагоне.

Район Ставки, как я уже упомянул, занимал „железнодорожный городок“, нежилая часть которого была покрыта сосновым лесом. Этот городок находился южнее местечка Барановичи, насчитывавшего 30 тысяч жителей, большинство которых составляли евреи. Само местечко лежало между двух железнодорожных веток, было совершенно захолустно. Единственным развлечением жителей был кинематограф, в который изредка заходили офицеры Штаба. Ни ресторанов, ни кафэ в местечке не было.

Район Ставки охранялся разъездами полка, который был сюда стянут для пополнения и отдыха после боев на фронте. При мне нес охрану Ставки Л. Гв. Казачий полк,

а до него был Л. Гв. Гусарский Его Величества полк. Кроме конных разъездов охрану несли полицейские стражники. Для охраны Ставки против налетов аэропланов летом 1915 года был сформирован взвод из двух обыкновенных полевых орудий, поставленных на специальные деревянные установки, весьма примитивного устройства. Взводом командовал капитан Хвостецкий при капитане Сафриновиче; оба – офицеры постоянного состава Офицерской Артиллерийской школы. За все время войны этому взводу не пришлось сделать ни одного выстрела.

Дальняя противоаэропланная охрана состояла из кольцевого ряда постов, удаленных примерно на 30-50 верст от Барановичей. На этих постах несли наблюдательную службу ополченцы. Посты были соединены телефоном с Управлением Коменданта. Они находились в г. Слониме, местечках Дитлове, Новогрудке, Негорелом и Несвиже.

Иногда, когда из Ставки уезжал на фронт Верховный, Комендант использовал это время, чтобы лично проверить несение службы на наблюдательных постах. В поездках я обычно сопровождал Коменданта. По пути приходилось проезжать по историческим местам войны 1812 года. Посещали мы имение графов Виленских, в котором поражала поляна перед дворцом, сплошь засаженная розами. Проезжали местечко Мир и расположенное недалеко от него, принадлежавшее княгине Радзивилл, имение Замирье. Это был старинный замок, окруженный водяным рвом. В некоторых местах нам показывали, а иногда и предлагали купить, различные вещи, относящиеся к периоду Отечественной войны. Однажды, при проверке наблюдательного поста в Слониме мы несколько отклонились от маршрута и заехали в Жировицкий монастырь, некогда бывший католическим. В нем проживал в заточении бывший Саратовский епископ Гермоген, но мы его не видели; по слухам он жил в большом притеснении местным архимандритом. В этом монастыре поразила своим видом одна церковь времен католического владения: сама церковь стояла очень

высоко над землей и к ней вели бесчисленные каменные ступени, по которым „во дни оны“ глубоковерующие монахи-католики на коленях поднимались в церковь за причастием. Инспекционные поездки по служебным надобностям предоставляли возможность для отдыха от напряженной службы в Управлении.

Служба чинов Штаба ничем не нарушалась ни в будние дни, ни в праздничные. Все начинали свои занятия рано и жили интересами фронта. Обыкновенно, в 8 часов утра в вагоне-ресторане пили чай с булками и в 9 часов были на своих местах в Управлениях. В 12 часов до 12-ти с половиной или от 1 часа до часа с половиной – завтрак в две очереди, т. к. одновременно вагон-ресторан не мог вместить всех чинов Штаба. Завтрак состоял из двух простых блюд. После завтрака опять занятия. От 5-ти часов до 6-ти и от 6-ти до 7-ми часов обед – опять в две очереди. Вино можно было получить только белое и красное, никаких крепких вин не было. После обеда опять занятия, если у кого были неотложные дела. В Оперативном Отделении и в Комендантском Управлении офицерские дежурства были круглые сутки. С 9-ти часов до 10-ти часов – вечерний чай и в 11 часов вагон-ресторан закрывался.

Обслуживание вагона-ресторана осуществлялось работами ресторатора Байрашева, который имел в своей аренде все вагоны-рестораны Николаевской железной дороги. Он от себя откомандировал метр-д-отеля, лакеев и поварскую бригаду – все это были опытные в своем деле татары.

Говоря о штабной столовой, следует рассказать, что там была железная кружка под замком, в которую очень аккуратно собирали штрафные деньги за опоздание к завтраку и обеду, за оговорку нового имени столицы (Петербург, вместо Петроград) и по другим случаям. В этой кружке собирались изрядные суммы, которые время от времени жертвовались на какие-либо благотворительные цели. Кружкой этой заведывал полковник Муханов, который вывешивал возле нее свои отчеты.

Обиход жизни Великокняжеского поезда мало чем отличался от Штабного. Там тоже рано вставали и принимались за работу. Сам Верховный сразу после утреннего чая был в Управлении Генерал-Квартирмейстера в его большом кабинете и выслушивал доклад о действиях фронта по полученным телеграфным донесениям.

В 12 с половиной завтракали в одну очередь, Все сидели за маленькими столиками на четыре персоны. За крайним левым к входу в вагон, сидел сам Великий Князь, напротив него Начальник Штаба и Протопресвитер. На четвертом, свободном, месте садился кто-либо из приезжих больших чинов с фронта или из других мест. За правым от входа столом – Великий Князь Петр Николаевич с военными агентами Франции, Англии и Бельгии. Все прочие чины окружения Верховного садились за другими столиками по старшинству чинов. Каждый день к завтраку и обеду приглашался дежурный офицер Оперативного Отделения и один или два офицера Штаба по особой очереди. Меню Великокняжеского стола мало отличалось от такового штабной столовой.

Вновь приглашенный к Великокняжескому завтраку или обеду, представлялся Верховному и занимал свое место. Верховный был очень любезен со своими гостями. Во время моего первого завтрака, когда я представлялся Великому Князю, он меня подробно спрашивал о боевой работе моего полка, а после жаркого лакей поднес мне на тарелке портсигар Великого Князя с предложением взять присланную папиросу, чему я был немало удивлен, еще не изжив мои представления о Великом Князе от мирного времени.

В субботу и в канун больших праздников, а также в воскресенье и в праздничные дни, свободные от срочной работы чины Штаба посещали церковь. Церковь находилась в районе городка в барачном помещении и так как состав Ставки был небольшой, то все чины могли поместиться в ней. Почти всегда на богослужение приезжал в автомобиле Верховный – один или со своим братом – а когда в Ставке находился Государь, то и Он, а также

некоторые чины свиты Государя и Верховного.

Единственным развлечением чинов Штаба был кинематограф, которым ведал, как я уже упомянул выше, адъютант Коменданта капитан Жуков. Фильмы получались от Скобелевского комитета, содержание их было: эпизоды текущей войны на нашем и на союзническом фронтах, поездки Государя Императора и Великого Князя в район военных действий, а также другие фильмы невоенного содержания.

Приезды Государя Императора в Ставку не нарушали рабочего распорядка Штаба. Единственным изменением было то, что утром на доклад об операциях на фронте в Управление Генерал-Квартирмейстера направлялся Государь в сопровождении Верховного. Государь очень внимательно выслушивал доклады и следил по карте за всеми изменениями на фронте.

К Высочайшему завтраку и обеду, которые отличались простотой, всегда приглашались оба Великих Князя, Начальник Штаба и начальники Управлений Штаба по очереди, Протопресвитер и кто-нибудь из высших чинов армии, приехавший по делам службы в Ставку.

Обыкновенно после завтрака Государь Император совершал прогулку, на которую он приглашал несколько человек из своей свиты. Государь и зимой выходил на прогулку без шинели, в одной гимнастерке, которую он обычно носил в продолжении всей войны. Государь любил гулять по лесу, минуя дороги, зимою прямо по снегу. Иногда Государь отдыхал, присаживаясь на пенёк или корни.

Охрана, которая сопровождала Государя должна была так держаться, чтобы Государь её не замечал, т. к. он не любил охранения. Мне, по обязанностям службы, приходилось сопровождать его на таких прогулках и иногда было очень трудно идти в лесу так, чтобы не быть замеченным Государем и одновременно быть в непосредственной от него близости.

Кроме прогулок пешком, Государь совершал прогулки в автомобиле в ближайшие окрестности. В этих прогул-

ках Государя сопровождали лица ближайшей Его свиты, обыкновенно в двух машинах, следующих за царской в непосредственной близости. Царским автомобилем управлял его постоянный шофер – француз Кегрес, во время войны носивший русскую военную форму с погонами прапорщика, соответственно его званию во французской армии.

Государь Император приезжал в Ставку в своем собственном поезде, в сопровождении другого, литерного поезда – „свитского“, по наружному виду ничем не отличавшегося от Царского. Царский и „свитский“ поезда останавливались около Великокняжеского на особой параллельной ветке, которая была специально для этого построена. В особом салон-вагоне Царского поезда помещался сам Государь Император, в других же вагонах – Министр Императорского Двора генерал-адъютант Фредерикс, генерал-адъютант Бенкендорф, Дворцовый Комендант свиты Его Величества генерал-майор Воейков, чины ближайшей свиты и четыре лейб-казака Конвоя Его Величества. В „свитском“ поезде – все прочие, сопровождавшие Государя лица. Оба поезда при движении находились на небольшом расстоянии один от другого.

Пребывания Государя в Ставке не бывали продолжительными, т. к. присутствие Государя в столице требовалось необходимостью управления Империей. В случае безотлагательных докладов министров, последние приезжали для этого в Ставку.

Если во время пребывания Государя Императора в Ставке выпадали воскресные или праздничные дни, то в эти дни, а также накануне их, Государь посещал церковные службы. Он приезжал в церковь в своем автомобиле, за которым следовал в автомобиле Верховный со своим братом, а также чины свиты. В таких случаях у переднего входа в церковь выстраивались четыре лейб-казака и один находился внутри церкви, чтобы помочь снять и надеть шинели высочайшим особам. У другого входа в церковь, для контроля входящих в нее, находились не только Комендант Главной Квартиры со своими

адъютантами, но и чины дворцовой охраны – полковник Спиридович и его помощник полковник Герарди.

Никогда никаких осложнений не случалось, т. к. все чины штаба всегда строго соблюдали установленный порядок и приказания начальства.

Летом, с наступлением жаркой погоды, стало трудно жить в вагонах, крыши и стены которых сильно накалялись солнцем. Чтобы уменьшить эту неприятность, Великокняжеский поезд был покрыт досчатым навесом и около этого поезда был поставлен шатер, в который была перенесена из вагона-ресторана великокняжеская столовая.

Из штабного поезда многие офицеры переселились в свободные бараки. Комендантское Управление было перенесено в ближайший к въездному пропускному пункту барак. В одну из комнат этого помещения переселился и я. Вследствие перевода моего сослуживца по Управлению, капитана Зверева, в Петроград, мне было приказано, помимо моих служебных обязанностей, заведывание штабной столовой-собранием. Теперь столовая была перенесена в барак, при котором была хорошая кухня и этот барак находился вблизи Комендантского Управления, что облегчало совмещение моих должностей.

В мае 1915 года войска Юго-Западного фронта, вследствие сильного нажима неприятеля, начали отступление и наша армия постепенно уходила из Галиции. Вследствие этого начальник штаба этого фронта генерал В. М. Драгомиров был заменен генералом Савичем – командиром Сибирского корпуса. В это время стал особенно ощущаться недостаток снаряжения и вооружения на фронте и в этом Ставка винила военного министра генерал-адъютанта Сухомлинова, в связи с чем усилилась неприязнь Великого Князя Николая Николаевича к последнему. До этого была заметна только сухость в обращении между ними, теперь же эта сухость перешла во вражду. Общественное мнение тоже считало военного министра, которому ставилась в вину неподготовленность к войне, повинным в возникших трудностях.

10 июня 1915 года генерал-адъютант Сухомлинов был уволен с поста военного министра и заменен генералом Поливановым. Участь военного министра постигла и министров Щегловитова (юстиции) и Маклакова (внутренних дел). 14 июня в Ставке состоялось заседание Совета Министров под председательством Государя Императора. На этом заседании присутствовали: Председатель Совета Министров Горемыкин, вновь назначенный министр внутренних дел князь Щербатов, генерал Поливанов, министр земледелия Кривошеин, министр торговли и промышленности князь Шаховской, а также Верховный Главнокомандующий и Начальник Штаба генерал Янушкевич. На этом заседании Совета Министров обсуждалось создавшееся положение, вследствие неудач на фронте.

В начале июля состоялось назначение на пост министра юстиции члена Государственной Думы Хвостова, а затем назначение на пост Обер-прокурора св. Синода Самарина.

На фронте же отступление наших армий продолжалось. Была отдана Варшава, без боя сдана крепость Ковно. Все это очень болезненно переживалось всеми чинами Штаба и Верховным, все были очень подавлены.

Новому положению фронта местонахождение Ставки в Барановичах не отвечало и Коменданту Главной Квартиры было приказано выехать вместе с несколькими офицерами Оперативного Отделения для нахождения нового места Ставки. Были даны указания относительно Витебска, Могилева и Смоленска. Комиссия квартирьеров оставила свой выбор на Могилеве, куда и переехала Ставка.

10 августа 1915 года с очень тяжелым чувством, погрузив дела Управлений в вагоны штабного поезда, мы покинули Барановичи и на следующий день прибыли в Могилев. Этот город, расположенный на железнодорожной линии Петроград – Киев, находился в полутора часах езды от станции Орша – центра пересечения нескольких железных дорог.

Могилев

Прибывший в Могилев Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич был встречен губернатором Пильцем. Верховный, в сопровождении состоящих при нем Великих Князей Петра Николаевича и Димитрия Павловича, а также чинов свиты, проследовал из своего поезда в городской собор, где высшим губернским духовенством был отслужен торжественный молебен о даровании победы Русскому Воинству. На этом молебне присутствовали чины Штаба, которые не были заняты срочными делами. Из собора все направились к исполнению своих обязанностей.

Двухэтажный дом губернатора, скромный по своей постройке и отделке, окруженный небольшим садом, заняли Великие Князья Николай и Петр Николаевичи с ближайшими чинами свиты, разместившись в нижнем этаже, предоставив верхний для пребывания Государя Императора в случае его посещения Ставки.

В Губернском Правлении, которое непосредственно примыкало к дому губернатора, разместился Начальник Штаба со своими адъютантами, Генерал-Квартирмейстер со своим Управлением, полевой телеграф и некоторые офицеры Оперативного Отделения. Эти две постройки, находящиеся на Губернаторской площади, были окружены невысокой железной оградой, в воротах которой был установлен пропускной пункт с дежурящими на нем чинами охраны.

В здании Губернского Суда, на той же Губернаторской площади, были помещены Управления: Дежурного Генерала, Морское, Военных Сообщений, Дипломатическая и Гражданская Канцелярии. Здесь разместились также остальные чины свиты Верховного. Чины Штаба жили в реквизированных гостиницах, которые, почти все, находились в руках еврейских владельцев. Под Офицерское Собрание был отведен ближайший к Управлениям Штаба

ресторан „Бристоль“, в котором были произведены соответствующие перестройки.

В отеле „Бристоль“ были поселены все иностранные агенты со своими помощниками, в качестве переводчика к ним был назначен ротмистр Андерс – брат офицера Генерального Штаба, служившего в Управлении Генерала-Квартирмейстера. Управление Коменданта было размещено в помещении городской пожарной команды под традиционной пожарной каланчей.

Уже с первых дней жизни на новом месте с его Днепровским проспектом, Большой и Малой Садовой и другими улицами, а также городским садом, в котором летом открывался ресторан и с городским театром, чувствовалось, что уклад жизни чинов Штаба будет отличаться от установившегося в Барановичах.

В ходе устройства и размещения Управлений Штаба в новых помещениях, кратковременное появление вечером 20-го августа у Верховного Главнокомандующего, приехавшего из Петрограда военного министра Поливанова, не привлекло к себе внимания. Но постепенно, вначале доверительно, а затем уже более открыто, стали распространяться слухи, что приезд генерала Поливанова имеет значение громадной важности не только для Штаба Верховного и для Действующей Армии, но и для всей страны. Генерал Поливанов появился у Великого Князя Николая Николаевича с Высочайшим рескриптом и с собственноручным письмом Государя Императора. Предстояла отставка Великого Князя и его почетная ссылка на Кавказ на пост Наместника. Намечалось также устранение с занимаемых должностей генерала Янушкевича и Генерал-Квартирмейстера Ставки генерала Данилова, заменяемых генералом Алексеевым и генералом Пустовойтенко.

Эти слухи поразили всех чинов Штаба, потому что популярность Великого Князя во главе Действующей Армии, даже в период военных неудач, была очень высокой. Он лично был вне упреков, в него верили. Все старания Великого Князя улучшить положение на фронте парализовались, главным образом, нашей общей неподготов-

ленностью к войне и разными непорядками государственного управления, и отчасти малой способностью ближайших помощников.

Сам Верховный принял свою опалу наружно спокойно, но, конечно, для него это был сильный удар. В нем сказался верноподданный с громадным величием духа.

Великий Князь Димитрий Павлович, находившийся при Верховном, по собственному почину, через вдовствующую Императрицу добился командировки к Государю, чтобы попытаться склонить его к отмене решения об увольнении Великого Князя Николая Николаевича с поста Верховного. Эта попытка Димитрия Павловича вселила Верховному и всем чинам Штаба некоторую надежду на изменение Царской воли.

23 августа в Ставку приехал генерал Алексеев, уже Высочайше назначенный на пост Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, и немедленно вступил в исполнение своих обязанностей. Одновременно с генералом Алексеевым приехали: новый Генерал-Квартирмейстер генерал Пустовойтенко, находящийся в распоряжении генерала Алексеева генерал Борисов, адъютант нового Начальника Штаба, поручик граф Капнист и ординарец поручик Крупин.

Генерал Данилов вскоре уехал из Могилева, получив назначение на должность командира 25-го корпуса. Генерал Янушкевич еще оставался в ожидании назначения на должность помощника Наместника на Кавказе по военной части.

Отношения Великого Князя Николая Николаевича с генералом Алексеевым всегда были более чем хорошими. Великий Князь уважал, ценил и признавал военные дарования генерала Алексеева, и раньше неоднократно советовался с ним относительно предстоящих военных операций и это доверие было закреплено взаимным „Ты“.

Из приходящих столичных газет не удавалось узнать ничего утешительного о волнующем нас событии, напротив, некоторые указывали на предстоящее важное решение Государя и все догадывались какое.

24 августа Государь Император со своей свитой прибыл в Могилев. На вокзале он был встречен Великими Князьями Николаем и Петром Николаевичами, Начальником Штаба генералом Алексеевым, чинами Штаба и могилевским губернатором Пильцем. С вокзала Государь Император со всеми встречавшими его лицами проследовал в Иосифский Кафедральный собор, где он был встречен городским духовенством во главе с архиепископом Константином и викарием епископом Варлаамом. Был отслужен торжественный молебен о даровании победы Российскому Воинству.

(Продолжение в «Вече» № 20)

Альманах «ВЕЧЕ»
можно купить в Сан Франциско в
книжном магазине „Глобус“

GLOBAL - SLAVIC BOOKSTORE
332 Balboa Street
San Francisco, Ca. 94118, USA

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

еженедельная национальная газета
основанная в 1948 году И. Л. Солоневичем

Издатель М. В. Киреев. Редактирует редакционная коллегия.

Неподкупная, свободная от партийных или групповых влияний, потому что не зависит ни от каких и ничьих субсидий.

Незыблемо стоящая на трех исконных русских китах „За Веру, Царя и Отечество“.

Непосредственно связанная с молодыми единомышленниками отсюда, верящими в возрождение Самодержавия, как единственное спасение от любого партийного рабства.

Документально разоблачающая подвохи, происки и ложь врагов России и православной Церкви; врагов их прошлого, настоящего и будущего.

Дающая оценку мировым событиям, прошедшим и нынешним, в свете российских народных интересов.

Объединяющая на своих страницах талантливых публицистов, выдающихся знатоков литературы, экономики, истории, политики и военной науки.

У газеты нет других хозяев, кроме самих читателей.

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой 0,80 ам. долл.

Почтовые переводы и чеки посылать:

Miguel Kireeff
Monroe 3579-11
1430 Buenos Aires, Argentina

Т. Сергеев

ОГРАБЛЕНИЕ

В Нью-Йорке от руки грабителя-бандита погиб Александр Алон – поэт, гитарист, кандидат в „барды“.

Одна русскоязычная газета поместила траурное объявление о „трагической гибели... русского поэта из Израиля, Александра Алона“.

В той же газете, в другом траурном объявлении, было написано: „Русская литература понесла невосполнимую утрату...“ Среди подписавшихся – Белла Езерская, русскоязычная писательница.

Итак, погиб **русский** поэт и **русская** литература понесла невосполнимую утрату. Так ли это?

Перелистаем ту же самую русскоязычную газету и в номере, вышедшем месяца за два до упомянутого печального события, находим письмо в редакцию самого погибшего Александра Алона по поводу статьи, написанной о нем той же Беллой Езерской. Письмо звучит несколько странно для „русского“ поэта. Особенно следующий абзац:

„Ностальгия меня не настигала, и чувство это мне незнакомо. Не надо смешивать тягу к русской культуре, проистекающую из нашей принадлежности к этой культуре, с тоской по России – стране“.

Вот тебе и русский поэт, который отказывается от России. Видно, Россия потеряла этого поэта значительно

раньше, чем он был убит. По всей вероятности, в его лице никогда и не имела.

Некоторую ясность может внести статья Беллы Езерской. Оказывается, „в Москве, где родился и вырос, Александр вдруг почувствовал себя, как в вражеском стане“. Что же, в Советском Союзе можно себя так почувствовать. Не только еврею, но и национально настроенному русскому. Но почему-то Белла Езерская нас убеждает, что Алон невзлюбил именно Советский Союз. Сам же Алон твердит о ненависти к России. И русским поэтом себя не считает – хотя и написал строки, цитируемые Езерской:

„Я с подушек в сени рвусь,
Я срываю дверцу,
А кругом такая Русь –
Прямо дрожь по сердцу“.

Впрямь, хорошие стихи. Сделали бы честь любому истинно-русскому поэту. Но Алон упрямо твердит, что ностальгия его не мучает, и пытается сделать невозможное – оторвать русскую культуру от России, от русского народа.

В чем же дело? Может быть в том, что Алон жестоко разочаровался в Израиле, куда так рвался из Москвы. В статье Езерской сказано: „Он пишет язвительные сатирические песни об израильских выборах, о мещанстве, о религиозном ханжестве и о многих других малоприятных вещах. . .“ Что же, ему и карты в руки, ему очаровываться, ему же и разочаровываться, не нам скорбить о его разочарованиях. И ему гитара в руки, чтоб изливать в песнях эти разочарования.

Но будем несколько снисходительны. Куда деться бедному израильскому молодому человеку? От России он отказался, к Израилю не пристал. Разве попытаться найти покой где-либо на Западе, скажем, в Америке?

Увы, и тут разочарование: „... действительность с её коррупцией, бюрократией и другими бедами, свойственными цивилизованному обществу, не очень радуют его“, – говорит Езерская. Но как это свойственно всему западному миру! Только не цивилизованному, а дециви-

лизирующемуся, обескультирующемуся, бездуховному, – миру, столь отличному от русской культуры, от русского духа.

Приходится искать убежище в русской культуре. Положение Алон было трагическим. Легко отречься от России, особенно тогда, когда она исковеркана советской властью. Легко отречься от русского народа, если ты загорелся призрачной мечтой о величии своего народа и своего национального государства. Но отречься от русской культуры – ох, как не хочется! Примкнуть к, скажем, немецкой или французской культуре – и трудно, да и какая разница – все равно культура не еврейская. Примкнуть к американской культуре – да где она, подлинная, не привозная, не купленная на доллары? Что же касается американского культурного ширпотреба, то он не только не может удовлетворить человека, вспоенного русской культурой, но и вызывает у него отвращение.

Но зачем же метаться, искать пристанища в чужой культуре? Ведь Алон же – еврей...

Когда Алон – да и многие евреи, выехавшие из России – очнулись от своего сионистско-шовинистического еврейского угара, от своего поклонения перед „Великим Израилем“, они увидели, что еврейской культуры-то и нет. Есть какое-то религиозное средневековье, местечково мелочное и самовлюбленное, весьма формальное и достаточно бездуховное, основанное на строгом соблюдении обрядов, наследие, к которому Алон – воспитанник советского, именно советского, а не русского, атеистического общества, равнодушен. А вне религиозного наследия еврейство не имеет ничего. Принятый за свой, испорченный чужой язык, несколько книг на этом языке, остальное все на чужих языках, немного театра, музыки. Кстати, в большинстве о ненавистной, проклиняемой и оплевываемой многими евреями России.

Может быть задан вопрос: а Эйнштейн, Фейхтвангер, Левитан, Рубинштейн – разве они не евреи? Да, евреи, но не деятели еврейской культуры. Они творили, питаясь соками нееврейской культуры, и плоды их творчества не

еврейские. Они и не стремились творить для евреев.

Алон оказался перед перспективой стать духовной пустышкой. Выход он нашел в том, что отрицая Россию и какие-либо связи с русским народом, он объявил себя „евреем русской культуры“. Примерно так, как Крылов писал о вороне, украсившейся павлиньими перьями. Он захотел остаться духовно евреем, но быть носителем русской, точнее – псевдорусской, „русскоязычной“, как принято теперь говорить, культуры.

Казалось бы. чего нам печься о бедном еврейском недоросле, запутавшемся между тем, что бы он хотел видеть, и тем, что он нашел в своем Израиле. Пусть его. Русская культура не пострадает, если к ней прилепится недостойный самозванец. Но все это не так просто и не так безобидно. . .

Перелистывая опять-таки ту же русскоязычную газету, мы находим знаменательную статью. Пишет русскоязычный корреспондент газеты в Израиле, недавний выходец из Советского Союза. Статья называется „Литература, которой еще не было“.

Интригующее название! Вникнем, что же говорится в статье.

Оказывается, это интервью, взятое автором у „эссеистики“ Майи Каганской по поводу премии, полученной ею от фонда имени Р. Н. Эттингена „для русскоязычных писателей“. Что за фонд и за что он дает премии, я не знаю, но то, что помимо Каганской премию получил журнал „22“ проливает свет на деятельность этого фонда.

Что же поведала „русскоязычная эссеистка“?

„Себя я считаю русско-израильским, а не русским литератором. . . Русский литератор-эмигрант – это человек, который не просто пишет по-русски. Все чувства и мысли его, независимо от темы, сосредоточены на России. . . у эмигрантов всегда остается надежда, что политическая ситуация меняется, а родина остается. Поэтому психология эмигранта есть психология не расставания, а разлуки“.

До сих пор все хорошо, даже отлично. Но –

„Однако, работая на русском языке, я не могу выполнить обязательств, возлагаемых званием „русский писатель“. Кроме языка и самого общего... интереса к судьбе России... центр жизни для меня – Израиль. Не просто место, где я живу, а страна, за судьбу которой я отвечаю. И язык здесь оказывается менее определяющим, более второстепенным, чем избрание определенной судьбы“.

Что же, довольно честно. Если очистить от словесной шелухи, то можно просто сформулировать: „Я не русская, меня интересует Израиль. А язык – второстепенная вещь“. Но почему же тогда Майя Каганская пишет по-русски, а не на иврите или идише?

Ответ дает сама она:

„...русский язык – моя судьба, и другого языка у меня не будет. Дело в том, что язык есть личность. Мой личностный опыт не то что связан – он сформирован русским языком, протекает в его пространстве, и изменить язык – значит изменить личность. А это невозможно...“

И тут же, в ответе на вопрос о принадлежности к языку: – „Она не есть для еврея судьбоносная принадлежность.“

Обратите внимание – тот же мотив, что и у Алона: стремление оторвать русскую культуру, русский язык от России, от русского народа.

Алон честнее Каганской – он говорит прямо, что он человек русской культуры (в чем, кстати, ошибался), писал и пел он по-русски, но об Израиле. О бедах и проблемах Алона мы уже говорили. Понятна нам и беда Каганской – нелегко человеку, у которого язык народа – не его родной язык. Беда, когда начинается раздвоение, когда человек – одно, а хочется быть другим. А это другое – явно хуже, явно не удовлетворяет.

Но Каганская все же лжет. Лжет тогда, когда говорит, что она полностью порвала с Россией, что Израиль для нее и альфа, и омега.

Пусть извинят меня читатели за некоторую дотошность – но разобраться во всех этих извилинах мысли, намерений, настроений и целей этих псевдорусских, русско-

еврейских и русскоязычных литераторов не так просто.

Майя Каганская не пишет об Израиле, ни об израильской литературе – казалось бы, это её должно прежде всего интересовать. Нет, она пишет о Чехове, о Мандельштаме, о Булгакове, об Ильфе и Петрове. Можно понять, что ей легче, свободнее писать по-русски. Но пиши о Тевье-молочнике, о Жаботинском, хоть по-русски, хоть по-французски. А лучше всего на иврите, раз ты декларируешь себя еврейкой, для которой Израиль страна, „за судьбу которой отвечаешь“. Так почему же Майя Каганская так плохо служит своему народу, своей стране, почему она обращает свой взор назад, в отверженную ею Россию?

Ответ находим в том же интервью:

„Русская пресса в Израиле существует 10-11 лет, и не проявляет тенденции к убыванию, появляются новые имена... Возникают новые литературные опыты людей, приехавших в Израиль в 18, 16 и даже в 10 лет, прекрасно знающих иврит, для которых словесность на русском языке все равно оказывается **очень притягательной**... Причин много. Одна из них, безусловно, связана с **престижем русской культуры**, как таковой...“

Самое существенное в высказывании Майи Каганской выделено мною. В этом вся суть дела: все эти „русско-еврейские“ и „русскоязычные“ писатели гнушаются своего языка, для них он пригоден для покупки мыла и спичек (я не хочу оскорбить тех евреев – подлинных израильтян, для которых иврит – язык их предков, самый лучший и непревзойденный), писать они хотят по-русски, они хотят быть деятелями русской культуры, великой и **престижной**. Но одновременно они хотят оставаться евреями, и всеми силами стараются оторвать русскую культуру от России, от русского народа, сделать эту культуру своим, еврейским достоянием, без каких-либо обязательств по отношению к истинному творцу этой культуры – русскому народу.

Более того – они стремятся объявить себя единственными подлинными носителями этой культуры, вся-

чески превознося свой вклад в русскую культуру – забывая о том, что в большинстве случаев это был вклад в псевдорусскую, советскую, такую же русскоязычную, но **не русскую**, как и нынешняя русско-еврейская. Всячески поносятся русский народ, отрицается его способность к культурному творчеству, утверждается мысль, что вся русская культура создана не русскими или же вся подражательная, заимствованная от других народов. Так и получают дикие заявления, что „от Пушкина до Бродского в России не было ни одного великого поэта“ и т. п. (Пушкина русско-еврейские деятели культуры признают, он де – не русский, он „арапченок“).

Хочется ужасно украсить себя „престижной“ культурой. Опять вспомним Крылова – хочется вороне украсить себя „павлиньим перьем“. Хочется **обворовать** русский народ, лишить его культуры, отнять у него то, что по-праву принадлежит и может принадлежать только русскому народу.

Хочу огорчить всех русско-еврейских, русскоязычных и прочих деятелей „русской“ культуры – ничего не выйдет из их затеи. Русская культура может принадлежать только русскому народу – это не бумажник с деньгами, который можно переложить из чужого кармана в свой. Любая культура может принадлежать только тому народу, который её создал, чьими соками она питается, на духовной силе которого она развивается. Нет живой культуры, оторванной от народа, нет писателя, поэта, художника, подлинно творящего, который был бы в отрыве от своего народа, который бы не любил этого народа, который бы не жил его бедами и его радостями. Не упоминайте „арапченка“ Пушкина и шотландское происхождение Лермонтова, еврея Левитана и даже ортодоксального еврея Антокольского – все они, ранее чем стали деятелями русской культуры, стали русскими по духу. Не кровью, не рождением – для культуры этот расистский подход недействителен – а своим духовным сознанием определяется человек. Они любили русский народ, причисляли себя к нему и творили для него.

Каждый еврей, который сознает себя именно евреем по

духу, но захочет жить и творить в рамках русской культуры, уподобит себя вороне из басни Крылова: в попытках украсить себя чужими перьями – русской культурой – он не только будет чужд этой культуре, но и отстанет от своей, еврейской, израильской, по существу не будет выполнять свой долг перед своей новой родиной, будет чужаком в собственном доме. Пока его соотечественники вокруг него будут создавать свою – плохую ли, хорошую ли, безразлично – культуру, он будет строить химеры. Какую он русскую культуру может строить, в отрыве от народа, в отрыве от языка? Через какие-то одно-два поколения эта культура станет, не имеющим жизненного основания, искусственным творением, русский язык будет развиваться в России своим путем, а язык русскоязычных писателей заостенее, получится что-то вроде того, как получился идиш на основе немецкого языка. А если еще учесть непонятную тягу еврейских русскоязычных писателей к блатному жаргону, а то просто к сквернословию, забавный получится язык у этих деятелей русско-еврейской культуры во втором или третьем поколении. Но, вероятно, до третьего поколения не дойдет, русско-еврейская „культура“ не доживет – умрет вместе с нынешним поколением, никому не нужная, ни Израилю, ни России, нежизнеспособный уродец, дитя людей, живущих неприязнью, а то и злобой по отношению к тому народу, культуру которого они пытаются присвоить.

Они не любят по-настоящему эту культуру, хотя клянутся в своей привязанности к ней. Нельзя любить культуру и не любить народ, создавший её. Для очень многих русско-еврейских и русскоязычных писателей и деятелей русско-еврейской псевдокультуры, подлинная русская культура лишь питательная среда, больше того – организм, на котором нужно сделать вивисекцию для приспособления его к своим нуждам, для паразитирования на нем. Опыт такой работы есть. Все эти русскоязычные деятели – в прошлом советские журналисты, писатели, актеры, художники, критики – в течение многих лет приспособливали русскую литературу, искусство, всю русскую

культуру к потребностям советской власти, делали Пушкина революционером, а Гоголя провозглашали религиозным ретроградом, клеветали на Достоевского. Теперь они делают то же, но сейчас дают оценки, наклеивают ярлыки в зависимости от того, насколько деятельность какого-либо русского писателя, поэта или художника удовлетворяет или не удовлетворяет юдофильские претензии. Оновным критерием оценки становится не значимость и ценность творчества какого-либо деятеля русской культуры, а то, как он относится к евреям. Начинается свистопляска вокруг Гоголя и Куприна, хочется укусьить Достоевского, но боязно – можно во всем мире прослыть за сионистского мракобеса.

Обратимся снова к интервью Майи Каганской.

„...Стиль русско-израильского литератора намного динамичнее, он более сжат, экспрессивен, у него более точные формулировки, и в литературном смысле слова – он более злой...“

Что же, о блатной, сквернословной экспрессивности мы уже сказали. „Точность формулировок“ обычно сводится к определению: „антисемит – не антисемит“. Злости же, точнее, **з л о б ы**, животной, с пеной у рта – хоть отбавляй. Далее, о своей книге о Ильфе и Петрове Майя Каганская говорит:

„...В ней есть та степень не отчужденности, а отдаленности, которая... обеспечила ей большую легкость и свободу, полемичность и отсутствие тех опасений, которые неизбежно возникают у человека, связанного с культурой не только языком, литературной традицией и тематикой, но и определенными идеологическими аспектами“.

Я не читал книгу Майи Каганской, но то, что мне известно из русско-еврейской литературы, отличается действительно огромной свободой в манипулировании фактами, легкостью при переходе от правды ко лжи, патологической любовью к полемике... Идеологически эта литература чужда России, но не свободна от идеологии, как ни уверяй в том Каганская. Только идеология её чаще всего шовинистическо-сионистская.

Что сказать этим людям? Прежде всего, что величие любого русского деятеля культуры для России, для русского народа определяется его отношением к России и русскому народу, а не к немцам, туркам, евреям или папуасам. Что ценность этих деятелей для мировой культуры определяется их вкладом в общечеловеческую культурную сокровищницу, а не их отношением к еврейству. Вместо того, чтобы пытаться разверстать деятелей русской культуры на первосортных и второсортных по признаку их любви к евреям, не лучше ли тем же русскоязычным писателям попытаться понять, почему некоторые выдающиеся русские писатели – тот же Достоевский – сурово критиковали евреев, подумать, нет ли вины самих евреев и попытаться эту вину исправить.

Что же касается тех, кто в чаду своей злобы и ненависти к России и русскому народу использует свое знание русского языка и свой литературный дар, чтобы клеветать на Россию, на русский народ, городит ложь и небылицы, поносит русскую историю, пророчит гибель и стране, и народу, тем можно только одно сказать: „Кто сеет ветер, пожнет бурю“.

Вся эта русскоязычная литература, вся эта русско-еврейская культурная деятельность – явление, в лучшем случае, глупое и уродливое, а в худшем, преступное. Оно не нужно ни евреям, ни русским, потому что не дает ничего подлинной еврейской, израильской культуре; русской же культуре, не будучи пронизано любовью к России и уважением к русскому народу, только может навредить. Это мы и видим – достаточно почитать „престижный“, как говорит Майя Каганская, русско-израильский журнал «22» или, выдающий себя за русский, журнал «Континент». В большинстве случаев – это просто грабеж, воровство, попытки присвоить себе чужое и лишить права на свою культуру русский народ.

Когда нам стала ясной вся подоплека и весь неприглядный смысл русско-еврейской и русскоязычной литературной и культурной деятельности, удивляет то, как многие русские люди доверчиво внимают этим сире-

нам, завлекающим их в пропасть бездуховности, потери национального культурного самосознания, национальной гордости, уничтожающим своим блатным, сквернословным жаргоном, русский язык.

Недавно Владимир Максимов посетил Израиль. Мы привыкли, что этот человек, снедаемый ненасытным самолюбием, рвущийся в идейные вожди и пророки, сидит во всех президиумах, председательствует во всех русскоязычных организациях. Но его интервью, напечатанное в той же русскоязычной газете, вызвало недоумение и возмущение. Чего там только не было! И о том, что „наши две страны (т. е. Израиль и Россия), „исторически очень взаимосвязаны...“ Забавно! **Историческая** связь тысячелетней России и Израиля, по существу, еще не имеющего своей истории, пока только представляющего лишь эпизод в долгой истории того же еврейского народа! Максимов говорит, также исторически очень взаимосвязаны и две культуры. О какой культуре в историческом масштабе говорит Максимов? О религиозно-традиционной культуре евреев в России? Для русского человека она всегда была непонятна и чужда, да и евреи не искали контактов, оставались всегда чужеродным телом. О нынешней израильской культуре, смеси религиозного фанатизма и западной бездуховности? Где, прежде всего, история этой культуры, да и какая может быть взаимосвязь, если современная израильская культура пронизана ненавистью к русскому народу, стремлением его очернить и унижить? Максимов умиляется тем, что Израиль – социалистическое государство. Так зачем же было выезжать из страны „зрелого социализма“, построенной, по признанию еврея Амальрика, „еврейским гением“. Но это еще цветочки, ягодки – впереди, когда Максимов начинает говорить о русско-еврейских отношениях. „Конечно, прошлое русско-еврейских отношений не безоблачно, между ними было все – и антисемитизм, и ритуальные процессы, и погромы“ – говорит Максимов. Если послушать Максимова, то не было ни Троцкого, ни Урицкого, ни Свердлова, ни Кагановича, ни Берии, ни

сонма евреев, игравших ведущие роли в советском государстве, истреблявших русскую интеллигенцию, разрушавших православные храмы, моривших голодом русское крестьянство, истязавших русских людей в застенках ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. В другой своей статье, „Москва – Иерусалим“, опубликованной в той же газете, Максимов говорит: „Разумеется, каждый из присутствующих в этот вечер в зале мог бы предъявить мне, русскому, большой счет за все обиды и унижения, перенесенные им в моей стране только потому, что он родился евреем. . .“ И еврей – бывший чекист? И еврей – бывший лагерный начальник? И еврей – бывший воинствующий безбожник, взрывавший храмы? И еврей – бывший работник „идеологического фронта“, специализировавшийся на оболванивании народа? И еврей – бывшие партийцы – а ведь в зале **м**ногие кто прибыл в Израиль из СССР, – бывшие члены коммунистической партии Советского Союза? Так они будут предъявлять счет русскому народу? Лжет Максимов, когда говорит, что евреев не любят за то, что они родились евреями. Россия – Великороссия – не знала антисемитизма, Максимов прекрасно это знает. Но лжет, бесовестно лжет. Лжет потому, что ему необходимо лизать руку дающего – без подачек ни ему, ни его «Континенту» не просуществовать.

Больно и горько, когда писатель, на которого в свое время возлагали столько надежд, продает себя, свою родину, честь своего народа. Больно, когда русский писатель становится в один ряд с клеветниками и недругами России, сам клеветает и пытается лобызать Россию поцелуем Иуды.

Но русский ли он? По крови, по рождению – возможно. Но по духу, по привязанностям и стремлениям он такой же русскоязычный писатель, переставший понимать свой долг перед Россией. За это он уже наказан творческим бесплодием, потому что не может быть истинного творчества в отрыве от своего народа. То же, что он считает своим „творчеством“, как и все русскоязычное, никому не

нужно – ни русскому народу, ни евреям, если отрешиться от временной политическо-культурной конъюнктуры.

В Лос Анжелесе альманах «ВЕЧЕ» можно приобрести в киоске при Свято-Покровском храме

2041 Argyle Avenue, Los Angeles,
Ca. 90068, USA

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

New York, N. Y. 11379

Tel. (212) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

Н. Нефедов

Русский дореволюционный фильм и Вера Холодная

Знаменитости русского дореволюционного кино: В. Максимов, В. Холодная, О. Рунич, В. Полонский, П. Чардынин, И. Худолеев, И. Мозжухин.

В последние годы, после того, как на Америку накати-лась т. н. „третья волна“ из Советского Союза, повсюду в США стали показываться советские кинофильмы. Они демонстрировались и раньше в больших американских городах, но редко, ибо американцы на них не шли, а русские эмигранты смотрели лишь те советские кинокартины, в которых большевицкая пропаганда умеренная, а то и вовсе отсутствует, как, например, в фильмах „Война и мир“, „Андрей Рублев“, „Преступление и наказание“ и др.

Теперь же в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и в других городах показываются не только новые, но и такие старые, протухшие советские агитки, как „Броненосец Потемкин“, „Цирк“ и пр. Время от времени повторяется показ фильма режиссера Никиты Михалкова „Рабыня любви“. Прочитав в русскоязычной газете, что эта самая „рабыня любви“ является прототипом Веры Холодной, а сюжет фильма построен на её последних днях в Одессе, занимаемой тогда Белой армией, я решил „Рабыне любви“ уделить свое внимание, хотя заранее предчувствовал, что фильм этот будет наштапован коммунистической пропагандой. И не ошибся.

Первая половина фильма смотрится не без интереса, но вторую половину без омерзения смотреть нельзя. Все тот же, неизменный с первых „немых“ советских фильмов – „В тылу белых“, „Комбриг Иванов“ – и позднейших звуковых – „Мы из Кронштадта“, „Волочаевские дни“, – советский трафарет: красные – светлые и благородные борцы за свободу и справедливость, а белые – совсем не белые, а черные-черные, и нет такого порока, которыми не были бы наделены кровожадные белогвардейцы. Но в „Рабыне любви“ Н. Михалков перещеголял всех прочих советских режиссеров в изображении белых злодеями. Он так нагл, что представляет дело так, якобы белые расстреляли рабочих вместе с их женами и детьми только за то, что те отказались грузить военный товарный поезд.

Я прочел немало книг советских авторов о гражданской войне, в которых описывались расстрелы, порка крестьян и рабочих белогвардейцами, но такие „шедевры“, как

расстрелы детей, мне еще не попадались. И еще придумал Михалков, что группа белогвардейских офицеров фактически была на стороне большевиков, но вот, только, так сложились обстоятельства, что они попали в Белую армию. Они проклинают свое командование, возмущаются „зверствами“ белой контрразведки. Придуманно ловко – забрасывается удочка, чтобы поймать на крючек русскую молодежь, которая в настоящее время считает своим идеалом белых офицеров, о чем убедительно свидетельствует письмо молодого человека из Москвы к участникам Белого Движения. Письмо это было опубликовано в различных органах русской зарубежной печати. Вот, смекалистый Михалков, как бы отвечает своим фильмом молодым приверженцам белогвардейцев: „Смотрите, мол, благородные белогвардейцы тоже были на нашей большевицкой стороне, но белое командование запугиванием держало их в своих руках“.

Содержание „Рабыни любви“ таково: группа киноактеров с оператором Виктором, была занесена вихрем революции в Одессу, занятую Белой армией. Здесь фильмовая группа была взята белой контрразведкой под наблюдение. Оператор Виктор и в самом деле был подпольным большевиком и шпионом. Он тайно снимает расстрел непокорных рабочих, отказавшихся грузить товарный поезд, белогвардейцами. Заодно были расстреляны жены и дети рабочих. Это зверство было заснято, чтобы в Москве демонстрировать „белый террор“. Об этом узнает контрразведка, но она не знает кто заснял расстрел. Начальник контрразведки прибыл в гостиницу, где расположились киноартисты, чтобы произвести обыск. Оператор Виктор просит актрису Ольгу – прототип Веры Холодной – спрятать пленку у себя в комнате, ибо её, как знаменитую актрису контрразведчики вряд ли будут обыскивать. Ольга с удовольствием соглашается. Обошлось благополучно – пленка не была обнаружена и могла быть отправлена в Москву. Никита Михалков настолько по-большевицки беспринципен, что не замечает, что его подпольный герой Виктор, совсем не герой, а трусливый

негодяй, ибо спасая свою шкуру, он подвергает любящую его актрису смертельной опасности; – окажись контрразведчики посмекалистей, пленка была бы найдена и актриса Ольга, как шпион, была бы расстреляна.

„Рабыня любви“ получила восторженные отзывы на страницах американских журналов и газет: «New York Times», «Newsweek», «The New Yorker» и других. Чем же, собственно, восторгаются либеральные рецензенты? Игрой советских актеров? – американские играют лучше. Художественной стороной? – она заурядная. Нет, высокую оценку „Рабыня любви“ получила за свое содержание. Рецензенты придерживались неписанного, но неумолимого и вздорного закона, которым руководствуются многие западные политики, а следовательно, и пресса еще со времен президента Рузвельта: **„Враг моего врага – мой враг“**. И в самом деле, режиссер Н. Михалков изобразил тогдашних идейных и формальных союзников США, Великобритании и Франции – белогвардейцев, злодеями, а большевиков – тогдашних и нынешних врагов западного мира, как героических и благородных борцов с „угнетателями народа“. Такая интерпретация белых и красных очень импонирует американским политическим мазохистам-либералам. Поэтому-то американские рецензенты хвалят Н. Михалкова за „Рабыню любви“.

В общем-то, о „Рабыне любви“ вряд ли стоило бы писать, если бы советский кино-халтурщик не воспользовался бы для прославления большевизма личностью самой знаменитой русской киноактрисы, Веры Холодной, поставив в фильме её прототипом актрису Ольгу Николаевну, которую играет Елена Соловей. Но эта актриса ни по внешности, ни по душевному облику ничего общего с Верой Холодной не имеет. Её игра даже отдаленно не напоминает игру королевы русского экрана, а содержание фильма, якобы воспроизводящего её последние дни в белой Одессе – сплошная и наглая ложь. Представив прототип Веры Холодной сообщницей большевических подпольщиков, Н. Михалков тем самым плюнул на её могилу.

Ныне уже мало осталось в живых людей, видевших кинофильмы, в которых играла Вера Холодная. В то время, когда её фильмы начали завоевывать русский экран, я лично еще не появился на свет Божий. Но мне довелось посмотреть, и по нескольку раз, лучшие фильмы с Верой Холодной, когда немые фильмы уже были сняты с экранов и заменены звуковыми. В середине 30-х годов я был кино-рецензентом и заведующим рекламой в самом большом в Прибалтийских странах фильмопрокатном обществе АРС в Риге. Директором АРС был Василий Александрович Емельянов, который, между прочим, финансировал постановку во Франции фильма с участием Ивана Мозжухина – „Сержант Х“ и единственного кинофильма с участием Ф. И. Шаляпина – „Дон Кихот“.

На складе АРС сохранилось около двух десятков русских дореволюционных фильмов, главным образом, с участием Веры Холодной из её „Золотой серии“. Директор Емельянов хранил эти фильмы как уникум. Когда из Парижа, Берлина, Вены, Варшавы приезжали представители фильмопрокатных обществ для заключения новых контрактов с АРС, то до подписания коммерческих сделок Емельянов обычно приглашал фильмовиков в проекционный зал при конторе, где подавались кофе, коньяк и ликеры, для просмотра одного из дореволюционных русских фильмов, которые, кроме как в АРС, нигде нельзя было увидеть. Здесь сказывался патриотизм Емельянова: вот, дескать, посмотрите, какие чудные фильмы ставили раньше в России. И я никогда не упускал случая еще и еще раз посмотреть Веру Холодную. Поэтому фильмы с её участием прочно сохранились в моей памяти.

Сюжеты этих фильмов строились на романтических мотивах, носящих элемент загадочности в женской психологии. Обычно, фильмы „Золотой серии“ строились на сюжетных положениях: отвергнутая любовь, фатальная страсть, измена мужу (или любовнику), эротика, блистательный взлет из нищеты в ошеломляющее богатство, подлость и благородство. За немногими исключениями, фильмы с Верой Холодной заканчивались трагически –

смертью или самоубийством, как расплатой за легкомысленную любовь, за несдержанность страсти, за измену...

Явные недостатки тогдашних фильмов – примитивность кинематографической техники, чрезмерное пристрастие к внешним сценическим эффектам – как бы заслонялись обаятельной внешностью, аристократичностью манер Веры Холодной, элегантностью её нарядов. Можно сказать, что игра Веры Холодной сравнима с игрой позднейшей шведской кино-звезды Греты Гарбо, которая тоже начинала свою карьеру в немых фильмах. Тонкие черты лица, излучаемая из больших серых глаз глубокая печаль, эффектные портретные кадры, необычный талант показа душевного состояния едва заметным движением мускулов лица, губ, ресниц, воплощение в трагическую роль жертвы обольстителя или в насыщенную драматизмом роль невольной соблазнительницы – такой осталась в памяти Вера Холодная.

Игра Веры Холодной была настолько захватывающей, что заставляла зрителя сосредоточить свое внимание на ней одной, отодвигала на второй план её партнеров, даже самых талантливых и прославленных русских киноактеров: В. Полонского, В. Максимова, П. Чардынина. На фильмах с Верой Холодной было пролито немало сентиментальных слез. Молодежь, и не только молодежь, глубоко переживала игру Веры Холодной. Поэтесса Е. Нагорная посветила королеве русского экрана стихи:

На стене предо мной световое пятно,
Где картина картину сменяет,
И мне грезится, будто сквозь мрак и туман
Наши радости, страсти и горе –
Отражаются тоже на яркий экран,
Где-то там – в межпланетном просторе.

Однако те, кто не представлял себе Веру Холодную иначе, как жертву страстей, как трагический образ „рабыни любви“ – то ли обольстительницы, то ли обольщенной – были бы разочарованы, узнав, что в своей личной жизни королева экрана была далека от героинь создаваемых ею на экране. Вера Васильевна была при-

мерной женой и матерью; была нетребовательна и довольно равнодушна к неожиданно нахлынувшим на нее славе и богатству.

Какой-то журналист из т. н. „третьей волны“, в связи с появлением на американских экранах фильма „Рабья любовь“, писал в русскоязычной газете „Новое Русское Слово“, что Вера Холодная стала киноактрисой из-за бедности. Мол, нужда заставила её выступать в кафэ-шантане, откуда она и попала в киностудию. Эта советская ложь распространялась в СССР, чтобы показать, что в царской России талантливые люди были вынуждены жить в нищете, а теперь эту ложь продолжают распространять в эмиграции русскоязычники – бывшие сотрудники советских средств дезинформации. И там и тут все делается, чтобы очернить старую Россию.

На самом же деле, русская кино-звезда происходила из интеллигентной семьи, – её отец, Василий Александрович Левченко был учителем словесности в гимназии. А преподаватели в гимназиях в России материально не нуждались. Вскоре после окончания гимназии, Вера Васильевна вышла замуж за следователя (позднее – прокурора Окружного суда в Москве) Александра Холодного, а юристы в России тоже не бедствовали. Врут русскоязычники отменно. . .

К началу 1-й Мировой войны, кино уже перестало считаться забавным развлечением, аттракционом ярмарочных балаганов. К этому времени только в Москве работали четыре кино-студии: А. Ханженкова, Д. Харитонova, Ф. Бауэра и отделение французского фильмового общества Пате. Уже гремели имена В. Полонского, В. Максимова, И. Мозжухина, Ольги Гзовской, Веры Коралли, Марии Германовой. Кинокартины становятся предметом оживленных споров литераторов и театралов. Велись эти споры и на квартире Холодных на Тверской улице, где собирались актеры московских театров. художники, признанные и непризнанные поэты. Часто бывал у Холодных уже прославившийся поэт Игорь Северянин.

Я имел счастье познакомиться с И. Северяниным в

Риге, куда он приезжал из соседней Эстонии, где он проживал после своего бегства из советской Москвы. Северянин охотно рассказывал о своей дружбе с семьей Холодных, о том, что увлечение кино Верой Васильевной было настолько сильно, что она не пропускала ни одной премьеры.

— Когда я заходил к Холодным, — вспоминал Северянин, — то Вера Васильевна сразу же задавала вопрос: „Смотрели ли вы последнюю картину с Астой Нильсен или Лидой Борелли?“

Этот страстный интерес к кино и определил решение Веры Васильевны стать киноактрисой. В отличие от других знаменитых киноактеров и актрис, которые начинали свою карьеру в театрах, Вера Холодная пришла в киностудию без сценической подготовки. Правда, когда собирались гости, она под собственный аккомпанемент гитары великолепно исполняла романсы, но выступала ли она на сцене — остается невыясненным.

Кинорежиссер В. Р. Гардин, очарованный её внешностью, предложил ей в виде пробы эпизодическую роль в фильме „Анна Каренина“. После нескольких второстепенных ролей, Вера Холодная была замечена и ей поручается роль в большом и богатом фильме „Песнь торжествующей любви“. С этого фильма начался взлет новой кино-звезды. В журналах помещаются её фотографии, восторженные рецензии. С большим успехом прошли и другие её фильмы: „Дети века“, „Миражи“, „Жизнь за жизнь“. Игорь Северянин посвящает ей стихи:

Ты ко мне не вернешься: на тебе теперь бархат;
Он скрывает бескрылья утомленных плечей...

Ты ко мне не вернешься; предсказатель на картах
Погасил за целковый вспышки поздних лучей!

Ты ко мне не вернешься, даже... даже проститься
Но над гробом обильно ты намочишь платок.

На эти стихи Северянина был поставлен фильм „Ты ко мне не вернешься“, в постановке которого принимал учас-

тие и сам поэт. Я помню, перед началом и в конце фильма на экране полным кадром показывался портрет Северянина.

В 1916 г. Вера Холодная переходит из студии акционерного общества А. Ходженкова в студию Д. Харитонов. Здесь снимается „Живой труп“ (по Л. Н. Толстому), „На алтарь красоты“ и кино-шедевр „У камина“. Колоссальный успех фильма заставил Харитонova продолжить „У камина“ второй серией – „Позабудь про камин“. Боевик следует за боевиком. Следует отметить, поставленный по одноименному роману Гвидо де Верона фильм „Женщина, которая изобрела любовь“. В этом фильме партнером Веры Холодной был В. Максимов.

Молва об очаровательной русской кино-звезде облетела все европейские страны и русская фильмовая продукция признается передовой. Особенным успехом пользовались фильмы с Верой Холодной и другие русские фильмы в Скандинавии, в чем я мог убедиться лично. Когда в середине 50-х годов я гостил у друзей в Копенгагене, то одна пожилая русская дама, вышедшая замуж в Петербурге за датского инженера и переехавшая в Данию незадолго до начала 1-й Мировой войны, показала мне десятки старых, пожелтевших датских журналов, изданных в 1913-1917 годах. В этих журналах были помещены многочисленные фотографии Веры Холодной, Ольги Гзовской, В. Полонского, И. Мозжухина, В. Максимова и др., но больше всего Веры Холодной. Были напечатаны и рецензии, но я их прочитать не мог. Русская датчанка была большой ценительницей русских фильмов. Она мне сказала:

— Когда я приехала в Данию, то очень скучала по Петербургу и моим утешением были наши фильмы, которые в Копенгагене показывались беспрерывно, и я смотрела их каждую неделю. Я тщательно сохраняю эти журналы, чтобы время от времени взглянуть на своих любимцев, да и другим показать.

Я удивился, ибо не мог себе представить, что русские фильмы так ценились в Дании, а следовательно – и в Швеции, и в Норвегии. А ныне? Разве можно увидеть в

иностранных журналах хотя бы один снимок советского киноактера? Я спросил знакомого датчанина, как обстоит у них дело с показом советских фильмов, и он мне ответил: „Никак. Они показываются очень, очень редко, ибо кроме хиппи, их никто не смотрит“.

В свое время русский фильм достиг вершин киноискусства. Теперь немые фильмы кажутся нам анахронизмом; неестественной, напыщенной, утрированной кажется нам игра актеров, пытавшихся преувеличенной мимикой и жестикуляцией возместить отсутствие речи. Немые фильмы невозможно сравнивать с современными – это то же самое, как сравнение роскошной лакированной кареты, запряженной породистыми лошадьми, с автомобилем. Однако есть немало любителей, которые смотрят немые фильмы с большим удовольствием. Вот, например, в 60-х годах советские фильмовики озвучили и пустили в прокат дореволюционный фильм с Иваном Мозжухиным „Отец Сергей“ (по Л. Н. Толстому). Фильм имел такой успех, что в Москве очереди на него были такие длинные, будто бы показывался новейший боевик с Софией Лорен. Этот фильм не снимался с экрана много месяцев.

Революция оборвала карьеру Веры Холодной, а косвенно – и её короткую жизнь. Последними её фильмами были: „Последнее танго“, „Тернистый славы путь“ и бессмертная „Сказка любви дорогой“ (1917 г.), поставленная на слова романа:

Молчи, грусть, молчи,

Не тронь старых ран,

Сказки любви дорогой

Не вернуть никогда... никогда.

„Сказка любви дорогой“ была лебединой песней королевы русского экрана, а также лебединой песней русского художественного фильма. Все знаменитые киноактеры, как, впрочем, и выдающиеся представители русского искусства и литературы, бежали от советской власти.

В 1918 году Вере Холодной удалось выбраться из большевицкой Москвы и перебраться на юг России, заня-

тый Белой армией. Сюда же бежали Иван Мозжухин, Владимир Гайдаров, Николай Колин, Ольга Гзовская, Наталия Лисенко, кинорежиссеры Туржанский, Волков. Позднее они эмигрировали в Германию и во Францию. Русские кино-актеры и режиссеры уже были так хорошо известны, что французские и немецкие кино-компании сразу предложили им ангажементы. После французских фильмов с Иваном Мозжухиным – „Дитя карнавала“ и „Казанова“ – этот русский кино-актер становится таким же знаменитым, как в наше время Гэри Грант или Алек Гиннес. Поставленный Туржанским фильм „Михаил Строгов“ с Иваном Мозжухиным и Натальей Кованько, побил все рекорды как по кассовому сбору, так и по продолжительности показа в Париже, Берлине, Праге, Мадриде, Амстердаме.

Нет сомнения, если бы Вера Холодная эмигрировала, то она стала бы такой же знаменитой, как Иван Мозжухин и Ольга Бакланова. Но этому не суждено было сбыться. В феврале 1918 года она заболевает и умирает в одесской больнице. По всей Одессе распространяется слух, что она была отравлена подпольными большевиками, ибо была вовлечена в шпионскую сеть, не-то английской, не-то белогвардейской контрразведкой. Такова природа людей – создавать вокруг знаменитостей легенды. Почитателям Веры Холодной трудно было поверить в её естественную смерть. На самом же деле, ни в каких политических организациях она не состояла, и о какой-либо связи со шпионажем не может быть и речи. Она умерла, заразившись, свирепствовавшим тогда в Одессе, тяжелым гриппом – „испанкой“.

Торжественные похороны состоялись 16 февраля. За гробом, покрытым русским трехцветным флагом, шли представители городских учреждений, офицеры Белой армии и тысячи почитателей великой киноактрисы. Вера Холодная была погребена на Одесском кладбище. Сохранилась ли её могила?

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная демократическая ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год - 60,- долларов, на полгода - 35,- долларов, на 3 месяца - 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

Возникновение нашего мира не есть следствие случайного взаимодействия физических и химических сил природы, а результат проявления исключительной творческой гениальности.

Размышления на эту тему изложены в брошюре

А. К. ТРОИЦКОГО

„О логическом пути познания первопричины бытия“

Цена брошюры 10 немецких марок

Заказы направлять по адресу:

**„Possev“-Verlag,
Flurscheldeweg 15,
D-6230 Frankfurt/Main, 80**

И. Д у г а с

Загадка реки Каялы

В этом году исполняется 800 лет со дня несчастливой битвы дружины князя Игоря у реки Каялы в Поле Половецком. Битва имела трагические последствия для Южно-Русских княжеств. Но не этим она запечатлелась в памяти потомков, а тем, что была воспета неизвестным автором в гениальной поэме – „Слово о полку Игореве“.

Сразу же после публикации „Слова“, в 1800 г. начались поиски на карте Юга России Каялы и места битвы. Задача оказалась не из легких. Дело в том, что указанные в поэме и летописях географические ориентиры, казалось, бесследно исчезли. Мы знаем теперь, что случилось это вследствие двукратной смены населения Степи между-речья Днепра и Дона: половцев сменили татары, а татар – русские. Каждая волна пришельцев очень часто давала новые названия рекам, озерам и местностям, особенно небольшим. Так стерлись имена-локализаторы битвы Сюурлий и Каяла. С именем Каялы связаны и другие трудности. Существует предположение, что это река мифическая и искать ее на карте бесполезно. „Каяла“ – это художественный образ горя, скорби и поражения и её недоброе имя происходит от слова „каяти“ (проклинать). Сменилась речная номенклатура также Дона и Донца. Великий Дон „Слова“ – это современный Северский Донец, а „Малый Донец“ или „Донец“ – это правый приток Северского Донца реки Уды.

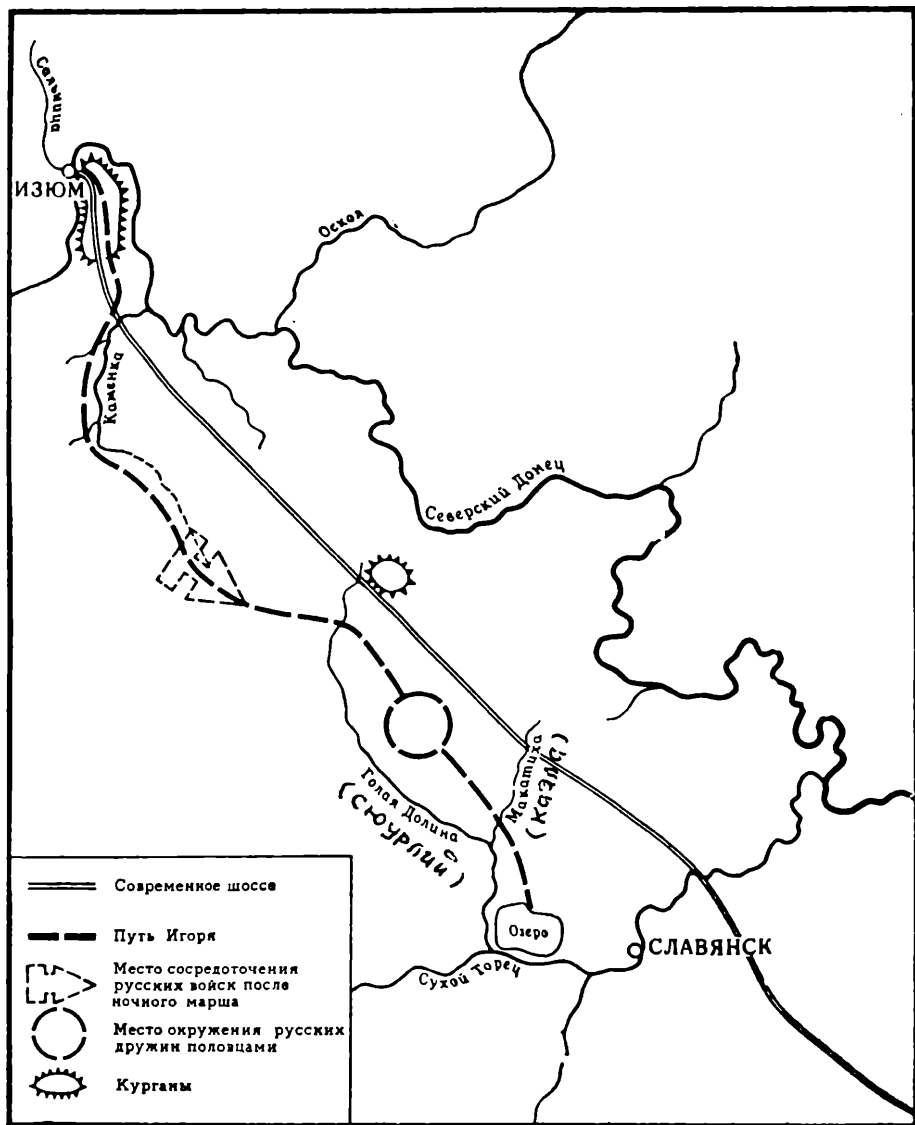
Поиски места битвы и Каялы продолжаются. Ученые, шаг за шагом, отбрасывая малообоснованные предположения и гипотезы, движутся к решению проблемы. В моем кратком очерке я остановлюсь только на вариантах, предложенных в последнее время проф. К. В. Кудряшовым, генерал-майором В. Г. Федоровым, академиком Б. А. Рыбаковым и М. Ф. Гетманцем.

Но, прежде чем говорить о путях и перекрестках, которыми шли ученые, разрешу себе сказать несколько слов о самой поэме, её героях и напомнить читателю основную канву событий, приведших князя Игоря к реке Каяле, тяжелому поражению и плену.

„Слово“ было создано после поражения Игоря, вероятно, в том же 1185 знаменательном году, но не позже 1187 года, когда умер переяславльский князь Владимир Глебович, о котором в „Слове“ идет речь, как о живом. В противовес этой точке зрения, недавно была выдвинута новая гипотеза, относящая время создания поэмы на десятилетия позже похода. Она основана на предположении о невозможности раннего возведения Игоря, причинившего Южной Руси столько скорби и лишений, в ранг народного героя. „Слово“, согласно автору этой версии Н. С. Демковой, было создано после смерти киевского князя Святослава Всеволодовича в 1194 году.

К традиционным источникам, описывающим поход Игоря, принадлежат: текст самого „Слова“, рассказы в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях и данные В. Н. Татищева, находящиеся в его труде „История Российская с древнейших времен“. Кроме этих литературных пособий, В. Г. Федоров проводил широкие картографические исследования, а М. Ф. Гетманец – топографические, на месте предполагаемых событий.

При использовании сведений „Слова“ необходимо соблюдать известную осторожность и не забывать того факта, что поэма – не летопись, даже не исторический рассказ, но художественное произведение с яркой идейно-политической тенденцией, форма и содержание которой подчинены благородной цели, – страстному призыву к

Район военных действий дружины Игоря в Половецкой степи

объединению русских князей для борьбы с враждебным Полем. Большую ценность представляют сообщения и уточнения В. Н. Татищева, имевшего в своем распоряжении источники, не дошедшие до нас. Рассказ Ипатьевской летописи считается более достоверным, по сравнению с краткой версией Лаврентьевской летописи.

К главным действующим лицам „Слова“ принадлежат: Игорь, его брат Всеволод, киевский князь Святослав и половецкий хан Кончак.

В год похода, Игорю (Георгию) Святославичу (1151-1202) исполнилось 34 года. Женат он на Ефросинье Ярославне (Ярославне „Слова“) – дочери галицкого князя Ярослава Осмомысла. Младший брат Игоря Всеволод – князь Трубчевский и Курский (около 1155-1195) – Буй Тур или Яр Тур „Слова“, личность действительно героическая. В 1948 г. был вскрыт гроб Всеволода, находившийся в Благовещенском соборе в Чернигове. Известный ученый М. М. Герасимов по черепу произвел реконструкцию головы Всеволода. Благодаря искусству ученого, мы имеем портрет одного из героев „Слова“. Женат был Всеволод на красавице Ольге Глебовне – сестре переяславльского князя Владимира. Киевский князь Святослав Всеволодович (около 1125-1194) приходился двоюродным братом Игорю. Он – старший среди Ольговичей и в „серебряной седине“. В год событий ему минуло 60 лет. Киевским княжеством Святослав управлял вместе с Рюриком Ростиславичем. В противоположность „Слову“, в котором Святослав назван „великим и грозным“, князь он весьма нерешительный и далеко не могущественный. В его власти, по-существу, находился только Киев. Половецкий хан Кончак Отракович – внук знаменитого хана Шарукана. Княжил в Черной Кумании – политическом объединении половецких племен Левобережья Днепра.

Половцы занимали степи от Волги до Дуная. Видимым наследием их пребывания остались сотни каменных изваяний, получивших в народе имя „баб“. Русь отгородилась от Поля рядом оборонных линий. Наиболее крупными были Поросская и Посульская. Оборонительные линии

состояли из крепостей, расположенных на 15-20 км. друг от друга и соединенных между собой валами и рвами. Линии тянулись на сотни километров. На линиях поселяли „лутчих людей“ из всех концов Руси, а также пленных поляков. Для наблюдения за кочевниками строились башни, на которых, в случае опасности, разводился сигнальный костер „вита“ или „вица“. Система сигнализации связывала все пункты с Киевом. Появление кочевников на границах становилось известным в Киеве через несколько часов.

Удачно воевал с половцами Владимир Мономах. В период с 1103 по 1116 гг. он нанес половцам ряд сокрушительных ударов и отбросил их за Дон. Успешную борьбу вел его сын Мстислав. Но со смертью последнего в 1132 году, Поле снова пошло в наступление на пограничные княжества: Переяславльское, Черниговское, Новгород-Северское и Киевское. Особенно усилились набеги в 70-х годах XII в., когда внутривосточная обстановка на Руси значительно ухудшилась. Могучая Киевская Русь окончательно распалась на удельные княжества, враждующие между собой. Киев ослабел в политическом и экономическом отношениях и только по традиции импонировал князьям и люду. Защита границ тяжелым бременем легла на плечи пограничных княжеств, разрозненных и враждующих, даже перед лицом смертельной опасности. Все чаще русские князья призывают половцев на помощь в своих удельных ссорах – которах. И как дорого это обходилось простому люду!

Особенно часто обращались за помощью к половцам Ольговичи – потомки Олега Святославича (Олега Гориславича „Слова“). Герой „Слова“ – Ольгович Игорь Святославич в 1180 г. воюет с киевским князем Рюриком в союзе с ханом Кончаком, тем самым, к которому он попадает в плен после неудачной битвы у Каялы. Разбитый Рюриком, Игорь едва успевает вскочить в лодку „сам друг“ с Кончаком. Нередки были браки русских князей с половчанками. Источники знают 8 таких браков. В жилах Игоря также текла половецкая кровь. Его дед Олег был женат

на дочери половецкого хана Осулка. От этого брака родился отец Игоря Святослав. Недаром „Слово“ именует половцев „сватами“...

Игорь отправляется в поход 23 апреля, в субботу, в день своего Ангела. С ним идут: Всеволод с курянами, сын Владимир Путивльский, племянник („сыновец“) Святослав Ольгович Рыльский, вместе с присланной от Ярослава Всеволодовича черниговской дружиной ковуев („своих поганных“), во главе с Ольстином Алексичем. В „Слове“ вместо Владимира назван Олег. Замена имен, по мысли Д. С. Лихачева, объясняется тем, что Владимира, женившегося в плену на дочери Кончака, нельзя считать героем, пострадавшим за Русь.

Каковы были цели похода Игоря? Мнения источников и исследователей не совпадают. „Слово“ указывает на далекие и большие цели: не только „испити шелоном Дону“, но и открыть путь в далекую Тмутаракань, отрезанную половцами уже более ста лет. Враждебная Игорю Лаврентьевская летопись подчеркивает утилитарные и эгоистические намерения: зависть к успешному походу Святослава в начале 1184 г., толкнула Игоря к поспешному решению. „Мы есмы ци не князи же? Таки же собе хвалы добудем“, – говорит Игорь. В этом случае, вероятно, права летопись – не защита Руси, а добыча себе славы – руководили Игорем. Неблаговидность поступка Игоря подчеркивает и тот факт, что в это самое время Святослав Киевский находился в далеком Карачеве, где сколачивал общерусский летний поход на половцев. Игорь уходит, не уведомив Святослава.

Больших целей Игорь не мог ставить, по причине относительной слабости его сил. Судя по тому, что в плен попало свыше пяти тысяч воинов, численность войска можно оценить в 6-7 тысяч человек. Цифру в 6-8 тысяч называет военный эксперт В. Г. Федоров.

Путь, которым шел Игорь и порядок сбора войска остаются невыясненными. С достоверностью можно сказать, что, выступив из Курска, Всеволод до встречи с Игорем шел более восточной дорогой.

Игорь с главной частью полков, неспеша шел к Донцу. 1-го мая у реки произошло солнечное затмение. У Татищева оно описано так: „На вечер 1-го дня завидели затмение солнечное, которого осталась часть, яко луна трех дней. В рогах его, яко уголь горячий был, звезды были видны и в очах было зелено“. В это описание ученые вносят поправку, что при частичном затмении звезды не могут быть видны.

Легко себе представить, какое устрашающее впечатление произвело затмение на наших суеверных предков! Дальнейший поход, несмотря на ободряющую речь Игоря, происходит под знаком все нарастающей тревоги и напряжения. По „Слову“ – тьма покрывает солнце весь путь до Половецкого Поля.

У Оскола Игорь два дня ожидал Всеволода. Следуя вдоль Оскола, соединенные силы Ольговичей пошли к реке Сальнице. Эта часть пути совпадала с известной позже Изюмской сакмой. Локализация Сальницы впервые была произведена Татищевым по книге „Большой Чертеж“*, в связи с походом в 1111 г. Мономаха на половцев. Татищев пишет: „... она течет в Донец с правой стороны ниже Изюма“. Но, как указал краевед Н. В. Сибилев, Сальница не правый, но левый приток Северского Донца. М. Ф. Гетманец, подробно исследовавший местность, установил, что в наше время Сальница – небольшой ручей, впадающий в Донец в центре города Изюма у большого моста. В старину здесь был удобный брод, известный в исторической литературе под названием Изюмского перевоза. В этом месте Донец делает петлю и обтекает большой курган, расположенный на восточном берегу реки. Изюмский курган был пограничной вехой между Русью и половцами. Здесь, или где-то вблизи, должны были быть наблюдательные посты как русских, так и половцев.

Сальницы, по расчетам ученых, Игорь достиг 9-го мая. У Сальницы подошли, посланные раньше для добычи

* Первый географический справочник России, составлен дьяками Разрядного Приказа Лихачевым и Даниловым в 1627 г.

языка и разведки половецкого стойбища, „сторожеви“. Разведчики сообщили, что войско Игоря обнаружено, так как половцы вооружены и ездят в доспехах. Разведчики советовали ехать быстро или же вовсе вернуться домой: „Яко не наше есть время“. Терялось важнейшее преимущество – внезапность нападения.

Игорь решил ехать не останавливаясь на ночь. Небольшая река Сальница стала последним известным ориентиром похода. Дальше – неведомая часть пути, приведшая войско Игоря к загадочным рекам Сюрлий и Каяла.

К полудню (согласно „Слову“, к утру) Игорева дружина увидела половецкие вежи, а за ними отряд половецких воинов. Вежи стояли за рекой, именуемой в летописи Сюрлий. „Вежи“ в этом случае – половецкие кибитки т. к. по летописи русские вои догнали их.

Половцы, ехавшие впереди кибиток, перестроились и заслонили лагерь от русской рати. Игорь выстроил свои войска в пять полков. Впереди у реки он поставил отряд лучников. За ним полк сына Владимира и ковуев Ольстина Алексича. Основные силы стояли позади – в центре полк Игоря, по левую руку от него – полк племянника Святослава, по правую – полк брата Всеволода. Половцы также послали заслон лучников. По Лаврентьевской летописи в это время половцы послали гонцов за помощью. Выпустив через реку по стреле, половецкие лучники побежали, увлекая за собой и остальное войско, стоявшее за ними. При этом были брошены кибитки с женами и детьми. За половцами погнались молодые князья Святослав и Владимир а также ковуи. Игорь с остальным войском медленно двигался вперед, не распуская боевого порядка.

К ночи русская рать преследователей возвратилась к Игореву стану с большим полоном. Еще с вечера Игорь хотел возвращаться „черес ночь“, но молодые князья, преследовавшие половцев, заявили, что их кони утомлены погоней и не смогут двинуться в эту ночь. Игорь согласился ночевать.

Источники не уточняют места ночевки, выбранной Иго-

рем, и не говорят о пересечении Сюрлий. Но из последующего описания битвы, становится ясным, что свой ночной стан Игорь расположил на восток от этой реки.

Пространство, занятое русскими войсками, должно было быть значительным, так как в центре находились кибитки с женщинами и детьми, пленные половцы и множество захваченных лошадей.

Трудно сказать, какие сведения о половцах имел Игорь, но во всяком случае, его решение ночевать обернулось фатальной ошибкой. На рассвете 11 мая в субботу, русские вои увидели множество половцев, окружавших их со всех сторон, как лесом. Собралась чуть ли не вся Степь Черной Кумании. Многие ханы имели давние счеты с русскими и жаждали мести...

Картина последовавшей битвы фрагментарна. Противоречивы сведения о продолжительности боя. Лаврентьевская летопись говорит о трех днях. Более надежны сведения Ипатьевской летописи, совпадающие со счетом дней „Слова“.

В субботу утром, оценив обстановку, Игорь решил пробиваться к Донцу. Битва продолжалась весь день и всю последующую ночь. „Слово“ повествует: „С зарания до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья харалужные в поле незнаеме, среди земли Половецкыи“. Но пробиться к Донцу не удалось. На второй день битвы в окружении, в воскресенье утром, побежали ковуи. Игорь, раненый в руку, погнался за беглецами, чтобы их остановить. Половцы бросились за Игорем и отрезали его от своих. Накинув аркан, пленили. Игорь при этом видит как мужественно бьется у озера Всеволод и просит смерти, чтобы не видеть смерти брата.

Потеряв вождя, русское войско сопротивлялось недолго. „Слово“ заключает: „Третьяго дня к полудню падоша стязи Игоревы, ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы, ту кровавого вина недоста, ту пир доконаша храбрии русичи сваты попоиша а сами полегоша за землю Русскую“. Согласно летописным данным, только

15 воинов спаслись бегством. Татищев говорит о более чем 5 тысячах пленных и тяжелых потерях убитыми. Первый раз в плен к половцам попали русские князья. Так трагически закончился поход Игоря.

О поражении Игорева войска Святослав Киевский узнал, находясь в Чернигове, по пути домой. В это время прибежал, вырвавшийся из окружения Беловод Просович (судя по имени, ковуи), и сообщил о катастрофе. Князь Святослав горько заплакал и посетовал на Игоря за его неразумные действия, за то, что он: „отвориша ворота на Русьскую землю. А въстона бо, братие Киев тугою а Чернигов напастями“, – говорит „Слово“. Действительно, оглолением левого крыла русской обороны немедленно воспользовались половцы. Разорение было бы еще большим, не случись разлада между ханами Кончаком и Гзой. Каждый из них желал отмстить собственные обиды русским князьям и в результате половецкие силы разделились. Кончак осадил Переяславль. Храбрый князь Владимир спас город, но заплатил собственной жизнью. Половцы захватили город Римов и разрушили его до основания. Древнее городище до сих пор не найдено. Загадочным остается и происхождение названия города. Хан Гзапошел на Новгород в Северское княжество и пожег Путивль, но на обратном пути потерпел чувствительное поражение от опытного воеводы Тудора. Половцы пограбили села и увели большой полон.

После поражения ханы разобрали пленных князей. Кончак, узнав о ранении Игоря, взял его к себе. Кочевье Кончака стояло на реке Тор – правом притоке Северского Донца, недалеко от современного города Славянска.

Жизнь Игоря в плену не была стеснительной. К нему приставили 5 ханских сыновей и 15 знатных юношей, которые были скорее его слугами, чем охраной. Игорь ездил на соколиную охоту и выписал себе священника. В плену с Игорем происходит духовный перелом. Он оплакивает свои злые дела. Поражение Игорь воспринимает, как наказание за содеянные грехи.

Татищев сообщает, что за Игоря половцы требовали

небывалый выкуп в 2000 гривен (40 центнеров серебра). За других князей по 1000 гривен. Кроме этого, Игоря не хотели отпускать до выкупа остальных князей.

В плену вместе с Игорем находились сын Владимир, сын тысяцкого и конюший. Сын тысяцкого состоял в любовной связи с женой хана Туглия и был хорошо осведомлен о делах и намерениях половцев. Половец по имени Лавор (Лавр) предложил Игорю бежать. Игорь вначале был против побега, казавшегося ему делом нечестным. Опасался Игорь и мести половцев оставшимся пленным. Толчком к побегу, повидимому, было возвращение из похода озлобленных неудачами половцев, готовых, по слухам, расправиться с пленными. Игорь дает согласие на побег. Подходящий случай представился, когда по какому-то поводу, стража перепилась кумысом. Ночью Игорь берет крест и икону и выходит из палатки. На другой стороне реки Тор его ждет Лавор с лошадьми. Побег, по мнению Б. А. Рыбакова, состоялся 21 июня 1185 года.

До русских пределов у г. Донца (около Харькова) Игорь шел 11 суток. Достигнув русской земли, он спешит в свой город Новгород-Северский. Недоходя города, Игорь останавливается в пригородном селе. У Татищева находится трогательное описание встречи с Ярославной: „...прибежал в Новгород крестьянин того села и сказал княгине, что Игорь приехал. И, хотя долго тому не верили, но княгиня не могла более терпеть тотчас вседши на коня поехала к нему. Граждане слыша то, все обрадовались и за княгиней поехали. Множество же, не имея близко коней пеши пошли. Княгиня пришед, так друг другу обрадовались, что обнявсь плакали и говорить от радости и слез ничего не могли и едва могли перестать от слез“.

Половцы гнались за Игорем после побега, но, как мы знаем, безрезультатно. Хан Гза, потерявший около Путивля сына, предлагает в отместку за побег Игоря, расстрелять его сына. Но Кончак отказывает. Владимир женится на Кончаковне и увозит её и родившегося сына домой осенью 1187 года.

В противоположность первой части „Слова“, проникнутой языческой символикой, после побега „Бог кажет Игорю путь“.

По следам Игоря

Пытаясь найти место битвы, ранние исследователи Н. М. Карамзин, Н. А. Аристов, А. В. Лонгвинов и др. шли по ложному пути. Они искали реки Сюурлий и Каялу среди близких по названию рек Юга России, иногда в сотнях километров от Сальницы, забывая, что за ночь и часть дня Игорева дружина далеко ускакать не могла. В наше время ученые оперируют суммарными данными источников и, конечно, индивидуальными логическими построениями.

Исследователю предстояло дать конкретный ответ на следующие вопросы: Как далеко вклинилась Игорева рать в Половецкое Поле? В бассейне какой реки – Днестра или Дона – произошла битва с половцами? Какие реки в древности носили имена Сюурлий и Каяла? Где было озеро (море), возле которого бился Всеволод и другие воины?

Пособием для ответа на эти вопросы служат прямые и косвенные указания летописей и „Слова“. Так, известно начало пути в Половецкое Поле. Это Сальница и большой курган на правой стороне Северского Донца. Кургана теперь называется „Гора Кременец“.

Место первого сражения с половцами должно отстоять от Сальницы на расстоянии, пройденном Игоревым войском за ночь и часть дня. Но, тут-то и возникают главные разногласия: пройденный путь зависит от состава Игоревой рати.

К. В. Кудряшов и В. Г. Федоров, ссылаясь на летописное упоминание „черных людей“ в войске Игоря, допускали участие в походе пехотинцев. Однако, кажутся более вероятными мнения Б. А. Рыбакова и М. Ф. Гетманца, считавших, что поход, рассчитанный на внезапность, должен

вестись конным отрядом и что „черные люди“ не обязательно должны быть пехотинцами. Причем, как показывают примеры средневековых походов, воины идут налегке, а оружие, доспехи и провиант находятся в обозе. Вместо обоза использовали также вьючных лошадей. Одевали доспехи и вооружались только в преддверии близкого боя.

Место последней битвы должно локализоваться тремя ориентирами: Сюрлий, Каялой и морем или большим озером. На Руси большие озера нередко именовали морями. Иногда из этого треугольника выпадает одно измерение – Каяла. Как уже упоминалось, некоторые ученые считают Каялу художественным образом, а не географическим объектом.

Значительную роль в дешифровке места битвы занимают толкования имен Сюрлий и Каяла. К особым характеристикам принадлежит эпитет „быстрая“, по отношению к Каяле в „Слове“. Эта редкая черта удивляла ученых. Степные реки даже весной нельзя назвать „быстрыми“.

Проблема „шеломяни“ (ряд холмов), рожденная строками „Слова“: „О Русская земле! Уже за шеломянем еси!“, кажется несущественной для нахождения Каялы. Игорь перешагнул через несколько гряд и каждый ряд холмов отделял его от Руси. Таковы общие указания, исследователи будут пополнять их иногда оригинальными выводами и творческими находками.

Читателю, не имеющему перед собой подробной карты Юга России, трудно следить за всеми географическими, или топографическими подробностями похода Игоря. Для грубой ориентировки укажу, что Каялу и место битвы ученые ищут в междуречьи Днепра и Северского Донца, южнее Харькова. Из левых притоков Днепра, перечисляя с севера на юг, можно назвать Ворсклу, Орель и Самару. Из правых притоков Донца – Береку и Тор. В Тор, в свою очередь, впадали Сухой Торец и Казенный Торец и т. д. Большинство притоков брало начало у водо-

раздела, по которому шел в Крым известный Муравский шлях.

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных принципиальных решений, предложенных в послевоенное время. Следует сказать, что почти все гипотезы, о которых речь будет ниже, в свое время, были признаны, некоторые даже с энтузиазмом, как удачные решения загадки. Но последующая безжалостная критика разрушала основные положения и подрывала доверие к решению. Все же, даже отвергнутый вариант, вносил рациональное зерно и был шагом на пути от рабочей гипотезы к обоснованной теории.

Варианты проф. К. В. Кудряшова изложены в книгах „Половецкая степь“ (М., 1948 г.), „Про Игоря Северского и про землю Русскую“ (М., 1959 г.) и др. Ученый посвятил более 20 лет поискам места битвы. Он несколько раз менял свои взгляды и предложил три решения. Кудряшов – сторонник сравнительно неглубокого вклинения Игоревой рати в половецкую землю. Он считал, что войска, в состав которых входит как конница, так и пехота, в ночном движении по незнакомой местности проходят, в среднем, 25-30 км. в сутки, ускоренным же темпом – 40 километров. Вторая его предпосылка, определившая первый вариант – перевод с половецкого языка имени реки Сюурлий как „разлив рек“, „разлив воды“. На карте эта комбинация данных указывает на ближайшее от Сальницы слияние рек, а именно, Сухого и Мокрого Торца, впадающих в левый приток Донца – Тор. Реку Каялу ученый искал дальше на юге и идентифицировал с близкой по звучанию, р. Кальмиус, впадающей в Азовское Море. Позже, во втором варианте, Кудряшов, под влиянием исследований краеведа Н. В. Сибилева, пересмотрел свои взгляды. Как и в первом варианте – Сюурлий это слияние Сухого и Мокрого Торца, но Каяла теперь отождествляется с малой, но быстрой рекой Макатихой, впадающей в реку Голая Долина, в свою очередь текущую в Сухой Торец. Такое решение учитывало свидетельство „Слова“, в котором Каяла названа „быстрой“. В

добавление Кудряшов пишет: „По сведениям, полученным местным археологом Сибилевым от старожилов, между озерами Вейсовым и Репным в 1894 г. при устройстве железнодорожной ветви через Славянск, было выкопано на небольшой глубине от поверхности земли много человеческих костяков, лежавших в беспорядке среди остатков железного оружия. Если эти археологические находки являются следами последней битвы Игоря с половцами, то это служит новым доказательством в пользу отождествления озера Вейсова или Репного с „озером Всеволода“. Обследование на месте может дать необходимое обоснование того, чтобы остановить выбор на одном из указанных озер в связи с местоположением реки Каялы“.

К сожалению, сведения Сибилева пока не подтвердились. Никаких документов или вещественного материала в музеях обнаружено не было.

Страдания русских воинов от жары во время боя Кудряшов объясняет тем, что Макатиха-Каяла протекала в русле с трудно доступными берегами. Озера же возле Славянска соленые. Впрочем, как заметил позже ген. Федоров, соленость „озера Всеволода“, необязательный признак. Лаврентьевская летопись убедительно объясняет жажду русских воинов тактикой половцев: „а к воде не дали им идти“.

В конце битвы русские были оттеснены к „морю“ или, по толкованию автора, к большому озеру, т. к. на Руси озера нередко именовались морями. В этом „море“ и погибли остатки русской рати.

В 1959 г. Кудряшов снова изменил свое мнение. В третьем варианте он отказался от идентификации Макатихи с Каялой на том основании, что в половецких языках слово „каяла“ означает „каменистая“, а Макатиху так называть нельзя. Кудряшов пишет: „Недавние гидрологические обследования интересующего нас района выявили, что Макатиха – это небольшой ручей. Долина Макатихи представляет собой заболоченный намытый чернозем и, хотя сток воды имеет „крутое падение“, но далеко не совершенен. Это приводит, с одной стороны, к забола-

чиванию, с другой – к образованию ступенек с небольшими водопадами. Приведенная характеристика Макашихи означает, что это не „каменистая“ река и её нельзя считать Каялой“. В третьем варианте Кудряшов считает Каялой р. Каменку – правый приток Донца, приблизительно в четырех километрах от Изюма.

Критики построений Кудряшова, прежде всего, указывают на ошибочность оценки им скорости движения русских войск. В. Г. Федоров и Б. А. Рыбаков считали, что за ночь и часть дня Игорь должен был пройти гораздо дальше и место первой битвы следует искать у более удаленных объектов. Неудачна в третьем варианте ассоциация р. Каялы с р. Каменкой. Эта река протекает слишком близко от Сальницы, а „Слово“ неоднократно подчеркивает, что сражение происходило „среди земли Половецкой“. Не совсем точен перевод названия р. Каялы как „Каменистая“. Следует переводить – „Скалистая“.

Вариант В. Г. Федорова описан в книге „Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена р. Каяла“ (Молодая Гвардия, 1965 г.). Автор в своем увлекательном труде высказывает ценные профессиональные суждения о скорости движения войск, а также о русском оружии. В. Г. Федоров – сторонник взгляда на высокий уровень военной техники русских войск и указывает на употребление ими т. н. „шираширов“ – огнемечущих приспособлений, подобных тем, какие применялись в Византии и на Востоке.

В отношении состава Игоревой рати, Федоров пишет: „Считаю необходимым, однако, отметить, что наше исследование в целях большей объективности о длине перехода, базируется на наличии в рати Игоря как конных, так и пеших войск, независимо от их сравнительного количества и не обращая никакого внимания на „заводных лошадей“. Исходя из этого автор оценивает путь, пройденный Игорем форсированным маршем за сутки (или ночи и части дня), приблизительно в 70 верст (74 км.). Для доказательства возможности такого броска, Федоров приводит многочисленные примеры из военной истории.

Принимает он во внимание и то, что наши предки были выносливее нас.

В поисках Сюурлий Федоров обращает внимание на то, что у Татищева два раза вместо названия „Сюурлий“ повторено название „Суугли“. На этом основании он допускает существование двух параллельных названий реки. Имя „Суугли“ можно ассоциировать с названием р. Орели – левого притока Днепра, впадающей выше Днепропетровска, в древности носившего название Угль. „Суугли“ распадается на две части – на приставку „су“: „вода“ в тюркских языках и „угль“ – славянское слово „угол“. Например, в Ипатьевской летописи читается: „Возвратишся Русь и стояша на месте нарицаемое Ерель, его же Русь зовет Угол“.

Какой же рекой была Каяла по схеме автора?

Он считает, что это была р. Кривель, принимающая часть вод р. Орельки впадающей в р. Орель. В непосредственной близости от слияния Орели и Орельки находятся болота, вероятно остатки исчезнувшего большого озера. Существование в этом месте озера подтверждают путевые заметки стольника Московского государства Василия Тяпкина, ездившего вместе с дьяком и писарем в 1680 г. из г. Сумы в Крым для переговоров о мире. В записях Тяпкина находится упоминание озер в верховьях Орели, исчезнувших в наше время.

В итоге, Федоров помещает поле битвы среди левых притоков Днепра на значительном расстоянии от Сальницы.

Критики варианта В. Г. Федорова – Б. А. Рыбаков и М. Ф. Гетманец решительно отвергают его построения. Рыбаков пишет: „Против орельского варианта говорит то, что в таком случае Игорь, по-существу, возвращался бы на Русь с заходом в пограничную степь“. Но главное не это, а то, что форма „Суугли“ – основа всех построений В. Г. Федорова – ничто иное, как описка, даже если она повторена у Татищева два раза. Ипатьевская летопись этой формы не знает.

Вариант Б. А. Рыбакова предложен в капитальном труде

ученого „Слово о полку Игореве и его современники“ (М., 1971 г.).

Как и В. Г. Федоров, Б. А. Рыбаков сторонник днепровского варианта. В защиту этого взгляда, он выдвигает неожиданный аргумент: „Вызывает удивление, – пишет Рыбаков, – что до сих пор, при всех попытках определения театра военных действий, никто из исследователей не принял во внимание ясного и непреложного свидетельства „Слова о полку Игореве“ о „макрографии“ похода Игоря“. Таким свидетельством автор считает обращение Ярославны к Днепру „возлелеять“ Игоря. По мнению Рыбакова, эта просьба могла быть возможна только в том случае, если бы река Каяла находилась в бассейне Днепра и была, так сказать, „подведомственна“ Днепру-Славутичу.

Далее, Рыбаков, пользуясь историческими примерами походов войск, устанавливает минимальные и максимальные пределы проникновения Игоревой рати вглубь Половецкого поля: 40 км. и 80 км. Затем он, в соответствующем масштабе, проводит две дуги на карте, с центром в г. Изюме, одну радиусом в 40 км., другую – в 80 км. Между этими дугами и следует искать место битвы. Пространство еще больше сокращается, если отбросить его северную часть с орельским вариантом В. Г. Федорова.

В итоге своих рассуждений Рыбаков приходит к выводу, что первая битва произошла в верховьях р. Самары – левого притока Днепра. Сюрлий – приток Самары – Гнилуша. Название „Сюрлий“ ученый переводит как „Комариная река“, что по смыслу достаточно близко подходит под имя „Гнилуша“. Река Каяла – символическая река, обозначающая печаль, скорбь, смерть. Такого же мнения в отношении Каялы придерживались ученые В. Н. Перетц и Н. К. Гудзий. Вопрос о море, по мнению Рыбакова, решается просто: воины, вырвавшись из окружения, доскакали до Азовского Моря и там утонули.

Главное возражение в построениях Рыбакова вызывают поиски места битвы в бассейне Днепра на том основании,

что Ярославна обращается к Днепру с просьбой „возлеять“ Игоря. Но Ярославна обращается не только к Днепру, но и к Дунаю, обещая полететь туда “зегзицею“, к ветру и „тресветлому“ солнцу. Эти обращения нельзя материализовывать – они ничто иное, как поэтический образ, риторика. А в языческом плане, возможно, обращение к силам природы.

С другой стороны, как замечает М. Ф. Гетманец, летописи полны обращениями к Дону. Название р. Дон (и Донца) повторено в „Слове“ 17 раз, и сама река как бы является героем произведения и участницей событий.

Совершенно невероятно также, чтобы вырвавшиеся из окружения воины, устремились бы на юг, к далекому морю, до которого было 180 километров, а не в противоположном направлении – к близкой Русской земле. Ошибочно представление о Каяле, как мифической реке. В „Слове“ и Ипатьевской летописи р. Каяла имеет вполне ясное географическое значение, определяющее место битвы с половцами и гибель Игоревой рати.

Большое внимание привлекает недавно вышедшая монография М. Ф. Гетманца „Тайна реки Каялы“ (Харьков, 1982 г.). Заслуга автора этой работы в том, что он провел наиболее всестороннее исследование различных аспектов проблем, связанных с походом Игоря, включая военно-тактические, историко-географические, лингвистические, топографические и др. Теоретические рассуждения проверялись исследованиями на местности в течение 1971-1979 гг. Автор считает установленными следующие предпосылки: 1). Поход Игоря был кавалерийским набегом, но Игорь не проник глубоко в Половецкую землю. 2). Битва была в бассейне Дона.

М. Ф. Гетманец не предлагает нового варианта, но уточняет и дополняет второй вариант К. В. Кудряшова, основанный на исследованиях Н. В. Сибилева: река Каяла – есть река Макатиха, но Сюрлий – не слияние Сухого и Мокрого Торца, как у Кудряшова, а река Голая Долина, впадающая в Сухой Торец.

Первостепенное значение Гетманец придает находке-

нию трассы дороги, которой шел Игорь, Иначе говоря, поискам старой Торской дороги, соединявшей Сальницу с р. Тор, на которой было расположено стойбище хана Кончака. Пользуясь современными ориентирами – это старая дорога, связывавшая город Изюм с городом Славянском. Сегодня эти два города соединяет почти прямая шоссейная дорога, построенная уже после войны. Из расспросов местных жителей, на основании старинных карт и топографии местности, исследователь установил вехи старой дороги. Дорога шла от Изюмского кургана до р. Каменки, вдоль левого берега к устью, затем поднималась на невысокое плато, опускалась к началу р. Голая Долина и следовала по ровной и широкой долине правым берегом реки до впадения её в р. Сухой Торец. По мнению Гетманца, этой дорогой 800 лет тому назад и шел Игорь.

Невдалеке от устья р. Голая Долина, возле большого кургана, расположено село Долина. У подножья кургана сооружен памятник солдатам красной армии, погибшим при освобождении этой местности от немцев. Как сообщает В. И. Чуйков в книге „В боях за Украину“, здесь шли ожесточенные бои и солдаты переименовали Голую Долину в Мертвую Долину.

Беседа с жителями села Долина навели Гетманца на пересмотр толкования названия „Сюурлий“. Имя реки переводится как „бьющая, разливающаяся вода“, а не „разлив воды“, как переводилось раньше. Более того, новое толкование находит подтверждение в характере зарождения реки. Река возникает из мощных источников, бьющих из меловой горы. В древности эти источники были выше по отношению к уровню реки и, стекая вниз, образовывали примечательное явление – разлив воды. По этому признаку и была названа река.

Не менее интересны исследования, посвященные Мака-тихе – Каяле. Эта река, как отмечалось выше, впадает в Голую Долину приблизительно в 10 км. от устья с левой стороны. Река, вернее речушка, невелика, всего около 10 км. длиной и летом она почти пересыхает. Но можно ли назвать эту реку „быстрой“, как сделал автор „Слова“?

Подробные исследования установили, что Макатиха не только „быстрая“, но и „скалистая“, в чем сомневался К. В. Кудряшов. Выходы скалистых пород обнаружены вдоль крутых берегов реки. Еще в 20-х годах в ряде мест вдоль реки добывали камень. Следы шахт или пещер видны еще и теперь.

Имя „Макатиха“, несмотря на кажущуюся русскую форму, не может быть выведено из русских корней. В тюркских языках есть очень близкое слово „макатыр“ – богатырь, герой. По мнению Гетманца, это слово и дало вторичное название реки. После поражения русской рати река стала называться „Богатырской“. В сочетании с существительным женского рода „река“, на русской почве образовалась форма „Макатиха“.

М. Ф. Гетманец ставит вопросы: почему именно Каяла стала местом гибели русской рати? Какое место в тактике половцев отводилось Каяле? И отвечает: Половцы сначала отгеснили русские войска от Голой Долины (Сюур-лия), а потом притиснули их к крутым берегам Макатихи (Каялы). Вследствии того, что река образывала неожиданный и трудно преодолимый барьер, возникло замешательство, боевой строй распался и это привело к поражению русской рати.

Вопрос о третьем ориентире – море или большом озере, представлял для всех исследователей значительные трудности еще и потому, что площадь озер за истекшее длительное время значительно сократилась. Некоторые озера совершенно высохли.

М. Ф. Гетманец при решении этой проблемы обратил внимание на два, ныне существующих озера в районе слияния Голой Долины и Сухого Торца. По рассказам местных жителей, эти озера, во время весеннего паводка, образуют огромное озеро-море. Еще в прошлом столетии было установлено, что на дне озер существуют провалы в виде воронок, которые местные жители называют „топила“. Образование провалов объясняется деятельностью подземных вод, размывающих каменную соль, залегающую здесь мощными пластами.

Принимая во внимание свидетельство Ипатьевской летописи о том, что Игорь при пленении видел Всеволода, бьющегося на берегу озера, это озеро должно было простирается далее на восток. Действительно, „топила“ удалось обнаружить и в этом направлении. Как далеко – осталось невыясненным. В связи с этим, большой интерес представляет сообщение исследователя о находках, при строительных работах на берегу озер, наконечников стрел, остатков вооружения и человеческих костей. Но об этом упоминается только вскользь.

В результате исследований М. Ф. Гетманец восстановил события похода. Я кратко остановлюсь только на первой части интереснейших заключений автора. Вечером 9 мая 1185 г., перед заходом солнца, русские войска начали переправу через Донец. Игорь избрал это время с расчетом, чтобы спуск с Изюмского кургана в Половецкую Степь происходил в темноте. Спустившись с кургана русские войска пошли к Каменке и далее по дороге, шедшей вдоль русла реки. Шли всю ночь с короткими остановками на отдых. У верховьев Каменки, пройдя около 20 км. от Изюмского кургана, перед рассветом, устроили большой привал. Напоили лошадей, позавтракали, надели доспехи и, приняв боевой порядок, тронулись до Сюрля, до которой оставалось 10 км. В планы Игоря входил также набег на три половецких города, расположенных невдалеке от Донца. Поэтому Игорь не торопил войска, рассчитывая, что ему в этот день придется еще вести боевые действия. Всего войска Игоря до встречи с половцами прошли около 40 км., учитывая подъемы и спуски и извилистость древней дороги.

На этом я закончу краткое и поверхностное рассмотрение гипотез ученых. По моему мнению, М. Ф. Гетманцу принадлежит честь окончательного решения загадки реки Каялы, на поиски которой было потрачено столько времени и усилий, начиная с 1800 года. Оценка работы М. Ф. Гетманца, за исключением единичных положительных высказываний, пока отсутствует. Я, со своей сто-

роны, указал бы на две детали, нуждающиеся в доработке.

Первая. Исследователь очень высокого мнения о всестороннем планировании Игорем своего похода и его знании Степи. Но, если Игорь так хорошо знал Поле и уверенно ориентировался в нем, как случилось, что он заночевал чуть ли не в огороде самого могущественного хана Черной Кумании Кончака?

Вторая. Вопрос об озере-море остается невыясненным. Необходимы самые простейшие и скромные раскопки для определения границ древнего озера и доказательства того, что они были видимы с того места, где находился Игорь при пленении. При удаче могут быть обнаружены и останки русских воинов, утонувших в нем. Вероятно, мои замечания направлены не по адресу. Исследователь просто не получил разрешения властей. Неровен час, лопата археолога могла открыть могилу с черепами с аккуратной дырочкой в затылке. Доказывай потом, что здесь поработали не славные чекисты, а немцы. А душок к юбилею все равно пойдет... Нет, лучше уж не искать озера и храбрых русичей!

Кроме вышеприведенных замечаний, я разрешу себе высказать несколько новых мыслей в защиту тезиса о неглубоком вклинении Игоря в Половецкое Поле и поделиться с читателем опытом следования вдоль значительной части Игорева пути.

Сторожеви

Рассказ Ипатьевской летописи о посылке разведчиков и их рапорте не получил достаточного освещения в литературе. Между тем, вытекающие заключения могут дать ценные указания о расстоянии до обнаруженной разведчиками орды. Летопись сообщает: „И оттуда поидоша к Сальнице. Ту же к ним и сторожеви приехавша, ихже вяхуть послале языка ловить, и рекоша приехавше: „види-

хомся с ратными, ратники ваши со доспехом ездить; да или поедете борзо, или возвратися домови, яко не наше есть веремя“.

Всякому, особенно военному человеку, известна старая истина: ценность разведочных данных зависит от времени, когда они были добыты или, иными словами, – от их свежести. Игорь послал разведчиков не доходя до Сальницы, вероятно еще вблизи Оскола. Разведчикам предстояло в ускоренном движении, покрыть расстояние до Сальницы, затем, перейдя Донец, углубиться в Половецкое Поле в поисках орды и языка. Выполнив задачу, разведчики спешно возвращались и докладывали Игорю результаты разведки. Игорь дожидался разведчиков в лесу у Сальницы. Долго в укрытии он оставаться не мог, так как существовала опасность быть обнаруженным и подорвать или вовсе сорвать шансы на успех (что и случилось, хотя Игоревое войско было обнаружено уже на подходе к Сальнице).

С другой стороны, посылать разведчиков на большом расстоянии от Сальницы, и тем сократить время пребывания в укрытии, тоже не имело смысла, так как увеличивало путь разведчиков. Решение всех этих специфических вопросов зависело от опытности полководца, в данном случае Игоря. Можно положиться на то, что Игорь выбрал оптимальное решение. Не ошибемся также если примем, что разведка производилась в дневное, а не ночное время.

Проверим теперь возможность орельского решения, предложенного В. Г. Федоровым, по которому место битвы было удалено от Сальницы на 74 км. (по прямой). Допустим, что разведчики были посланы с пути, не доходя до Сальницы 10 км. Тогда путь, пройденный разведкой, равнялся 158 км. В действительности значительно больше, учитывая подъемы и изгибы дороги, объезды и отклонения для лучшего скрытного приближения к стойбищу. Такое расстояние даже „одвуконь“ покрыть не только засветло, но и в сутки, невозможно. Для сравнения приведу пример из истории войн с крымскими татарами.

В июне 1552 г. под Тулой войска Ивана IV нанесли сокрушительное поражение Девлет Гирею. Хан бежал с поля боя с небольшим отрядом личной охраны, бросив войско. Никоновская летопись сообщает, что крымский царь „великим спехом идет, верст по 60 и по 70 на день, и коней бросает много“. Оговорюсь, однако, что все подобные примеры относительны, так как не учитывают различия в рельефе местности, времени года и др. специфических особенностей.

Неприемлемо расстояние в 74 км. и по другой причине – сведения доставленные Игорю были бы не первой свежести. Половцы, встревоженные появлением русских, имели достаточно времени (10-15 часов), чтобы уйти из области досягаемости Игоря или же соединиться с другой ордой. А Игорю не имело смысла „пойти в ночь“ и догонять их.

Еще хуже дело обстоит с самарским вариантом Б. А. Рыбакова. Известно, что войска не прокладывают новых дорог, а всегда идут по старым. К месту битвы, по варианту Рыбакова, Игорю пришлось бы следовать сначала по Изюмской сакме на запад, а затем повернуть по Муравскому шляху на юг, что в сумме дало бы больше 74 километров.

О сравнительно близком месторасположении половецкого стойбища говорят и другие факты. Половцы обычно зимовали со скотом в теплых краях – на берегу Азовского моря. Весной, когда пастбища покрывались травой, они отправлялись на свои, твердо установленные, кочевья. Необходимым условием стана являлся вода для скота и людей. Желательным – близость леса. Лес давал дрова, дичь, ягоды и укрытие для скота в жаркие дни. Нетрудно предположить, что следующий стан, после стана Кончака на реке Тор располагался у истоков Каменки или Голой Долины. Именно там, где его обнаружили разведчики, по варианту М. Ф. Гетманца, был ближайшим к Сальнице. Еще более северный стан в речной системе Донца мог быть в верхнем течении Береки. Но дорога к нему шла через лес и разведчики вряд ли выбрали бы эту дорогу.

Все сказанное подтверждает еще раз правильность и вероятность гипотезы М. Ф. Гетманца.

В этом месте разрешу себе отвлечь читателя от событий XII в. и переключиться на события более современные.

По следам Игоря

В зимних боях января-февраля 1942 г. в бывшем Половцеком Поле, красная армия, ценой больших усилий и тяжелых потерь, потеснила немцев и заняла узловую станцию Лозовую, перерезав железную дорогу, соединявшую Харьков с Донбассом. Образовался т. н. Барвенковский выступ, вклинившийся в расположение немецких войск восточнее Изюма.

Как ни скромны были зимние успехи, но они открывали для советского командования соблазнительные перспективы. Командующий Юго-Западным фронтом маршал Тимошенко представил в Ставку амбициозный план удара с Барвенковского плацдарма на Днепропетровск, а затем вдоль Днепра на юг к Перекопу, с целью окружения и разгрома всей южной группировки противника и освобождении Донбасса. Ставка план отклонила, обосновав свое решение недостатком резервов для операции такого масштаба. Сталин, несмотря на достоверные сведения разведки глубокого тыла, о планируемом немцами весенне-летнем наступлении в южном направлении, был загипнотизирован московским направлением, на котором и сосредоточил резервы. Все же Ставка разрешила произвести местную наступательную операцию с целью освобождения Харькова.

Новый план Тимошенко предусматривал одновременный удар по сходящимся направлениям южнее и северней Харькова. В руки советских войск, по замыслу Тимошенко, должны были попасть штабы и склады 6-й армии генерала Паулюса (погибшей позднее в Сталин-

граде). Начало наступления было назначено на 12 мая.

Приблизительно в это самое время, немецкий генеральный штаб, планировал срез Барвенковского выступа, как прелюдию для дальнейшего наступления на восток и юго-восток. Операция получила кодовое название „Фридерикс I“. Согласно немецкому плану, одновременный удар под основание выступа с севера наносили части 6-й армии Паулюса, а с юга с реки Тор и от города Славянска механизированная группа генерала Кляйста. Начало наступления назначалось на 18 мая.

12 мая в 6 часов утра, после получасовой артиллерийской подготовки, части красной армии пошли в наступление. Южнее Харькова наступали: 6-я армия генерала Городнянского и армейская группа генерала Бобкина. Они легко прорвали немецкий фронт.

Иное положение сложилось северней Харькова. Наступающие дивизии сразу же натолкнулись на упорное сопротивление немцев и фронта прорвать не смогли.

На юге дивизии 6-й армии, продвинувшись на 25 километров, остановились и топтались на месте. Генерал Городнянский, не имея санкции Тимошенко, медлил и не посылал танковые корпуса на штурм Харькова.

Для немцев советское наступление было полной неожиданностью. Преодолев начальное замешательство, по личному приказу Гитлера, 17 мая, на день раньше запланированного срока, танковые дивизии Кляйста пошли в „однорукое“ наступление на фронт 57-й и 9-й советских армий, охранявших левый фланг 6-й армии. Через несколько часов фронт был смят. К концу второго дня наступления немецкие танковые колонны достигли Изюма и перерезали коммуникации трех советских армий. 22 мая окружение было завершено. К концу мая немцам досталось 240.000 пленных и огромное количество вооружения и военного имущества. Десятки тысяч красноармейцев нашли смерть на Поле Половецком. Злая река Тор, где притаился враг, снова сыграла свою коварную роль. Поражение под Харьковом широко растворило немцам ворота на Кавказ и к Волге. Судьба советской власти

снова повисла на волоске. . . „Слово о полку Тимошенко“ пока еще не сложено. И будет ли создано – неизвестно. Но если будет, то речь в нем должна идти не только о злой реке Тор, но и о двух Кончаках – Сталине и Гитлере.

Описанные события интересны не только как историческая параллель к походу Игоря, они имеют также практическое значение для выводов о скорости движения воинских частей в Поле Половецком. Автору этой статьи пришлось по дороге к фронту, пройти по большей части пути, по которому шел Игорь, 700 с лишком лет назад.

По следам Игоря наш артиллерийский полк пошел от города Купянска – приблизительного места встречи Игоря с Всеволодом. Начальство и штабы, вместе со снарядами в ящиках, ехали на недавно доставленных по Лендлизу английских грузовых машинах, к которым также были прицеплены пушки. Все остальные шли пешком от станции Лиски, где нас выгрузили. Шли вдоль Оскола. Память не удержала число дневных переходов, но по моим расчетам 6 мая мы увидели Изюм. Пройдя Изюм, мы остановились в лесу, примерно, в километре или двух выше города у паромы, днем и ночью перевозившего войска на другой берег Северского Донца. Все пространство вокруг было забито войсками. Два дня мы мокли в лесу под холодным дождем, ожидая своей очереди. Переправились 8 мая вечером, только на один день раньше Игоря. Донец еще не вошел в свои берега, быстро катил мутные волны, стараясь сорвать утлый паром.

Дальнейший наш путь не совпадал с вариантом М. Ф. Гетманца. Мы пошли прямо на запад, а не через громадный Изюмский курган к Каменке. Кстати, М. Ф. Гетманец даром послал Игоря на этот курган, его легко можно было обойти стороной. Как и Игорь, мы пошли „в ночь“ – начальство торопилось. Наступление должно было начаться рано утром 12 мая, а до фронта, у большого села Мироновки, надо было пройти 85 километров. Еще до того, как заговорят пушки, предстояло приготовить для них огневые позиции, данные для стрельбы,

и оборудовать наблюдательный пункт поближе к врагу.

Лесная дорога, начиная от Изюмского кургана, была не широка. Прошедшие ранее танки или тягачи оставили глубокие следы в мягком грунте. Кроме нескольких десятиминутных привалов, в полночь был привал получасовой. Навсегда запомнилось соловьиное пение – вдохновенная симфония наступающему солнечному утру.

Утром мы вышли из лесу. Взору открылась бескрайняя равнина. На запад, к синееющему горизонту, уходила двойная лента – серой грунтовой дороги и зеленой полосы чахлых деревьев правее. С перерывом на обед мы шли целый день под горячими лучами солнца, но до фронта не дошли. Смертельно усталые мы заночевали в каком-то селе.

Теперь я знаю, что от Изюма в Мироновку мы пошли точно по варианту В. Г. Федорова и пересекли Орельку около того места, где ученый искал Каялу (Кривель), а вся дорога от Купьянска совпадала с Изюмской сакмой, соединявшейся с Муравским шляхом, недоходя Орельки. Совпадение нашего пешего пути с этими средневековыми дорогами доказывает, отмеченный неоднократно в литературе, факт древности сухопутных дорог.

Подведем итог. Темная часть суток в эти дни мая продолжается около 5 часов. В лесу ночью скорость нашего движения не превышала 3 км. в час. Следовательно, за ночь мы прошли около 18 километров. Прибавим теперь 6 часов марша до полудня (с вычетом часа на обед и привалы). Не спав ночь, усталые, мы делали не больше 4 км. в час. Всего мы прошли по конкретной местности в то же самое время года, что и Игорь, форсированным маршем, около 42 километров. Это очень далеко от 74 км., на которые рассчитывал В. Г. Федоров и, если я ошибаюсь, то только в сторону увеличения пройденного нами пути.

Такова умозрительная арифметика при столкновении с реальностью.

Мне могут указать на дождь, замедливший движение в лесу. Конечно, я не знаю шли ли весенние дожди во время похода Игоря. Но, даже, делая поправку на их

отсутствие, войскам Игоря, состоявшим, по версии В. Г. Федорова частично из пехотинцев, приходилось, так же как и нам, шагать по степи, изрезанной речными поймами и балками, пересекать лощины и холмы и ночью вязнуть в еще по-весеннему сыром грунте лесной дороги.

Этим я не хочу доказывать ошибочность цифр, приведенных В. Г. Федоровым. Возможность далеких маршей может подтвердить каждый пехотинец – участник войны. Наша часть при отступлении от Днепра в сентябре 1941 г. в иные сутки проходила по 100 км. и более. Но тогда было другое – объятые паникой, мы выходили из окружения по ровной, как ладонь, приазовской степи в сухое время года. Кроме сказанного, В. Г. Федоров ставит свои выводы в зависимость от их проверки на реальной местности. Что и было, случайно, произведено нами.

Исключительный пример непригодности теоретических расчетов можно найти у Б. А. Рыбакова, поместившего на месте Изюмского кургана Сальницу.

Приведенная проверка похода Игоря по варианту В. Г. Федорова, по моему мнению, свидетельствует о нереальности всякого днепровского решения. Только близкий донецкий вариант должен приниматься во внимание.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый господин Редактор!

С большим интересом прочел статьи епископа Григория и А. Троицкого в последних номерах «Вече». Хочу поделиться своими мыслями с Вами и с другими читателями альманаха.

Христианство – это, прежде всего, вера в Христа. Все остальное второстепенно. Живя среди неправославных (но инославных!) христиан следует праздновать День рождения Христа вместе с ними! Особенно это важно для наших детей и внуков. Не признавая Новый стиль – мы тем самым не признаем и христианских праздников, чтимых католиками и лютеранами, среди которых живем. Детям не растолкуешь причины, и они не приобщаются ни к какой церкви. Там, где русских мало православного храма нет вблизи. И вырастают русские дети безразличными к христианству (к любой церкви). А там, где православная церковь есть, посещать её по будним дням неудобно, если следовать Старому стилю. Ведь, свободный день-то, праздник – здесь отмечается по Новому стилю! Трудно же людям ходить в церковь в рабочий день. И нет чувства праздника, которое появляется когда празднуют все люди вокруг. Будучи свободным от работы, легко пойти в свою церковь, повести с собой детей, показать им всю красоту Православного Богослужения, привлечь детей к вере их предков. Ведь, главное что? Молитва священника, хор, иконы, свечи!

Я не противоречу себе. Красота наших обрядов вызывает у нас молитвенное настроение, как бы приближает к Христу, к Богу. Важно ли в какой день? Не важнее ли вместе с другими? Пусть они поклоняются в иной форме в своих храмах, но вместе, в один и тот же день!

А теперь несколько слов о другом. О вере в Бога, вообще. Когда я был еще на родине, а тогда мне не было еще и 30 лет, я прежде всего верил в Бога; нечто высшее, доброе, всемогущее. Красоту веры прадедов понял гораздо позже. Теперь соприкасаясь с наукой, стараюсь защищать веру в Бога от атеизма. И здесь самым сильным оружием является физика – твердыня атеизма прошлого века.

Знаю по собственному опыту, что большинство соотечественников не имеют представления об этом предмете и хочу представить здесь некоторые положения и выводы теории относительности, квантовой механики и астрофизики. Время не едино во всей вселенной, а по сему единовременность явлений и событий лишь относительна. Это выводится из факта постоянности скорости света. Движетесь вы ему навстречу (лучу от источника) или вместе с ним, относительно вас его скорость одна и та же. Из этого, далее, выводится, что масса тела растет с его скоростью и становится бесконечной если скорость достигает скорости света (откуда она берется?) и материя превращается в энергию (т. е. исчезает!). Эйнштейн дал теоретическую (математическую) формулу этого превращения, теперь же в термоядерных процессах (и бомбах) это доказывается экспериментально. Далее: астрофизика рассказывает о небесных телах (черных дырах), где сила тяготения так чудовищно велика, что даже свет не может покинуть, уйти от этих тел. Дальнейшее увеличение массы ведет к остановке времени („Времени больше не будет“! – „Апокалипсис“) и выпадению из нашей четырехмерной системы, т. е. исчезновению, провалу неизвестно куда. (См. Карл Саган, „Cosmos“).

Свет... Волновое движение „эфира“ (что есть эфир?), электромагнитные колебания. Так считали и доказывали опытом интерференции явление присущее волнам (взаимное погашение). Современная квантовая механика говорит, что это так и **не так**. Свет ведет себя то как волна, то как частица (фотон).

Далее законы физики не универсальны. Те законы, ко-

торые мы знаем в нашем макром мире, не действительны в масштабе атома. Там явления происходят самопроизвольно, без механической причины (принцип неопределенности Хейзенберга). Атом радия (один атом или, вернее, ядро атома) может распасться через 3600 лет (период полураспада, скажем, одного грамма радия), а может и через одну секунду и никаким способом предсказать этот распад нельзя. Тут (уж, это моя мысль), если вы скажете, что все происходит непосредственно по воле Божией, вы неопровержимы!

Есть еще многое другое, как например, прохождение одной материальной частицы (электрона) через два отверстия на экране в одно и то же время. Можно ли все это понять? Наука ли это, точная наука с точки зрения физика XIX века? Где же материя, основное свойство которой – масса?

Конечно, Ленин, со свойственным ему демагогизмом, сказал: „Материя – всякая объективная реальность вне нашего сознания“. Т. е. содержание книги, наши чувства, расстояния – есть материя?

Написать, выразить математической формулой все эти положения о пространстве, времени, материи, энергии можно. А понять? Понять, что материя, как нечто постоянное, неистребимое, вечное – не существует; что времена во вселенной различны, что электрон может быть одновременно и там, и здесь, что небесное тело может исчезнуть (и появиться!). Понять нашим умом невозможно, хорошо уже, что нашли! Поэтому неопровержима мысль, что мир создан высшим разумом. По воле Бога! Отца, Вседержателя, Творца Неба и Земли и всего видимого и невидимого... А Он был всегда. Непонятно? А разве понятно все вышесказанное о материи, энергии, времени?

Но объяснение мира Богом гораздо проще всех других теорий!

Самое ужасное „contra“ – это почему Он допускает существование Зла? Об этом думал (и мучился) наш величайший гений (наш ли только?!). Достоевский. Гения-

льный писатель в ряде своих произведений представил, что будет если от Него отказаться („Все дозволено и шабаш!“). А мы знаем, что будет на практике! В стране, где, веруя в Бога, говорили, учили и делали – „не помысли злом и на татарина“ – уничтожено 66 миллионов людей! Страна превратилась в царство „дьявола с кровавыми богами“.

Недавно я имел возможность длительного общения с „советским“ человеком. Впечатление такое, что это действительно человек, живущий в „заколдованном лесу“ и сам он как заколдован. Но колдовство под действием лучей свободы спадает. Он с жадностью набросился на Солженицына и его суждения перестали быть штампами из «Правды», он приходил в себя...

Если недавно о нашей родине говорили, что это сплошной концлагерь, то теперь можно сказать, что это сплошная психотюрьма.

И здесь возникает вопрос, посадят ли тюремщики весь мир в эту психотюрьму? О том, что так все кончится говорит поведение свободного мира (за исключением меньшинства), против такого конца – поведение русской интеллигенции на родине; чуть ослабели цепи рабства – чары колдунов пропадают. И на все воля Божия! Он не раз карал народы за грехи их, и Сына Своего для искупления грехов дал распять.

Л. Рязанец. Чили.

Уважаемый г-н Красовский!

Я не могу настаивать, но очень прошу опубликовать прилагаемое письмо В. Максимова, в редактируемом Вами журнале «Вече», чтобы оно получило широкую огласку. Письмо я отправила Максимова 14 июля с. г. заказным, ответа же не получила.

С уважением

доктор Руфь Окунева.

Г-н Максимов!

12 декабря 1984 г., будучи в Израиле, Вы уговорили меня дать Вам папку с **единственным** экземпляром моих работ для перефотографирования и передачи их **копий** А. И. Солженицыну. Это были три мои статьи, написанные в Израиле:

1. Фашизм или свобода?

2. Талмудисты в атеистической пропаганде (или неожиданные выводы из анализа атеистической литературы последних 30-ти лет, опубликованной в СССР).

3. Октябрьская революция, государство и Русская идея в представлении неославянофилов 1970-х годов.

Первая из них – критический анализ израильской пропаганды во время вторжения в Ливан. Две другие – попытка осмыслить роль еврейства (а в последней и диссидентства) в судьбе России.

14 декабря 1984 г. я добавила к этим статьям мое Обращение к общественности мира с запиской о том, что это Обращение НЕ предназначено к публикации, а лишь поможет Вам понять мотивы метаморфозы моих взглядов.

Вы обещали вернуть мне **весь** этот материал после его фотографирования, **не позднее, чем через две недели**, клялись своей репутацией порядочного человека.

После 6 (шести – !) месяцев моих еженедельных напоминаний Вам письменно и по телефону (что легло на меня – безработную, – весьма тяжелым грузом), после 6-ти месяцев Вашего выкручивания и вранья сначала о том, что этот материал Вы передали Н. Струве (без моего согласия!), а затем, что Вы нигде „не можете“ найти моей папки, после попыток вообще избежать какого-то разговора со мною, и, наконец. после моей угрозы самой связаться с Солженицыным, чтобы сообщить ему об этой неблагоприятной истории, **15 июня 1985 г.**, Вы выслали мне из всего взятого материала **только** мое Обращение, нарочито вложив его в конверт некоего комитета, многозначительно наименованного „Комитетом международного

сопротивления“ (!) и с цензорскими замечаниями, свидетельствующими о том, что этот материал попал в руки лица, ревностно стоящего на страже „доброго имени“, любимого им „маленького Израиля“. Иначе, как можно понять слово „вранье“, когда речь идет о широко известной расовой политике этого государства, с его законом „Кто еврей?“ и его соответствующими действиями по отношению к отдельным лицам и даже целым народам. Да и кто мог взять на себя смелость клеймить такими словами факты, которые он не в силах опровергнуть, если за ним не стоит Министерство внутренних дел Израиля, в архиве которого хранятся списки избирателей и личные дела, в том числе – мое и моего сына Андрея, на основании которого он в течение 3-х лет был признан гражданином второго сорта, „нежелательным гражданином Израиля“: именно такими словами был сформулирован в его деле его статус в этой „богоданной“ стране.

Попытка дальнейшего „редактирования“ фактов в этом Обращении, – а, следовательно, очернения меня, – очевидно Вам не удалась, а потому Вы и вернули мне этот экземпляр, умышленно не стерев пометок и даже издевательски приложив мою записку к Вам от 14 декабря 1984 года, в которой вполне ясно говорится о том, что Обращение не предназначено для публикации (а следовательно и для оглашения) и что его долгое отсутствие, как и отсутствие вышеуказанных 3-х статей будет беспокоить меня по причинам, ни для кого не составляющих тайны.

Вы вернули мне Обращение в таком виде, чтобы издевательски показать мне, как ловко Вы вкрасились ко мне в доверие и как ловко Вы его обманули, используя для этого совсем несложные уверения о том, что Вы „во всем со мною согласны“, что „они“ Вам „надоели“, что Ваша сестра – тоже жертва расовой политики Израиля, – была вынуждена покинуть эту страну и переехать в США, о том, как опасно мое положение, изолированное от внешнего мира, с моими взглядами, в этой стране, а потому Вы хотите мне помочь, сняв копию с моих работ и переслав их А. И. Солженицыну, поддержка которого будет мне

защитой, и что Вы не рискуете делать эти копии в Израиле, а потому просите у меня разрешения взять их в Париж и перефотографировать их там, что, якобы, гарантирует мне безопасность **до появления их в печати**, и что Вы конечно же понимаете, что такое **единственный** экземпляр, и конечно же вернете его мне в целости и сохранности в течение 2-х недель и не почтой, а нарочным, потому что Вы порядочный и обязательный человек – „Вам все это скажут“, „спросите у кого угодно“.

Вы ловко обманули меня, Максимов, поставив под удар мою судьбу, а, может, и мою жизнь, а чтобы замести свои следы, Вы выманили у Струве грязный, непригодный для публикации вариант **одной** статьи: „Талмудисты“, который я ему оставила в октябре 1984 г., и, подменив им „пропавшую“ папку с **последними вариантами трех** моих статей, которую Вы получили лично в собственные руки 12 декабря 1984 г., отправили мне его 23 апреля 1985 г.

Вы ловко обманули мое доверие, Максимов, воспользовавшись полным незнанием мною Вашей настоящей репутации, ибо только теперь я узнала о Вашей странной роли в судьбе Буковского, о сострепанном Вами и Вашими соучастниками коллективном доносе на Глазунова, о том, что Вы в недавнем прошлом поступили с Арнольдом так же, как со мною сейчас, передав присланный им материал в Прокуратуру ФРГ „с целью возбуждения“ против него „дела о распространении нацистской пропаганды на территории этой страны“.

В какую „прокуратуру“ Вы отправили мой материал – не остается никакого сомнения.

Вы – просто подсадная утка, осведомитель, Максимов, – одна из самых презираемых разновидностей провокаторов.

И не пора ли, действительно, Вам, „сермяжному русскому“ – так Вы представляете себя Вашим читателям, – сделать наконец-то обрезание; такое желание Вы уже однажды выражали в своем журнале (см. «Континент», 1980, № 30).

Но еще я хотела бы знать, какую роль играют в Ваших грязных делишках Н. Струве и А. И. Солженицын, на имена которых Вы постоянно ссылаетесь.

Со всеми Вашими претензиями Вы можете обращаться ко мне по адресу и телефону моего сына Андрея (за неимением у меня постоянного местожительства): Dov Gruner st., 17/115, Talpiot Mizrakh, Jerusalem, Israel, Tel. 71-45-26.

Не с уважением.

Доктор истории **Руфь Окунева.**

12.07.1985 г.

Уважаемый господин Редактор!

Прошу опубликовать мое открытое письмо Раисе Давыдовне Орловой-Либберзон-Копелевой, с которым хочу познакомить читателей нашего «Вече».

Раиса Давыдовна!

Прочел я Ваши автобиографические „Воспоминания о непрошедшем времени“ и в недоумение впал, да и многое вспомнил. . . Вспомнил, прежде всего, анекдот. . . Прохожие на одной из московских улиц, услышали душераздирающий крик из подворотни:

— Караул! Караул! Помогите!

Люди бросились в подворотню. Увидели там отчаянно кричащую старушку. Прибежал милиционер и к старушке:

— В чем дело бабушка? Что случилось?

— Изнасиловали меня, сынок, - отвечает бабушка.

— Где? - Спрашивает удивленный милиционер.

— Тут, в этом доме.

— Когда? - допытывается страж порядка.

— Пятьдесят лет назад.

— Что же ты, дурочка, кричишь теперь?

— Приятно вспомнить, сынок...

О своем папе Вы, Раиса Давыдовна, сообщаете: „По профессии экономист, папа первую и главную пору жизни был помощником начальника – в Наркомпроде, в НКПС, в Госиздате, снова в НКПС – переходя из учреждения в учреждение вместе с Халатовым“. А тремя страницами раньше Вы отметили, что отец Ваш работал уже „с первых лет революции“ с Артемием Халатовым. Дружок и начальник Вашего папы, Раиса Давыдовна, был хоть куда. Матерой чекист, не одну сотню невинных людей расстрелял он, хотя по должности был в 1918-19 годах лишь чрезвычайным комиссаром по продовольственному снабжению Москвы. Я не знаю, а Вы не сообщаете, чем точно занимался Ваш папа под руководством Халатова. Пусть будет так, как Вы утверждаете: „он (Ваш папа, В. К.) писал статьи, а подписывал их Халатов“. Не взывайте за мою фантазию – не подписывал ли статьи, написанные Вашим папой, Халатов, отдыхая от расстрелов?

На той же странице читаю: „В годы работы в Госиздате он (Ваш папа, В. К.) познакомился с известными тогда писателями, снимался с ними (он вообще любил фотографироваться и хорошо выходил на снимках), участвовал в съездах, конференциях, совещаниях. Любил бывать в командировках (не дурак был Ваш папа, В. К.). Несколько раз ездил за границу. Вершиной его успехов была поездка к Горькому на Капри в 1933 году... В одном из писем Горького Халатову есть такая фраза: „Передайте привет товарищу Сталину и Либерзону и Проскурякову...“ Как лестно, как умилительно, Раиса Давыдовна – в одной строчке и Сталин и Ваш папа.

А мой папа не успел съездить за границу к Горькому на Капри, так как уже в 1933 году находился на своей исторической родине на одном из островов архипелага ГУЛАГ. В коллективизацию, один из единомышленников Вашего папы по фамилии Фишман, особоуполномоченный на селе, упек моего папу на 4 года и папа мой был превращен

из хлебопашца в раба на великой стройке коммунизма – Днепрогэсе. Он, мой папа, не мог выплатить повторный грабительский продналог, рассчитанный на „уничтожение кулака как класса“. Мой папа в свое время служил на императорском морском флоте, гордился этим и был, как и Ваш папа, красив и силен. Но он не искал дружбы со знаменитостями и не любил фотографироваться с „дуросвитами“: так он называл большевиков.

А дальше Вы, Раиса Давыдовна, даете на своего доброго папу интересное показание: „В его шкафу лежал пистолет. Когда-то давно, в период хлебозаготовок, куда его постоянно посылали, он получил право на владение оружием (вероятно, и на применение оружия, В. К.). Но потом этот пистолет стал источником постоянных страхов. Он боялся, что пистолет отнимут. Он боялся, что спросят, кто дал разрешение...“

А вот, Фишман не боялся своего пистолета. Помню, глубокой осенью, поздним вечером, явился к нам „сельский актив“ во главе с Фишманом. Пришли за „недоимками“. Лазили они по горшкам и глечикам, заглядывали в печь, ковыряли палкой в дымоходе. „Конфисковали“ месячный продпак, который получили сестра и старший брат, забрали суконные штаны и ремень нашего брата, купленные на его первую рабочую получку. Тоже в счет „недоимок“.

Вышли мы с мамой проводить гостей-грабителей. Стоим у ворот и вдруг из глубины черной осенней ночи прогремел выстрел и до наших ушей донеслось:

– Рятуйте, люди добрые, спасайте, кто в Бога верует!

Это узаконенные бандиты начали грабить следующую жертву...

Может быть и Фишман, когда подошел его час, тоже боялся, как и Ваш папа, что „спросят, кто дал разрешение?“ Но большинство таких как Ваш папа и Фишман боялись зря. Не пришло еще время, когда у них всерьез спросят: „Кто дал разрешение?“

Чтобы продолжить разговор процитирую дальше с той же страницы: „Его (Вашего папу, В. К.) привлекала сила и

власть. Власть была в руках Сталина. И он хотел быть частью этой силы“.

Раиса Давыдовна, в руках у Сталина были всего-навсего „кнопки“, с помощью которых он и управлял машиной смерти, созданной умом Ленина-Троцкого и таких спецов как Ваш папа. И мясорубка работала безотказно почти столетия, энергией таких любителей силы и власти, как Ваш папа. А после смерти людоеда в мясорубке припились резак.

И еще читал я в Вашем произведении: “С того первого праздника, который я, маленькая девочка запомнила, их в нашем доме было несчетное множество. Дни рождения, именины наши, родственников, друзей, крестины, (!) свадьбы, окончания школ, институтов, защиты диссертаций, публикации книг! Шумные, многолюдные, веселые“.

Читаешь такое и голова кругом идет. Где это? На какой планете? В какой стране так счастливо и весело живут люди? В „Золотом веке“ Перикла или в „Стране солнца“ Кампанеллы? Нет. Это – реальная страна на нашей планете и называется она – СССР. Тут давно построен коммунистический рай с закрытыми кормушками для „нового класса“, в который вошли дармоеды, как Ваш папа, ему подобные, да и Вы сами, Раиса Давыдовна.

Я тоже родился, рос и жил в этом „раю“. Но мне в мои 10 лет пришлось срочно становиться взрослым, чтобы выжить. Когда отца нашего загнали на архипелаг ГУЛАГ, наша решительная мать бросила дом и остаток хозяйства на произвол „новому классу“. С нашим убогим скарбом, который влез в три мешка, мы тайно как злодеи, покинули ночью родное село и родные могилы. Мы – это наша мученица-мать, я – десятилетний её сын и мой младший братишка Петя – четырехлетний несмышлёныш. Все трое отправились в „свет за очи“. Старшие из нашей семьи – три брата и сестра – уже раньше разбрелись по свету. Позже собрались в Донбассе на руднике, куда бежал наш отец из лагеря.

Мой родной дядя, вовсе не кулак, ушел на шахты и

испытал на своей шкуре горькую долю коммунистического раба. Трое его детей умерло. Но может ли такое тронуть Вас, Раиса Давыдовна? Вы ведь, правда, уже повзрослев, в той же „праздничной комнате“ не только праздновали многолюдные веселья, но и убивали Ваших же детей. Вы пишете: „Когда аборт были запрещены, здесь же, в бывшей праздничной комнате, старый врач „выручал“ меня и моих подруг. За большие деньги. Под страхом уголовного преследования“. Значит, чтобы уничтожить собственных детей ни Вы, ни подруги Ваши, денег не жалели и не боялись уголовного преследования?! Могли ли такие люди пожалеть чужих детей?

Мне - школьнику 4-го, потом 5-го класса, приходилось чуть свет подниматься с постели и идти с кошелкой в очередь за пайковым хлебом, который выдавался только на один день. Иногда мать скажет:

— Сынок, сегодня продай довесок хлеба на базаре. Нам нужны деньги на выкуп месячного продпайка.

И эти базары 1932-33 годов мне доселе не забыть. На умирающих голодной смертью стариков, что валялись позади пустых овощных ларьков, внимания никто не обращал. Людей на базаре не густо. В продаже то, что получали на продкарточки. Кто продает пайковую соленую рыбу, кто, как я, довесок хлеба. Люди вялые, уставшие. На всех печать голода.

Вот, посреди базара лежит сельский паренек. Обнажены до колен распухшие, сверкающие как стекло, ноги. С них сочится сукровица, мухи роем облепили разлагающееся тело. Паренек поднял глаза к небу, просит хоть кроху хлеба. . . А над базаром рыдает баян. Слепой баянист выводит мелодии, жена его поет и предлагает, отпечатанные на машинке (это в то время!) тексты песен.

„Помню, помню, помню я, как меня мать бранила. . .“

Или:

„Папу я зарезал, маму я убил, а сестренку родную в море утопил. . .“

Такие песни пели нам и пели мы на наших „праздниках веселых“!

Всех умерших за день на базаре, так называемая „легкая кавалерия“ – комсомольцы в военизированной форме с портупеей через плечо – ночью собирала на телеги и сбрасывала в яму, вырытую на рудничном кладбище. Могильников не насыпали, монументов не ставили. Наполнят одну яму, зароят, заровняют дерном, чтобы следа не было. Роют другую...

Бывало, стою с четырех часов ночи в очереди, а рядом с нашим шахтерским магазином находился закрытый распределитель. Утром из дверей распределителя выходили породные женщины с большими корзинами в руках, прикрытыми белой марлей. В очереди говорят: „Это жены начальников, тоже продпак получают“.

Вы, Раиса Давыдовна, хорошо были знакомы с закрытыми распределителями, с закрытыми столовыми. Я видывал их снаружи, а Вы – изнутри, Вы – ими пользовались. Вы вспоминаете: „Перед входом в столовую трусливо оглядываюсь. В руках у меня „улика“ – судки. Кое-кто из местных жителей явно знает – за этой дверью без вывески что-то дают. Нестерпимо стыдно...“ И на том спасибо, что стыдно Вам было. Другие из Вашего „нового класса“ не стыдились, а обжирались, пьянствовали, спешили жить...

Наши матери, сестры плакали ежедневно – в платочек, в тряпочку, на работе в шахтах и ночью в постели. Приходилось слышать и такое: „Звери человечней плачут, чем наши матери...“ Меня мать ежедневно оплакивала тихими слезами, когда я молча уходил на шахту. Мне шел семнадцатый год. А брат Сашка уже в двадцать лет сгубил в шахте здоровье. Умер от туберкулеза и уходя на тот свет он просил мать:

– Мои новые ботинки никому не давайте, мамо. Я еще вернусь и буду сам их носить.

Разве такое забудешь и разве помянешь добрым словом Ваше „непрошедшее время“, Раиса Давыдовна? Не хватит всего Союза советских писателей, чтобы описать все муки народные. Те ботинки Сашка получил на свою подземную промкарточку, а износить их пришлось мне...

Вот какие невеселые воспоминания роились в голове моей, когда я читал Вашу книгу, Раиса Давыдовна. Вспомнил я значительно больше, чего хватило бы на книгу, но на книгу не о веселых праздниках, удовольствиях и соучастии в коммунистических преступлениях, а о том как страдали и продолжают страдать десятки миллионов людей в стране реально существующего социализма. Но книгу писать мне некогда. В отличие от Вас, как и когда-то в родной стране, здесь на чужбине, в Германии, меня никто не обеспечил привольным житьем-бытьем, а приходится мне, чтобы жить и не бедствовать, работать на заводе слесарем, на 65-м году жизни. У Вас же есть средства к безбедному существованию, поэтому есть и время, чтобы продолжать обманывать доверчивых, наивных людей, чтобы сочинять сказки о том, что Вы и люди Вашего круга ничего ни о чем не знали, и уж конечно ни в чем не виноваты.

Итак, книгу писать не имею времени. Поэтому ограничиваюсь этим письмом, в котором не сказал и сотой доли того, что следовало бы сказать, прочтя Вашу книгу, Раиса Давыдовна. Надеюсь, что найдется кто-либо, кто скажет больше и полнее. Надеюсь также, что прочтя мое письмо Вы хоть на минуту задумаетесь и станет Вам так же стыдно, как при входе в закрытую столовую – стыдно не за прошлое, а за то, что и сейчас Вы продолжаете обманывать себя и других.

В. Квитка, Западная Германия.

Михаил Мондич

«СМЕРШ»

1945 год. Советская армия „освобождает“ Европу. За нею следует СМЕРШ – «Смерть Шпионам», организация НКВД, специально созданная для истребления «врагов народа». В Закарпатской Руси, на этом клочке русской земли, принадлежавшем к довоенной Чехословакии, в СМЕРШ в качестве переводчика забирают местного паренька, автора этой книжки. Мондич умеет правдиво и просто рассказывать. Его описание службы в СМЕРШе, своих переживаний во время этой службы и побега читается с неослабевающим интересом. Записки Мондича – небольшой, но яркий отрывок, как бы луч света, внезапно освещающий читателю страшную правду о насаждении сталинщины в странах Восточной Европы. Сейчас, через 40 лет, минувшая война становится постепенно историей. Сталин умер, НКВД и СМЕРШ переименованы. Но дух угнетения и насилия жив, и книжка Михаила Мондича (опубликованная в первом издании под псевдонимом Синевирского) нужна не меньше, чем в то смутное время, когда она была опубликована впервые.

1984, 2-е изд., 216 стр.

26 нем. марок

Заказы направлять:

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/M. 80

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

GLOBUS

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118

Т. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО

(кроме воскресенья)

С 10 до 6 ч.

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера 15 нм

подписка на 4 номера 50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера 9 ам. долл.

подписка на 4 номера 30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной
почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе —
24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в
США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу почтовым переводом
приложенным чеком

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**